

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Институт филологии и журналистики

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти С.Г. Стерлигова*

Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 года

Нижний Новгород
2019

УДК 81 (082)
ББК 81я43
Я 41

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Е.Ю. Викторова
кандидат филологических наук Т.В. Харламова

Я 41 **Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты:** Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова, Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 года / Отв. ред. Н.А. Воскресенская. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 185 с.

ISBN 978-5-91326-533-3

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты», посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Статьи представляют результаты теоретических и прикладных исследований в русле современной лингвистики.

Для исследователей русского, английского, французского, немецкого языков, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами изучения языка.

Редакционная коллегия:

Н.А. Воскресенская (отв. ред.) – к. филол. н., зав. кафедрой
зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского;
Л.А. Бушуева – к. филол. н., доцент кафедры зарубежной лингвистики
ННГУ им. Н.И. Лобачевского;
Е.В. Казакова – к. филол. н., доцент кафедры зарубежной лингвистики
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Печатается по решению Ученого совета ННГУ

ISBN 978-5-91326-533-3

УДК 81 (082)
ББК 81я43

© ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акимова И.И.</i> Категория русского залога в зеркале китайского языка (лингводидактический аспект).....	5
<i>Бабанина О.Н., Ярыгина О.Н.</i> Триада лингвоперцептивного образа «Life» в авторском дискурсе Джулиана Барнса (на материале произведения «The Sense of an Ending»).....	9
<i>Берзина Г.П.</i> Особенности английской лингвоцветовой картины мира (на примере колоративных фразеологизмов)	12
<i>Бушуева Л.А.</i> Имя поступка <i>deed</i> : пример интегрального описания	16
<i>Воскресенская Н.А., Казакова Е.В.</i> Интерпретация концепта <i>РУССКИЙ ПОФИГИЗМ</i> в рассказе С. Тессона «Поезд»	21
<i>Гулик О.О.</i> Лексико-семантическое поле «Woman» в английской языковой картине мира.....	26
<i>Дубровская О.Н.</i> Особенности представления событий в политическом нарративе (на материале текстов СМИ)	29
<i>Ермакова Ю.И.</i> Прагматическая адаптация политических выступлений с английского языка на русский	33
<i>Ефремова Л.С.</i> О влиянии английской IT-терминологии на формирование современных русских антипословиц	38
<i>Жданова Е.А.</i> Словообразовательные неологизмы рубежа XX–XXI веков, созданные на базе имен собственных	43
<i>Жиркова С.А., Карайель Е.Н.</i> Синтаксические свойства и условия функционирования объектного инфинитива во французском языке.....	48
<i>Зинцова Ю.Н.</i> Особенности структурно-семантической организации имен прилагательных немецкого языка со значением «Rot / красный (цвет)».....	52
<i>Казакова П.Д., Баженова Я.Г.</i> Межкультурный аспект обучения иностранному языку в контексте мультилингвальности	56
<i>Кликушина Т.Г.</i> National language picture of the world and the role of the reference point in the systematization of the Russian clothing stores' names.....	61
<i>Конева Е.А., Юдина К.А.</i> Особенности вербальной репрезентации символических атрибутов немецкой рождественской открытки в ментальном лексиконе человека	67
<i>Кострова О.А.</i> Дискурсивные фрагменты в межкультурном проекте.....	71
<i>Красных В.В.</i> Место и роль психолингвокультурологии в изучении межкультурной коммуникации.....	76
<i>Кристиано Инсигнарес Н.</i> Сопоставительный анализ русских и испанских фразеологизмов с компонентом <i>один</i>	89
<i>Крючкова Н.В.</i> Использование корпусов текстов при обучении переводу	93
<i>Майорова Д.С., Селютин В.В.</i> Принципы переводческого анализа терминологии в сфере образования	98
<i>Мацкевич Е.Э., Флакман А.А.</i> Роль языковых и культурных барьеров в межкультурной коммуникации	102

<i>Мацкевич Е.Э., Шевцова Ю.В.</i> Роль межкультурной компетенции в организации неконфликтного образовательного пространства в вузе	105
<i>Наговицына Н.В.</i> Оценочный потенциал лексем-репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в русском языке	109
<i>Нгома А.Д.</i> Понятие кросс-культурной коммуникации в современном гуманитарном знании	114
<i>Никитина О.А.</i> Новизна неологизма – объективный признак или коннотация? К вопросу о разграничении понятий	119
<i>Пастухов А.Г.</i> Форма – жанр – формат: к проблеме типологического изучения актуальных медийных предложений.....	122
<i>Постникова С.В., Егорова В.Н.</i> Словообразование и словосложение как способы языковой репрезентации концептуального содержания степени проявления признака (на материале немецкого языка).....	130
<i>Проницына О.С.</i> Индивидуализация процесса обучения иностранному языку с учетом психолингвистического типа восприятия информации студентами первых курсов.....	135
<i>Ручина Л.И.</i> Когнитивные модели смыслового наполнения концептов и формирование межкультурной компетенции	140
<i>Савина В.В., Сенина Г.А.</i> Первая мировая война в письмах (концепт KRIEG и средства его вербализации).....	145
<i>Смирнова Е.Е.</i> Языковое воплощение концептуальной связки ПРАВДА – ИСТИНА по данным русской фразеологии и паремиологии: лингвокультурологический аспект.....	152
<i>Соколова А.Ю.</i> Development of contact language grammar.....	157
<i>Соловьева Е.В.</i> Речевая провокация в немецком политическом дискурсе (на материале текстов дебатов в Бундестаге).....	160
<i>Сухарева К.А.</i> Реализация манипулятивной субстратегии этнической самоидентификации адресата рекламного текста	164
<i>Фролов О.В.</i> Текстуральное пространство газеты «Fran Cité» как система обучения стратегиям поискового чтения на французском языке	167
<i>Чвириова А.А.</i> Лексико-семантические свойства репрезентантов сказуемого реляционно-предметного предложения во французском языке.....	171
<i>Чиженкова О.А., Ронжина Н.А.</i> Проблема синонимии медицинской терминологии в английском и французском языках.....	175
<i>Чукиш В.А.</i> Диалектные фразеологизмы как атрибуты австрийской национальной культуры	179
<i>Авторы</i>	182

КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЗАЛОГА В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И.И. Акимова (Санкт-Петербург)
Санкт-Петербургский университет МВД России
kazyulkinamama@mail.ru

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы русского залога как грамматической категории, связанные с многозначностью залогового показателя *-ся* у разных глаголов. Являясь средством категории коммуникативности, залоговые значения отражают лингвистические универсалии, имеющие место в русском и китайском языках. Соотнесение залоговых конструкций двух языков на семантической основе позволяет корректно обучать китайских учащихся залоговым трансформациям.

Ключевые слова: функционально-коммуникативная грамматика, залог, русский как иностранный, китайский язык.

1. Мы придерживаемся точки зрения А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина, согласно которой «залог – это общеславянская словоизменительная категория, находящая свое выражение в противопоставлении форм действительного и страдательного залогов. Это противопоставление базируется на параллелизме активных и пассивных конструкций» (см. [Грамматика русского языка, 1952; Розенталь, 1976]).

2. Залог – это грамматическое средство выражения категории коммуникативности [Акимова, 2017; Акимова, 2016; Всеволодова, 2018]. Функция страдательного (пассивного) залога «заключается в выдвигании пациенса ... в центр внимания коммуникантов и, наоборот, в затушевывании агенса, выведении его в область «фона» [Тестелец, 2001, с. 412] (*проект согласуется инженером, план выполняется бригадой*).

3. Грамматическая категория должна иметь собственные унифицированные средства выражения. Основными средствами выражения категории залога в русском языке являются формы глаголов с *-ся* и краткие страдательные причастия. Страдательное значение создается страдательными причастиями (*работа написана учеником, проект согласован, план выполнен*) или присоединением аффикса *-ся* к глаголам действительного залога. Граммемы залога модифицируют синтаксическую ориентацию глагола, изменяя синтаксические роли основных элементов предложения.

4. Категория грамматического залога глагола имеет две граммемы: действительный и страдательный залог. Ядерную зону категории образуют действительные формы глагола без постфикса *-ся* и страдательные залоговые формы глагола с постфиксом *-ся*. Действительный залог показывает, что действие, обозначенное переходным глаголом, направлено на прямой объект, выраженный формой винительного падежа без предлога (*ученик пишет работу, инженер согласует проект, бригада выполняет план*). Страдательное значение создается страдательными причастиями (*работа написана учеником, проект согласован, план выполнен*) или присоединением аффикса *-ся* к

глаголам действительного залога. Граммемы залога модифицируют синтаксическую ориентацию глагола, изменяя синтаксические роли основных элементов предложения. Для иностранцев важно дать эти системные перефразировки максимально просто.

5. Важной проблемой фундаментальной прикладной грамматики остается разработка системы залоговых преобразований русского языка, осуществляемых при помощи страдательных причастий. Данная проблема впервые была поставлена в [Крючкова, 1979], во [Всеволодова, 2013], но все еще далека от своего решения.

5.1. К сфере субъектно-объектных отношений непосредственно прилегают предложения с глаголами на *-ся*, образованными от непереходных глаголов, которые описывают **эмоционально-психическое состояние лица** под воздействием внешней причины. Указанные предложения соотносятся с активными и пассивными субъектно-объектными конструкциями: *Маша была обрадована моим подарком / Машу обрадовал мой подарок / Маша обрадовалась моему подарку; Похвалы смутили его / От похвал он смутился; Отца рассердила моя небрежность / Отец рассердился из-за моей небрежности / Отец был рассержен моей небрежностью*. Подобные глаголы необходимо представить отдельной лексико-семантической группировкой.

5.2. Есть подгруппа, в которой активная и пассивная формы глагола не системны. *Он родился / рожден в семье дворянина – Его родила служанка...* (нет форм настоящего времени). Ср.: *Горы окружают город – Город окружен (но НЕ *ОКРУЖИЛИ, *ОКРУЖАЕТСЯ!) горами*; дефектная парадигма, если субъект неодушевлен. *Прожектора освещают стадион – Стадион освещается прожекторами. Стадион осветили прожектора – Стадион осветился прожекторами. Стадион освещен прожекторами. Свет зажгли дети – свет зажжен детьми. Свет зажгли – Свет зажегся. Его арестовали – он арестован. Нельзя *Он арестовался. Его посадили – Он посажен. Его наказали – Он наказан. Его убили – Он убит (убиенный), нельзя *убился, Его накормили – Он накормлен, но нельзя *накормился, надо наелся.*

*Он влюбился – Он влюблен, НО: его влюбила в себя одна дама. Он женился – Он женат, НО: его женила на себе одна особа. Его заметили – он замечен, нельзя *заметился. Это заметили. – Это замечено. Этого не замечают. – Это не замечается (никем). Не замечено никем, но нельзя *не заметились.*

5.3. Личные переходные глаголы и ЛСВ на *-ся* дают системные конверсивные диатезы с у-локализатором, не связанные с выражением залоговых отношений. Таким особым образом ведут себя пассивно-каузативные глаголы с двумя субъектными ролями: *подстричься, лечиться, наблюдаться, одеваться, учиться, тренироваться, обучаться, заниматься, репетироваться* и другие, которые вместо пассивной формы дают модели с у-локализатором субъекта действия, имеющие валентность на субъект действия в форме Р. п. (у кого): *Она лечится / лечилась у хорошего терапевта. Сестра стрижется / стриглась у дорогого парикмахера*. Но нельзя сказать **Я лечусь хорошим врачом*, можно только: *Я лечусь проверенным способом. Меня лечат прове-*

ренным способом. Глагол *консультироваться, тренироваться* имеет более широкую парадигму: *у кого* и *с кем*. Системны не только страдательные причастия прошедшего, но и настоящего времени. Это очень продуктивная МП: *Она стригрома / подстрижена модным мастером; Она одевается модным портным / одета от Юдашкина* [Акимова, 2018].

5.4. Лингвоспецифичны и потому имеют особую трудность для инофонов конструкции с глаголами неактивного, неконтролируемого, случайного или самопроизвольного действия, ср.: *кто разбил что – что разбилось (ваза разбилась при падении), кто развил что – [у кого] что развилось в результате чего* (ЛСВ: *волосы развились под дождем*; омонимичная лексема: *способности развились*), *кастрюля закоптилась на огне*. Конфикс *-ся*, как любой аффикс, может образовывать новую лексему: *есть – наесться; книга трудно читается ≠ книга читается на уроке*, так как *читаемая на уроке книга* – причастие, а *нечитаемая книга* – прилагательное. В других языках в подобных случаях используются разные аффиксы [Всеволодова, 2013]. Для таких МП отсутствует безличная реализация.

5.5. Как пассивно-возвратный глагол обладания «иметься» выступает в предложении: *У него имеется яхта / имеются друзья* (vs. *Он имеет яхту / друзей*). В предложениях с «иметься», субъект всегда одушевлен, но представлен как пассивный, а носителем отношения обладания выступает семантический объект в функции подлежащего. Этот же глагол выступает в бытийном ЛСВ: *У больного имеются множественные сочетанные повреждения*, есть синонимичная субъектно-объектная конструкция: *Больной имеет множественные сочетанные повреждения*.

5.6. В русском языке, как известно, относительно значения залога могут быть охарактеризованы только переходные глаголы. Однако даже если признать, что залоговые значения выражаются только переходными, то и здесь формант *-ся* далеко не всегда выражает значения «действительный» vs. «страдательный» залог, о чем свидетельствуют примеры: *Сын слушает только отца. и Сын слушается только отца*, где *-ся* практически ничего не выражает. Аналогично: *Кто-то стучит – стучится в дверь*.

6. В конверсивных цепочках осуществлены системные законы и механизмы конверсии, которые должны стать объектом научения в грамматике не только для русскоговорящих, но и для инофонов. Данная информация касается системных синтаксических трансформаций в РЯ. Учащихся надо учить строить такие трансформы, и значит, необходим глубокий анализ группировок глаголов на *-ся* на основе формируемых ими диатез, а также соответствующий комментарий в УМК, равно как и разработка дидактических, методических приемов их введения и закрепления в речи учащихся, в связи с чем требуется межъязыковое сопоставление способов конверсии в двух языках.

7. В китайском языке нет глаголов, аналогичных возвратным, однако имеются конверсивные механизмы, которые обеспечиваются залоговыми конструкциями [Шутова, 1991]. Целесообразно сравнить возможности рус-

ского и китайского языка в аудитории, поставив варианты с разным ПС и ЛИС в соответствие с китайской моделью.

8. В китайском языке имеется специфичная модель с формантом 把bǎ. Дополнение с 把 ba ставится в позицию перед глаголом-сказуемым, если сказуемое выражено сложным глаголом (результативным или глаголом с модификатором) или оформленным каким-либо показателем результативности.

9. Методическое представление регулярных залоговых трансформаций (конверсивов) в РЯ для китайских учащихся должно быть основано на том, что и русский залог глагола, и формы страдательных причастий суть не «словесная эквилибристика», а предназначены для решения интерпретационных и коммуникативных задач.

Литература

1. *Акимова И.И. Григорова Е.А. Омарова Л.А.* Русские предложения с «у-локализатором»: лингводидактическое описание в целях обучения РКИ // *Современные исследования социальных проблем.* – Том: 10. – № 3-3. – 2018. – С. 90 – 105.

2. *Акимова И.И.* Категория залога как средство конверсивности в лингводидактике русского языка для китайских учащихся // *Международный научно-исследовательский журнал.* – 2017. – № 12-1 (66). – С. 11–15.

3. *Акимова И.И.* Опыт реализации коммуникативного подхода в обучении РКИ: актуализационная парадигма русского предложения-высказывания в сопоставлении с языками аналитического типа // *Педагогика. Вопросы теории и практики.* – 2016. – № 4 (4). – С. 6–11.

4. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – М.: URSS, 2018. – 656 с.

5. *Всеволодова М. В.* Полные и краткие формы адъективов в русском языке (К вопросу грамматики прилагательных и причастий) // *Вопросы языкознания.* – № 6. – 2013. – С. 3–33.

6. *Грамматика русского языка.* – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. I. Фонетика и морфология. – 720 с.

7. *Крючкова М. Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке / Под ред. О. А. Лаптевой. – М.: Рус. яз., 1979. – 120 с.

8. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

9. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – 796 с.

10. *Шутова Е. И.* Синтаксис современного китайского языка. – М.: Наука, 1991. – 392 с.

ТРИЕДИНСТВО ЛИНГВОПЕРЦЕПТИВНОГО ОБРАЗА “LIFE” В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ ДЖУЛИАНА БАРНСА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «THE SENSE OF AN ENDING»)

О.Н. Бабанина, О.Н. Ярыгина (Белгород)
Белгородский государственный университет
yarygina@bsu.edu.ru

Аннотация: В представленном исследовании анализируются когнитивные особенности образа *life* (жизнь) как одной из составляющей интегративного модуля-отношения «восприятие-вербализованные образы». Фактический материал работы основан на авторском дискурсе Джулиана Барнса.

Ключевые слова: лингвоперцептивный, вербализованный образ, восприятие, жизнь, авторский дискурс, Джулиан Барнс.

Данная работа является продолжением исследования глубинных структур ранее рассматриваемого модуля-отношения «восприятие-вербализованные образы» (см. [Ярыгина, 2017, с. 454-460]).

Анализируя авторский дискурс произведения “The Sense of an Ending” британского постмодерниста Джулиана Барнса, можно выделить этап (или уровень) лингвоперцептивного синтеза субъективного образа **life (жизнь)**, связанного с такими измерениями, как пространственный и временной. Проиллюстрируем контекст: «*In those days, we imagined ourselves as being kept in some kind of holding pen, waiting to be released into our lives. And when that moment came, our lives – and time itself – would speed up. How were we to know that our lives had in any case begun, that some advantage had already been gained, some damage already inflicted? Also, that our release would only be into a larger holding pen, whose boundaries would be at first undiscernible*» [Barnes, 2012, с. 10].

В приведенном примере жизнь для молодых людей – это *томление*, подразумевающее «страдание в неволе, в заточении, будучи лишенным свободы», а также «мучение от неизвестности или длительного ожидания» (по тексту: *being kept in some kind of holding pen*). Кроме того, в данном контексте *being kept* – это «находиться в соответствующих условиях, где результатом пребывания является получение необходимых качеств» (см.: *some advantage had already been gained, some damage already inflicted*). *Томиться* – это также «испытывать тягостное ощущение, мучительное беспокойство от незнания или непонимания» (ср.: *how were we to know that our lives had in any case begun*). Сравнение жизни во взрослом состоянии со *стремительным потоком*, выраженным лексемой *speed up*, – это *сравнение* ее с чем-то бурным, быстротечным, коротким, молниеносным, порывистым. Внутреннее противоречие метафоры *our lives would speed up* состоит в отражении свободного движения, активности, стремительности развития, но эта свобода приводит к неравномерности развития, движения с разной скоростью, фрагментарности. Если говорить о потоковом психическом состоянии человека, то его можно воспринимать как постоянную изменяемость психологического состояния,

фрагментарность понимания действительности как множественности разрозненных элементов, которая не подлежит экстраполяции. Интегративное единство **life (жизнь)** связано со знаниями, приобретенными в результате восприятия действительности и отражения ее с использованием средств образности как способа познания этой действительности. При этом восприятие носит двусторонний характер, проявляющийся в том, что чувственное отражение внешних условий (*being kept in some kind of holding pen*) предполагает соответствующую объективацию внутренних процессов (*waiting to be released into our lives*). Перифраз *be released into our lives* (ср. выпустить кого-либо на волю) – это описательное обозначение *жизни* на основе выделения такого признака, как *свобода*, под которым понимается проявление *воли* к иному варианту исхода событий: *a larger holding pen, whose boundaries would be at first undiscernible*. Автору, яркому представителю постмодернизма, *жизнь* представляется как обращенная в прошлое, так и в будущее, а главной задачей, как уже подчеркивалось, является найти пути соединения нового отношения к действительности жизни с прежним.

Образ **life (жизнь)** в другом фрагменте произведения вербализуется в результате объективации перцептивного восприятия, выражающегося в *реагировании*, то есть в способе отзываться на какое-то внешнее действие или раздражение, на воспринимаемые впечатления, изменения, события, явления, связанные с причинением ущерба или страданий: *«I certainly believe we all suffer damage, one way or another. How could we not, except in a world of perfect parents, siblings, neighbours, companions? And then there is the question, on which so much depends, of how we react to the damage: whether we admit it or repress it, and how this affects our dealings with others. Some admit the damage, and try to mitigate it; some spend their lives trying to help others who are damaged; and then there are those whose main concern is to avoid further damage to themselves, at whatever cost. And those are the ones who are ruthless, and the ones to be careful of»* [Barnes, 2012, с. 25].

Сравнение автором хода жизни с нанесением ущерба и употреблении в данном отрывке развернутой метафоры (*some*) *spend their lives trying to help others who are damaged* (ср. *класть жизнь, положить жизнь* – «затратить много усилий, сил, стараний») создают базу формирования представления об образе **life** как о триедином процессе: **life – damage** (жизнь как нанесение ущерба всем индивидуумам), **life – sense searching** (жизнь как поиск смысла) и **life – concern** (смыслозначимая жизнь). Совокупность вербализованных образов формирует особое представление о жизни, возможно, ранее не воспринимавшееся так, как отражается в языковом сознании писателя:

– постоянный и постепенный урон, убыток, утрата, убыль, при которых нынешнее душевное состояние позволяет судить о прошлом (ср. также в другом фрагменте: *«I wasn't at all clear myself what I meant by "damage." ... I remember what Old Joe Hunt said when arguing with Adrian: that mental states can be inferred from actions. That's in history – Henry VIII and all that. Whereas in the private life, I think the converse is true: that you can infer past actions from current mental states»* [Barnes, 2012, с. 24].);

– поиск смысла – это «принимать, подавлять ущерб» или «притерпеться», страдать, терпя, перенося тяжелые испытания, или сжиться, свыкнуться, стерпеться (ср. *we admit it (the damage) or repress it...*);

– реализация смысла – «смягчить этот ущерб», помогая или делая что-то другим, чтобы избежать страданий (ср.: *trying to help others who are damaged; and then there are those whose main concern is to avoid further damage to themselves*).

Лингвоперцептивный синтез образа включает интериоризацию индивидуального восприятия, которое осмысливается в субъективных языковых категориях. Авторское Я в данном произведении – это Я человека постмодерна, который не ощущает *жизнь* как время экзистенции, в котором он самодостаточен. Он, подобно своим родителям, всего лишь зритель, созерцатель, *наблюдатель*. У него не может быть опоры в лице близких ему людей. «*This was another of our fears: that Life wouldn't turn out to be like Literature. Look at our parents – were they the stuff of Literature? At best, they might aspire to the condition of onlookers and bystanders, part of a social backdrop against which real, true, important things could happen. Like what? The things Literature was all about: love, sex, morality, friendship, happiness, suffering, betrayal, adultery, good and evil, heroes and villains, guilt and innocence, ambition, power, justice, revolution, war, fathers and sons, mothers and daughters, the individual against society, success and failure, murder, suicide, death, God*» [Barnes, 2012, с. 12-13]. В данном фрагменте автор постулирует еще один взгляд на мироздание, как на своего рода *фон*, на котором *выступают реальные, настоящие, значительные вещи* (ср. «*At best, they might aspire to the condition of onlookers and bystanders, part of a social backdrop against which real, true, important things could happen*»). Данная метафора *жизни* как нельзя лучше говорит о том, что у субъекта нет центра, почвы, основы в настоящем. *Фон* – часть перцептивного поля зрения, задний план. Такое восприятие жизни является отражением «неукорененности в бытии», по М. Хайдеггеру [Хайдеггер 1997].

Необходимо отметить, что в рассматриваемом дискурсе для экпликация образа **life (жизнь)** также особая роль отводится кодам зрительного восприятия, представленными световыми и цветовыми явлениями (см. [Ярыгина, 2017, с. 161–163]). Анализ единиц показал, что на передний план выступает допущение автором разных образов жизни, а также неуверенность, что какой-то из этих образов может претендовать на истинность.

Таким образом, образ **life (жизнь)** интегрирует синтез двух модусов перцептивного опыта: внешне детерминированных чувственных данных и способа их презентации в авторском сознании. Результатом соединения выявленных трех сторон восприятия **жизни**, как **damage** («жизнь как нанесение ущерба всем индивидуумам»), **sense searching** («жизнь как поиск смысла») и **concern** («смыслозначимая жизнь»), является открытие определенного смыслового горизонта писателя и вносит значительный вклад в изучение когнитивно-семантической модели организации авторского дискурса Джулиана Барнса.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
2. Ярыгина О.Н. Вербализованный образ “TIME” как отражение взаимодействия субъективного кода и языка (на материале произведений Дж. Барнса) // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXIX. – С. 454–460.
3. Ярыгина О.Н. Визуальные коды модуля-отношения «восприятие-вербализованные образы (на материале произведения Дж. Барнса “The Sense of an Ending”)). Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 9. – № 1-3. – С. 161–163.
4. Barnes J. The Sense of an Ending. – London: Vintage, 2012. – 150 p.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛОРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Г.П. Берзина (Новосибирск)
Новосибирский военный институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ
bgb55@mail.ru

Аннотация: Картина мира неразрывно связана с человеком как субъектом познания, выделяющим разнообразные палитры цвета, которые репрезентируются в лексической системе языка. Статья посвящена выявлению особенностей английской лингвоцветовой картины мира на примере колоративных фразеологизмов. Автор приходит к выводу, что изучение колоративных фразеологизмов даёт возможность более ясно понять особенности национальных характеров английского народа, истоки и особенности восприятия картины мира.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеологизм, лингвокультурология, лингвоцветовая картина мира, английский язык.

Видение цвета и выражение его в терминах в разные эпохи и в различных типах культур порой диаметрально противоположно, к тому же различие цветов и их обозначение – разные процессы. Цветовая терминология у разных народов – любопытный лингвистический феномен, отражающий культурные особенности народа и его картину мира. Импульсом для развития лингвистической концепции картины мира современности послужили работы В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа. Идеи, близкие к теории В. фон Гумбольдта, рассматривавшего язык как опосредующее звено между человеком и миром, высказывались как отечественными лингвистами А.А. Потебней, Ф.Ф. Фортунатовым и др., так и зарубежными – Г. Гердером, Я. Гриммом, Ф. Шлегелем и др. В отечественном языкознании изучение картины мира начинается в 60-х годах двадцатого века и связано с работами Г.А. Брутяна, Г.В. Колшанского, Р.Й. Павилёниса. Изначально было выявле-

но, что вопрос о статусе картины мира связан с проблемой взаимодействия языка, мышления и действительности.

Современная наука представляет проблему отражения объективного мира человеком и его взаимодействия с ним в виде соотношения двух миров: концептуальной картины мира и языковой картины мира. В концептуальную картину мира включена национальная культурная картина мира, которая специфична и различается у разных народов. В национальной картине мира можно выделить цветовую картину мира, которая включена также как в концептуальную, так и в языковую картину мира, поэтому называется лингвоцветовая картина мира.

Лингвоцветовая картина мира репрезентируется в языке в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, фразеологизмах и других вербальных средствах. Отдельные фрагменты лингвоцветовой картины мира были исследованы отечественными лингвистами: А.А. Брагиной, А.П. Василевич, В.Г. Гаком, А.С. Панкратовой, Р.М. Фрумкиной и другими [Василевич, 2007; Гущина, 2013; Москович, 1960 и др.]. Изолированный характер отдельных научных трудов не позволяет представить целостную лингвоцветовую картину мира отдельного этноса, ряд аспектов остаётся вне поля зрения исследователей. Цель нашего исследования – выделить и описать особенности английской лингвоцветовой картины мира на примере колоративных фразеологизмов.

Опираясь на дефиниции фразеологических единиц, данные В.В. Виноградовым, Н.М. Шанским, Д.Н. Шмелевым, А.В. Куниным, В.Н. Телия [Кунин, 1996; Телия, 1981 и др.], мы используем следующее определение фразеологической единицы. Фразеологическая единица – это существующая в лексической системе языка комбинация минимум двух словесных знаков, характеризующаяся раздельнооформленностью, номинативностью, устойчивостью, идиоматичностью и коннотативностью.

Система цветообозначения в современном английском языке характеризуется значительной разветвленностью и сложностью, особенно в той ее части, которую составляют наименования цветовых оттенков. Английский язык богат на цветовые обозначения, но в некоторых отношениях тон не разделяет цвета и оттенки, различающиеся в русском языке. В основном это касается отсутствия аналогов русскому слову *голубой*, который англичане называют *light-blue*. Как показывает анализ фактического материала, к колоративам английской лингвоцветовой картины мира можно отнести следующие цвета: *red, orange, yellow, green, blue, indigo, violet / purple, white, black, brown, pink, gray*. Во второй половине XX века в английский язык проникают колоративы *cyan, magenta, terracotta, khaki*, что связано с развитием компьютерных технологий, но которые не были обнаружены в составе английских фразеологизмов.

Лингвокультурная значимость для английского этноса, например, *синего* цвета находит свое выражение в категориях: национальная идентичность, религия, одежда и т.д. Синий – цвет королевской власти, монархии, благородного происхождения, цвет британской консервативной партии и домини-

рующий цвет британского флага. О бескорыстных людях, не способных ни на какие подлости или грязные дела, англичане говорят: *Blue eyed boy / girl*, имея в виду характер ангела, у которого в представлении англичан, голубые глаза. Демократические взгляды и широкий кругозор в английском языке называют *blue sky thinking*. Синий цвет в Англии символизирует преданность в любви, верность, невесте на свадьбе полагается надеть *something old, something new, something borrowed, something blue*.

Как свидетельствует фактический материал, большинство колоративных фразеологизмов в английском языке появились в результате переинтерпретации значения А в значение В по некоторому принципу С. Типичным примером такой переинтерпретации может служить идиома *to be like a red rag to a bull* (быть источником раздражения), которая возникла в результате переосмысления словосочетания, относящегося к корриде. Другой пример – *once in a blue moon* (крайне редко), в котором экстенционал выражения *once in a blue moon* в буквальном прочтении отсутствует, поскольку слово *moon* в прямом значении в условиях объективной реальности не сочетается с прилагательным *blue*. К такому классу переинтерпретаций можно отнести также фразеологизмы *between the devil and the deep blue sea, go off into the blue, blue blood, the pot calls the kettle black, a white knight, a white elephant* и др.

Многие фразеологизмы английского народа уходят своими корнями в далёкое прошлое, когда Британские острова населяли англоv, саксов, бриттов и др. Народный фольклор отразил влияние на английский язык различных по своей сути культур. Именно из глубины веков пошло представление о чёрном цвете как негативном и мрачном (*black-letter day* – трагический день, *black beast* – предмет ненависти, *black ingratitude* – черная неблагодарность, *a black look* – взгляд, полный недовольства, *to be in a black mood* – быть в плохом настроении и др.). Следует также добавить, что большинство языков на начальном этапе своего развития включали только черный и белый цвета. Этого было достаточно для описания всего многообразия цветового спектра. На следующей стадии развития языков появилось название для красного цвета и его оттенков.

В Англии хорошо известно выражение *a red letter day* (праздник, радостное событие, красный день календаря), обозначающее особый радостный день, ознаменованный каким-либо ярким, приятным событием. Отметим, что в отличие от русской традиции это не обязательно выходной день или общенародный праздник, так может называться и событие личного характера. О злом и разъярённом состоянии человека англичане говорят *seeing red*, что связано с тем, что красный цвет, активизируя человека и раздражая его нервную систему, может провоцировать негативные эмоции и непредсказуемое поведение.

Ряд английских пословиц использует семантику красного цвета как символ, например: *red sky at night, shepherd's delight, red sky in the morning, shepherd's warning* (красное небо к вечеру – радость для рыбака, красное небо к утру – повод рыбаку побеспокоиться). Пословица не только сохраняет в памяти поколений народные приметы, связанные с природными явлениями,

но и в метафорической форме передает мысль о том, что все хорошо в свое время, а реакция на каждое событие должна быть адекватная и своевременная.

Различение и определение именно цветов красного, белого и черного связано с проведением параллелей между окружающим миром и ассоциациями, которые они вызывают у человека. Функции человеческого организма, а также наложенный на них душевный опыт стали основой для образования цветовой классификации. В английском языке цветообозначение *white* обладает довольно большим количеством значений, занимает лидирующую позицию среди других цветов. Белый цвет символизирует мир (*white dove, white flag*), причастность к благу, чистоте, источнику сил и здоровья, невинность (*white boy, white-headed boy, white son*), безобидность (*white lie* – ложь во имя спасения) воспринимается в Англии как вполне нормальное явление. Чаще это устойчивое выражение обозначает мелкое и безвредное лукавство, столь свойственное жителям туманного Альбиона, делающим достоянием обществу лишь положительную сторону своей жизни.

Желтый цвет в английской культуре символизирует бессмертие, счастье в браке, связь с землей. Множество пословиц, поговорок в английском языке связано с золотом и золотистым цветом *all that glistens is not gold*. Об успешных людях, преуспевающих в бизнесе или в любой другой работе говорят *all he touches turns to gold*. Важные предписания и нормы называют золотыми правилами *the golden rule*, о правильном, хорошем поведении говорят *good as gold*.

Очевидно, что цветообозначение во фразеологизмах является важным способом отражения лингвокультурной специфики английского языка, так как колоративные фразеологизмы позволяют глубже изучить менталитет английского народа, понять его ценности, особенности его быта, обычаев, а также характеристики окружающего мира, которые отразились во фразеологизмах (*black and white* – правда и ложь, *a white elephant* – бесполезный, *a green hand* – неопытный человек, *red in tooth and claw* – добиваться своего и т.д.).

Учитывая все вышесказанное, можно сказать, что цвет – это одна из категорий познания мира и средств его осмысления. Цвет несёт в себе более глубокий смысл, чем это кажется на первый взгляд, поэтому изучение этноколористики, которая находит своё отражение и во фразеологическом составе языка, даёт возможность более ясно понять особенности национальных характеров различных народов, истоки и особенности менталитетов при восприятии картины мира во всём многообразии её красок. Восприятие цвета обуславливается социальной, этнокультурной принадлежностью и индивидуальными особенностями каждого человека.

Литература

1. *Василевич А.П.* Этимология цветонаименований как зеркало национального культурного сознания. – М.: КомКнига, 2007. – 320 с.
2. *Гущина Л.В.* Специфика идиоматического цветообозначения в английской лингвокультуре // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 67–75.
3. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 488 с.
4. *Москович В.А.* Система цветообозначений в современном английском языке // Вопросы языкознания. – 1960. – № 6. – С. 83–87.
5. *Телия В.Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

ИМЯ ПОСТУПКА *DEED*: ПРИМЕР ИНТЕГРАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

Л.А. Бушуева (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
(sebeleva@yandex.ru)

Аннотация: Целью данной работы является показать эффективность применения системного подхода, заключающегося в использовании разных методологических приемов для исследования сложных объектов, может способствовать изучению лексики со значением поступка, в частности, имени поступка *deed*. Имя поступка рассматривается в работе как существительное, обозначающее целенаправленное, контролируемое действие человека, получающее внешнюю оценку. Подход, лежащий в основе данного исследования, позволяет осуществить комплексное описание семантики типовой ситуации, называемой *deed*.

Ключевые слова: имя поступка, метаимя поступка, интегральное описание, семантическая роль, контекстуальный анализ, ассоциативный анализ.

В основе современных лингвистических исследований лежат принципы системности и интегральности. По словам Ю.Д. Апресяна, «полный анализ типовой ситуации, для названия которой используется то или иное слово, складывается из перечисления свойств или действий ее участников и описания связывающих их отношений» [Апресян, 1995, с. 349]; «реконструкция каждого фрагмента картины мира считается мотивированной тогда, когда реконструированный фрагмент подтверждается не разрозненными данными, а большой совокупностью фактов, позволяющих построить цельный и непроторечивый образ объекта» [Апресян, 1995, с. 349].

Целью данного исследования является показать эффективность применения интегрального описания в исследовании имен поступков, в частности имени поступка *deed*. Имя поступка в данной работе рассматривается как целенаправленное, контролируемое действие, имеющее результат и получаю-

щее внешнюю оценку (см. подробнее об именах поступках в [Бушуева, 2018]). Исследователи отмечают необходимость разграничивать понятия поступка и действия [Гольдин, 1997], [Околелова, 2010]. Основным признаком, позволяющим провести такое разграничение, является оценка. Для поступка этот компонент обязателен, для действия – нет. Сложность изучения имен поступков обусловлена тем, что практическое любое имя существительное с семантикой действия в речи может выступать в роли имени поступка.

Данное исследование осуществляется с помощью сочетания лингвистических и когнитивных методов, применения целого ряда методических приемов: семантического анализа, который является необходимым преддверием к анализу концептуальному [Жаботинская, 2003]; анализа контекстуального поведения единиц; ассоциативного анализа, применение которого необходимо по отношению к модальным категориям, имеющих коммуникативную природу; анализа семантических ролей, призванного показать, каким образом семантика ситуации, обозначаемой лексемой, распределяется по синтаксической структуре. Применение данных методов позволяет провести полный анализ типовой ситуации, для названия которой используется слово *deed*.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, правильный семантический анализ слова обеспечивается помещением слова в группу тематически связанных друг с другом слов или, в общем виде, в систему [Апресян, 1995, с. 102]. Понятийные признаки лексемы *deed* легче «схватить» и описать, если это существительное рассматривается на фоне парадигматически связанной группы слов. Английские словари и тезаурусы в качестве синонимов лексемы *deed* предлагают единицы *act*, *action*, *achievement*, *feat*, *exploit*. Различие между *deed*, *achievement*, *feat*, *exploit*, *act*, *action* заключается в том, какие элементы ситуации, называемой данными лексемами, находятся в фокусе и на периферии внимания. Как отмечает Маклори, категоризация в языке зависит от точки наблюдателя или точки обзора (*vantage point*), в которую мысленно помещает себя концептуализатор. В *achievement* в фокусе внимания находится значимый результат, к которому, через усилия и труд приходит агент действия: «something which someone has succeeded in doing, especially after a lot of effort: *Reaching this agreement so quickly was a great achievement*» [Collins dictionary: электронный ресурс]. Только в одном источнике представлено значение «героический поступок»: «achievement – 1) a result gained by effort; 2) a great or heroic deed» [Merriam-Webster dictionary: электронный ресурс]. Лексемы *act*, *action* толкуются как действия, элемент «оценка» отсутствует в определениях, но с опорой на примеры можно сделать вывод о том, что лексемы в определенных словосочетаниях вербализуют и поступки: *act* – a single thing that someone does: *act of sabotage*, *act of courage*» [Collins dictionary: электронный ресурс]; «action – a thing done: *unscrupulous action*» [Merriam-Webster dictionary: электронный ресурс]. *Feat*, *exploit* представлены как смелые поступки, сопряженные с опасностью. Лексемы являются положительно оценочными: «feat – a remarkable, skillful or daring action» [Collins dictionary: электронный ресурс]; «exploit – a notable deed or feat, esp. one that is noble or

heroic» [Collins dictionary: электронный ресурс]. Лексема *deed* обозначает «поступок», т.к. оценка введена в словарные метаописания, при этом данная языковая единица обозначает как положительные, так и отрицательные поступки: «*deed – something that is done, esp. something that is very good or very bad: heroic deed; evil deed*» [Collins dictionary: электронный ресурс]. Лексикографический анализ показал то, что, во-первых, наиболее близкими синонимами имени поступка *deed* являются существительные *act* и *action*; во-вторых, лексема *deed*, наряду с *act*, *action*, выступают в роли метаимен поступков. Метаимена понимаются нами как слова с максимальным диапазоном дефокусирования свойств референта, способные, благодаря семантической неопределенности, указывать на широкий класс объектов даже в рамках одной категории. Результатом проведенного лексикографического анализа также является выявление основных элементов в структуре ситуации, обозначаемой именем *deed*. Очевидно, что поступок воплощается в определенном действии – это отражено и в определениях (*something that is done*), совершается человеком (*something that someone does*), имеет результат, в зависимости от которого получает оценку (*good or bad*). Вероятно, у данного поступка, как у любого оценочного действия, есть мотив. Из этих элементов и складывается ситуация, называемая *deed*.

В ходе исследования были выявлены основные семантические роли, выражаемые именем поступка *deed* и его актантами. Ю.Д. Апресян говорит о необходимости поставить каждому толкованию лексического значения слова определенную глубинно-синтаксическую структуру: «непосредственно из лексического значения слов вытекают семантические валентности, характеризующие его как конкретную отличную от других лексическую единицу. Приписываемые им содержания, или «роли» (термин Ч. Филмора), – части этого лексического значения» [Апресян, 1995, с. 120]. За основу исследования семантических ролей, актуализированных в контекстах выборки, был взят инвентарь семантических ролей, приведенный в [Кашкин, Ляшевская, 2013]. Источником контекстуального материала исследования стал British National Corpus [British National Corpus: электронный ресурс].

Значимыми элементами ситуации поступка «*deed*» являются агент (Агенс) и объект (Пациенс): «*Maxwell found time to do a good deed for the poor people of Bulgaria*» (Management Today, UK: South, 1985–1993). Имя поступка выступает в роли Темы (*It is a brave deed* (Daily Telegraph, UK: South, 1992)), Предмета высказывания (*There must have been rumors of the dastardly deed at the hall* (Murder in old Berkshire, UK: South, 1985–1993)), Содержания высказывания (*“Thank you for doing a good deed”, she said* (Jubilee wood, UK: South, 1985–1993)). Способность имени *deed* эксплицитировать данные роли свидетельствует о том, что оно является именем концепта, т.к. обсуждаемость – один из значимых признаков концептов: «обсуждаемость является одним из важнейших критериев культурной значимости <...> Обсуждение свидетельствует о различиях в понимании, а эти различия возникают тогда, когда что-то важно для людей и они об этом задумываются» [Крючкова, 2009, с. 353]. Обсуждаемые понятия в наибольшей степени соответствуют статусу лингво-

культурных концептов. Для ситуации, обозначаемой данной лексемой, также оказываются значимыми элементы Место и Время: «*Whether she intended it or not, Emily's deed during the 1913 Derby at Epsom afforded her the status of martyr*» (Great races, UK: South, 1985–1993). Ситуация «*deed*» рассматривается в дискурсе как Причина психологического / физического состояния, как Мотив других ситуаций: Причина – «*Fury at a bad deed*» (153 conversations recorded by “Terence”, UK: South, 1985–1993); Мотивировка – «*He gave his condolences to the widow and said that he hoped whoever had perpetrated this terrible deed would soon be brought to justice*» (Murder in old Berkshire, UK: South, 1985–1993).

Анализ контекстуального поведения имени поступка *deed* показал, что крайне сложным представляется выделить прототипические признаки метаимен поступков. Прототип, вслед за Э.Рощ, рассматривается нами как наилучший образец своего класса, как обозначение типичности [Rosch, 1978]. Это объясняется тем, что для таких имен свойственна более высокая степень затемнения свойств референтов, что и позволяет им охватывать весьма разнообразный круг явлений. В речи в наибольшей степени актуализированы агент поступка, действие, лежащее в основе поступка, результат поступка, оценка поступка, объект поступка.

Поступок может совершаться любым человеком, вне зависимости от его личных качеств. Поступок может воплощаться в разнообразных действиях. Ср.: «*At the behest of the invading parasite queen, they actually perform the deed of murdering their own mother*» (The selfish gene, UK: South, 1975–1984); «*If you want your child to be kind, let him know how pleased you are when he shares sweets or acknowledge her deed when she comforts a younger child who is crying*» (Discipline: a positive guide for parents, UK: South, 1985–1993). Достаточно развернуто в речи представлена оценка поступка, которая выражается в конструкциях *прил. + deed: good / brave / terrible / great / exceptional / foul / evil / dastardly / wrongful / outstanding; deed + of + сущ.: deed of bravery*.

Важным элементом в структуре поступка оказывается «Результат поступка», который актуализирован в двух направлениях: награда за положительный поступок и наказание – за отрицательный: «*The prosecution decided that Jean Campbell knew the difference between right and wrong and the consequence of punishment for any wrongful deed*» (Britain's deaf heritage, UK: South, 1985-1993); «*The Riyal Humane Society have a number of other awards where though the deed did not warrant a medal, some recognition was appropriate, and for this, <...> Testimonials on Vellum, Testimonials on Parchment and Certificates of Recommendation*» (Britain's deaf heritage, UK: South, 1985-1993). Для поступка объект может быть значимым или находиться на периферии внимания: «*Maxwell found time to do a good deed for the poor people of Bulgaria*» (Management Today, UK: South, 1985-1993); «*Dostoevsky finds himself doomed to confront suicide as deed*» (Dostoevsky, UK: South, 1985-1993).

В единичных примерах актуализирован мотив поступка, при этом речевые данные не дают возможности выявить его характерные признаки.

Как отмечает Н.В. Уфимцева, ассоциативное поле – «это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 2011, с. 308]. Ассоциативный анализ, проводимый на материале *Edinburgh associative thesaurus*, показал, что лексема *deed* семантически связана с единицами *act* и *action*: *deed* → *action* 6, *act* 1; *act* → *deed* 6; *action* → *deed* 4 [*Edinburgh associative thesaurus*: электронный ресурс]. Из данных лексем с поступков в большей степени соотносятся единицы *act* и *deed* – они воспринимаются говорящими на английском языке в первую очередь через элемент «Оценка: *deed* → *unforgivable* 2, *bold* 1, *morality* 1, *thoughtless* 1, *profound* 1, *valiant* 1, *foul* 1; *deed* ← *good* 20, *brave* 1, *feat* 1, *valiant* 1, *loving* 1, *sin* 1, *wrong* 1; *act* → *unforgivable* 1, *criminal* 1, *despicable* 1, *evil* 1, *immoral* 1, *inhumane* 1, *thoughtless* 1, *thoughtlessly* 1, *uncompromising* 1; *act* ← *sensibly* 1, *stupidly* 1, *silly* 1. *Action* представлено в сознании говорящих на английском языке как действие. Ср. количество реакций, выражающих действие и отсылающих к поступку: *action* → *reflex* 52, *reaction* 8, *simultaneous* 2, *instinct* 1 и *consequence* 6, *violent* 3, *non-violent* 2, *anti-social* 1, *bizarre* 1, *brave* 1, *foolhardy* 1, *killing* 1, *radical* 1, *gesture* 1.

Таким образом, исследование, проведенное на языковом, дискурсивном, ассоциативном материале, позволило провести полный, многоаспектный анализ ситуации, обозначаемой лексемой *deed*, установить группу наиболее близких синонимов данной лексемы и охарактеризовать их связь, выявить основные элементы ситуации, получающей имя *deed*, определить их прототипическое значение, реконструировать модель данной ситуации сквозь призму синтаксических конструкций, выявить, каким образом данный поступок осознается носителями английского языка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Бушуева Л.А. Особенности семантики и функционирования имен поступков с общим значением // Гуманитарный вектор. – 2018. – №1. – Т. 13. – С. 65–70.
3. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Гос. Учеб.-науч. центра «Колледж», 1997. – С. 23–34.
4. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы Международной конференции – Калининград: Изд-во КГУ, 2003 – С. 141–159.
5. Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. – Саратов: ИП Баженов, 2009. – 301 с.

6. *Кашкин Е.В., Ляшевская О.Н.* Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: Изд-во РГГУ, 2013. – Вып. 12 (19). – С. 325–343.

7. *Околелова О.Н.* Экстралингвистические составляющие концепта «поступок» (на примере английского и русского языков) // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 2 (33). – Ч. II. – С. 119–121.

8. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и сущность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

9. *British National Corpus.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

10. *Collins Dictionary.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

11. *Edinburgh Associative Thesaurus.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://rali.iro.umontreal.ca/word-associations/query/>

12. *Merriam-Webster Dictionary.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/>

13. *Rosch E.* Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale. – 1978. – P. 27–48.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА РУССКИЙ ПОФИГИЗМ В РАССКАЗЕ С. ТЕССОНА «ПОЕЗД»

Н.А. Воскресенская, Е.В. Казакова (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
voskresenskaya@flf.unn.ru, kazakova.e.v@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются лексические, стилистические и композиционные средства реализации концепта *ПОФИГИЗМ* во французской литературе. Автор анализируемого рассказа представляет окказионализм как имя жизненной философии русского человека, раскрывая её по аналогии и через сравнение с французским культурным концептом *SAVOIR-VIVRE*.

Ключевые слова: концепт, пофигизм, *savoir-vivre*, окказионализм, национальный характер.

Совсем недавно во французский язык было введено в обиход слово *pofigisme*, представляющее собой репрезентант важного для русской культуры концепта. Являясь окказионализмом, данная лексема пока не получила широкого распространения, о чем свидетельствуют результаты поиска ее контекстного употребления в сети Интернет: 90% случаев ее использования отсылают к Сильвену Тессону, французскому писателю, автору книг о путешествиях по России.

Концепт *POFIGISME* наиболее полно раскрывается в рассказе «Train» («Поезд») сборника С. Тессона «S'abandonner à vivre» («Сдаться жизни») [Tesson, 2014]. Поскольку лексема-репрезентант концепта является транскрипцией русского слова и не несет для французского читателя смысловой нагрузки, тем важнее становится понимание ассоциативного слоя концепта.

Признаки пофигизма С. Тессон находит у представителей нескольких культур, но три рассказа из девятнадцати посвящены русским, и автор уточняет, что именно русские «поражены в разной степени этим метафизическим оценением» («*Les Russes sont tous atteints à des degrés divers par cette torpeur métaphisique*») [Ibid, p. 220].

Наращивание актуального слоя концепта происходит в самом начале рассказа, когда автор посвящается в «истину пофигизма» («*J'ai été initié à la vérité du «pofigisme»*») [Ibid, p. 219]. Рассказчик дает свое видение концепта, раскрывая его положительные и отрицательные стороны, делает акцент на двойственный характер этой составляющей русского национального характера. В раскрытии нового для культуры автора стиля отношения к жизни соединяются семантически противоположные единицы: *смирение и радость, радость и безнадежность, движение и пассивность: инертность и пассивность (inertie, passivité)*, как ключевые личностные качества пофигиста, составляют в представлении автора определенную добродетель. Раздавленные неотвратимостью событий, приняв новое отношение к жизни, они решают не сопротивляться, «сдаются жизни» («*ils s'abandonnent à vivre*») [Ibid, p. 220].

Полное определение предваряет сюжет рассказа и звучит следующим образом: «*Pofigisme n'a pas de traduction en français. Ce mot russe désigne une attitude face à l'absurdité du monde et à l'imprévisibilité des événements. Le pofigisme est une résignation joyeuse, désespérée face à ce qui advient. Les adeptes du pofigisme, écrasés par l'inéluçtabilité des choses, ne comprennent pas qu'on s'agite dans l'existence. Pour eux, lutter à la manière des moucheron piégés dans une toile d'argiope est une erreur, pire, le signe de la vulgarité. Ils accueillent les oscillations du destin sans chercher à en entraver l'élan. Ils s'abandonnent à vivre*» [Ibid, p. 219-220]. Автор метафорически ассоциирует таких людей с мошками, осознавшими бесполезность трепыхания в сети паука; они пассивно ждут окончания жизни. Более того, отмечается обдуманность выбора: для них борьба с паутиной – ошибка, и даже признак вульгарности.

Себя же, как носителя иных культурных традиций, С. Тессон, представляет в образе хомяка, занятого работой, бегающего в пластиковой крутящейся клетке. Эти метафорические сравнения, отсылающие к разным «природным» категориям, символично и ярко иллюстрируют видение мира и себя в нем представителями разных национальных культур. Одни выбирают действие, а другие бездействие, одни смотрят на жизнь как на безысходность, другие – как на возможность сделать самостоятельный выбор. Глобально, все закончат свой земной путь одинаково, а потому писатель заключает, что «хомяки» просто забыли о достоинствах принятия судьбы, находя, таким образом, положительные стороны жизни «мошек».

И, тем не менее, подобное сравнение не случайно, оно раскрывает разницу в мировосприятии и освоении его сознаниями, различными по национальной принадлежности. Именно это восприятие как понятие о культурной норме проживания жизни, так его языковое выражение служит базой для формирования национального характера. В приведенном метафорическом сравнении имплицитно иллюстрируется французский культурный концепт «savoir-vivre» (умение жить, искусство управления своей жизнью) и его противопоставление русскому варианту отношения к жизни. «Мошка», применительно к человеку, имеет отрицательную коннотацию, характеризуя субъекта незаметного, неприятного для взаимодействия, часто мешающего. В сознании пользователя языка (не исследователя-натуралиста) хомяк – животное более знакомое и освоенное. Мы больше знаем о его мотивах к движению, видим в них своеобразную целеустремленность. Конечно, очевидна тщетность некоторых предпринимаемых действий, но при этом мы склонны поощрительно охарактеризовать его активность. Такое сравнение, несмотря на замечание автора о положительной стороне жизненной позиции пофигистов, акцентирует базовые национально-культурные установки писателя. Автор подчеркивает активный взгляд на жизнь французов (и в целом европейцев), используя для описания их позиции такие глаголы действия и суждения как *mépriser* (презирать), *faire la moue* (ворочить нос), *partir vaquer* (заняться своими делами) и такие характеристики действия как *affairé* (занятый), *les manches retroussées* (засучив рукава), *sourcils froncés* (сдвинув брови), противопоставляя их глаголам бездействия *accueillir* (принимать), *ne pas chercher* (не пытаться), *s'abandonner* (поддаваться, сдаваться) и состояния *être écrasé* (быть раздавленным) для характеристики славян.

Актуальный слой концепта *POFIGISME* в авторской версии создается при помощи следующих лексем, семантика которых имплицитно обозначает неприятие его национальным сознанием автора, несмотря на высказанную идею истинности подобного отношения к жизни. Глагол *abandonner*, выведенный в название сборника и входящий в резюмированное определение пофигизма, выражает «наступившее отсутствие желания воспользоваться правом или получить что-то; отказаться, передать другому, уступить, забросить что-то по собственной воле, капитулировать, сдаться» [Le Petit Robert, 2003]. Семантика возвратного глагола *s'abandonner* говорит о собственном добровольном выборе – «поддаться, уступить, идти куда глаза глядят, падать духом, расслабиться, отпустить, передавать, отдавать», а в одном из значений присутствует идея доверия – «вверить себя». В ассоциативном словаре [Dictionnaire analogique, 2001] находим следующие сочетания глагола *s'abandonner*: *s'abandonner au désespoir* (предаваться отчаянию), *s'abandonner à la joie* (предаваться радости). Такая высокая вариативность семантической сочетаемости лексемы позволяет избежать исключительно отрицательной коннотации выражения *s'abandonner à vivre*, учитывая то, что слово *vivre* нейтрально и не несет дополнительного оценочного значения. В свете проанализированных выше лексических единиц, составивших ассоциативное поле авторского концепта, предполагаются возможными и положи-

тельные оттенки интерпретации *подчинения жизни*. Именно так и поступили некоторые участники форума, обсуждавшие новый для французской культуры феномен [<http://lesbilletsdhumeurdeninon.eklablog.com/soyons-pofigistes-a106880084>].

Однако для французского языкового сознания положительная интерпретация данного выражения оказывается невозможной, поскольку центральная единица определения – *résignation* – имеет очевидную отрицательную коннотацию. Несмотря на присутствующий в ее значении компонент добровольного выбора, *résignation* понимается как «добровольный отказ от права или блага, принятие чего-либо (судьбы, воли вышестоящего, воли Бога) без сопротивления; подчинение, смирение» [Le Petit Robert, 2003]. Дополнительная характеристика смирения увеличивает степень противоречивости и, скорее, неприятия подобного образа мыслей и жизни: *désespéré* – «отчаявшийся, потерявший надежду» – употребляется с прилагательным *joyeux* «веселый, радостный». Характеристики противопоставлены не только по настроению в целом, но и по степени подразумеваемой активности субъекта, по отношению к которому употребляются: *désespéré* в большинстве случаев несет дополнительное значение пассивного поведения, и переживания эмоций (за исключением возможной сочетаемости с глаголами *crier* (кричать), *exprimer* (выражать), *hurler* (выть), *laisser éclater* (взорваться, выплеснуть)) [Dictionnaire analogique, 2001], тогда как *joyeux*, наряду с глаголами состояния, часто сочетается с именами активного действия. Подобное противопоставление подчеркивает противоречивость, свойственную мировосприятию русского человека.

Глобальность и значимость феномена пофигизма для русской культуры, а также степень его распространения в обществе подчеркивается автором как на лексическом уровне, так и композиционно. С. Тессон говорит: «*Я был посвящен в истину ...*» («*J'ai été initié à la vérité du «pofigisme»*») [Ibid, p. 219]), где полисемантическая единица *vérité* имеет, в том числе, значения «правды, истинности по отношению к реальной действительности, мудрости, а также догмы, евангельской истины». Имя действия *initier* имеет специфический оттенок значения, употребляется по отношению к «допуску субъекта к какому либо знанию, умению или отправлению культа или некоторых секретных ритуалов» [Le Petit Robert, 2003], используется для тематических групп «религия, тайное общество, закрытая группа».

Однако концепт репрезентируется не только в речи автора-рассказчика, но также реализуется в рассказе опосредованно. Автор француз попадает в нестандартную и неприятную для него ситуацию в поезде Владивосток-Хабаровск Транссибирского направления. Место, где разворачивается сюжет, к тому же фиксируется в заглавии рассказа «Le Train» («Поезд»), которое в известной степени направляет интерпретацию художественного текста, вызывая определенные ассоциации закрытого пространства, живущего по своим законам, в котором нет возможности выбора: «*В поезде нет выбора. Или мы идем вверх по течению, или мы идем вниз по течению*» («*Dans un train, pas de choix. Soit on remonte vers l'amont, soit on va vers l'aval*») [Ibid, p. 221].

Перед тем как сесть в поезд, автор пьет пиво «Балтика», будучи «верен русской традиции, которая предписывает напиться перед долгим путешествием» (*«fidèle à la tradition russe qui recommande de se saouler avant un long voyage»*) [Ibid, p. 220].

Композиция рассказа поддерживает идею поэтапного ритуального посвящения: повествование начинается с описания места и атмосферы, характерных для проведения ритуалов, затем описывается само действие-ритуал, окруженное культурными константными признаками, заканчивается рассказ фразой-посвящением с использованием глагола в повелительном наклонении, где автор и слышит впервые имя того понятия, которое анонсировалось в начале. В закрытом пространстве, все, предполагается, являются посвященными, но С. Тессон не вводит в повествование дополнительных действующих лиц, концентрируя внимание на тех, кто имеет непосредственное отношение к ритуалу. Упоминается лишь единожды о «выкриках свидетелей» [Ibid, p. 222]. Кульминационная фаза действия приходится на полночь, вокруг (за пределами поезда) мрак, бесконечная грусть и небытие, которыми автор описывает пространство, где живут русские (*«la nuit masquait l'infinie tristesse de l'Extrême-Orient russe; Des Russes vivaient dans ce néant sous les cheminées; Je regardai ma montre. Minuit»*) [Ibid, p. 220–221]. Столкнувшись в вагоне с преградившим ему путь «узбеком весом 110 кг» (*«un Ouzbek de cent dix kilos»*) [Ibid, p. 221], рассказчик, не желая подчиниться требованиям и уступить, дерется с ним и, конечно же, оказывается побитым. Он возвращается в свое купе, где его попутчица – русская девушка, которую он называет Ольгой – невозмутимо обрабатывает ему раны и «твердым голосом» (*«d'une voix ferme»*) советует: «Да плевать на твою рану. Будь пофигистом, парень» (*«On s'en fout de ta plaie. Soit pofigiste, mec»*) [Ibid, p. 224].

Композиционно эта реплика является заключительной в рассказе, что, одновременно с авторской ремаркой «Глядя на таких девушек, не удивляешься, что нацисты потерпели неудачу под Сталинградом» (*«En face de filles pareilles, il n'est pas étonnant que les nazis aient échoué à Stalingrad»*) [Ibid, p. 224], подчеркивает положительную сторону русского пофигизма в глазах француза.

Резюмируя, отметим, что противоречивый характер представленного культурного явления, создается автором различными способами, причем образность и композиция вносят больше положительной характеристики феномену славянского варианта отношения к жизни. Несмотря на относительно комплиментарный образ пофигиста (одним из участников ритуала посвящения являлся все же беспощадный «внук Тамерлана» [Ibid, p. 223]), лексемы, входящие в актуальный слой авторского концепта «пофигизм», имплицитно поддерживают правильность «французского» (европейского) взгляда на мир. Это подтверждает центральный компонент концепта, лексема *résignation* и ее исключительно отрицательная коннотация, а также примеры использования классиками французской литературы, несомненно влияющими на национальную языковую картину мира. В частности, О. де Бальзак писал: «La

résignation, mon ange, est un suicide quotidien» («Смирение, ангел мой, это ежедневное самоубийство»).

Литература

1. *Tesson S. S'abandonner à vivre.* – Paris : Editions Gallimard, 2014. – 256 p.
2. *Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française.* – Paris: Le Robert, 2003. – 2949 p.
3. *Dictionnaire analogique.* – Paris: Larousse, 2001. – 856 p.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «WOMAN» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гулик О.О. (Нижегород)
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
narushka65@mail.ru

Аннотация: Анализируются феминно-маркированные единицы с компонентом антропонимом на материале современного английского языка. Рассматриваются возможности семантического перехода онимов в имена нарицательные.

Ключевые слова: гендер, феминно-маркированная метафора, языковая картина мира

Как известно, в конце XX века процесс стремительного развития дисциплин лингвистического направления привёл к выделению и становлению науки синтезирующего типа, возникшей на основе идеи о языке как способе хранения и развития культуры. Позднее за данной областью знания закрепился термин «лингвокультурология». Этому в значительной степени способствовали работы таких отечественных ученых, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, С.Г. Воркачëв, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и других.

Несмотря на то, что на начальных этапах становления имело место недифференцированное использование терминов «лингвокультурология» и «этнолингвистика», в настоящее время полагается, что в этнолингвистических учениях акцент делается на этнических, фольклорно-мифологических аспектах языка, в то время, как лингвокультурология ставит целью описание взаимодействия языка, культуры и национального менталитета на основе единства языка, культуры и человеческой личности [Маслова, 2001]. Современное научное сообщество определяет лингвокультурологию как комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании, отражающую данный процесс как целостную структурную единицу языкового и внеязыко-

вого содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки [Воробьев, 2008].

В свете лингвокультурологического описания особый интерес могут представлять единицы, отражающие конструирование гендерного параметра в языке и речи, приобретающие особое символическое значение в условиях отдельно взятой лингвокультуры. Значимость лингвокультурологического исследования гендера определяется его научной и общекультурной значимостью как ключевой категории в процессе формирования национального самосознания. Таким образом, в качестве объекта исследования выступает гендер как одна из определяющих антропоморфных категорий, представленная в национальном сознании и объективируемая в языковой системе посредством различных проявлений гендерно-маркированной метафоры.

В центре внимания оказываются метафорические значения, как зафиксированные в языковой системе, так и их речевые воплощения, еще не имеющие системного характера, но определяющие вектор развития тенденции в формировании категориальных гендерконструирующих признаков.

Лингвокультурологическое освещение подобного анализа позволяет рассмотреть категоризацию в качестве основного мыслительного процесса, определяющего способа формирования и приращения знания носителями языка определенной культуры.

В качестве материалов исследования выступают данные лексикографических источников — большого фразеологического словаря А.В. Кунина, дополненные материалами он-лайн словаря *Urban Dictionary*, отражающего не зафиксированные лексикографические значения.

Анализ феминно-маркированных фразеологических единиц объективирует необходимость структурного деления материала на две группы:

1) единицы, содержащие компонент напрямую номинирующий лиц женского рода: *fine lady* – женщина, строящая из себя аристократку; *a golden girl* – девушка, пользующаяся популярностью, кумир;

2) единицы, соотносящиеся с лицом женского рода посредством компонента значения: *an angel of mercy* – сестра милосердия, *an old cat* – сварливая старуха.

В первой группе можно выделить подгруппу, конструирующую феминно-маркированное значение напрямую – посредством имени лица женского рода, используемого в качестве нарицательного: *aunt Jane* – прозвище негрityнок-богомолка; *aunt Edna* – театралка с консервативными вкусами. Также зафиксирован единичный случай использования имени лица мужского рода для референции с феминно-маркированным объектом: *Caesar's wife*.

Несмотря на активные социальные изменения в гендерной политике современного британского общества, длительное время языковая система формировалась в условиях патриархальной культуры. Таким образом, ряд анализируемых феминно-маркированных единиц имеют прямую/косвенную референцию с маскулинно-маркированными объектами и указывают на отношения субординации: *left-handed wife* – морганатическая супруга, *a golf widow* – женщина, муж которой чрезмерно увлекается гольфом, *one's best girl*

– возлюбленная. Отдельные единицы, имеющие в составе компоненты, традиционно соотносимые с лицом мужского пола, строятся на переносе семантического компонента «манера действия» – *bachelor girl* – одинокая девушка, живущая самостоятельно. Отметим, что единица *bachelor's wife* не следует данной модели переноса и имеет значение «редкая женщина, существующая только в воображении холостяка».

Анализ обнаруживает, что 25% феминно-маркированных единиц в английской языковой картине мира объединены значением «отрицательная характеристика лица женского рода». К семантическим компонентам, реализующим данное значение, относят:

1) недостаточные интеллектуальные способности: *the girl next door* – заурядная по уму девушка;

2) не одобряемый обществом способ поведения: *fallen angel / fallen woman, lady of easy virtue* – проститутка.

Можно отметить, что несоответствие предписанной социальной роли в английской лингвокультуре также может быть оценено отрицательно: *an inappropriated blessing* – «невысчитанное сокровище», старая дева.

Положительные характеристики лица женского рода в английской языковой картине мира реализуются через компонент значения «приятный внешний вид»: *a dolly bird* – хорошенькая девушка, *a rose between two thorns* – красивая женщина, сидящая между двух мужчин. Компонент значения «высокие интеллектуальные способности» на рассматриваемом материале в английской языковой картине мира не обнаружен.

Отмеченная выше группа единиц, номинирующая лиц женского пола посредством соотнесения с именем собственным, а также последующим его переходом в разряд нарицательных. Анализ возможностей семантического перехода онимов в имена нарицательные представляет особый интерес с позиции того, какие параметры используются для формирования гендерно-маркированного образа в современном британском обществе. Также, важным представляется рассмотрение коннотативного компонента значения единицы, возникшей в результате национально-специфичной оценки лица определенного рода.

Одной из последних номинаций данного рода стало имя жены принца Гарри, герцогини Сассекской – Меган Маркл, используемое для обозначения человека, пренебрегающего окружающими людьми, в случае, если они перестают приносить видимую выгоду и пользу: «*She did a Meghan Markle on her friends as soon as she became famous. Mary did a Meghan Markle on her poor husband as soon as she became famous*»; «*Do not Meghan Markle me when your movie comes out! Girl, she's engaged to a Russian billionaire now. She Meghan Markled her way to the top!*» [Urban Dictionary].

Можно отметить, что процесс перехода имен собственных в нарицательные может сопровождаться изменением частеречной принадлежности или расширением данной парадигмы: а) *Meghan Markle* – существительное; б) *Meghan Markle* – глагол.

К подобным единицам американской лингвокультуре можно отнести имя Сары Пэйлин – женщины политика и губернатора Аляски с 2006 по 2009 годы, используемого для отрицательной характеристики интеллектуальных способностей лица любого рода: «*McCain is such a Sarah Palin*» [Urban Dictionary].

Можно заключить, что комплексный анализ языковых единиц, дополненный анализом их речевой реализации позволяет сосредоточить внимание на том, что нового вносит гендер как категория в лингвистическое описание, какие языковые средства используются для конструирования гендерной идентичности, а также, какие из ее параметров имеют стабильный/изменчивый характер в рассматриваемой лингвокультуре. Перспективным представляется анализ соотношения проявлений гендерной идентичности нескольких лингвокультур, а также возможности влияния процессов глобализации и культурной унификации на функционировании гендерного параметра отдельной лингвокультуры.

Литература

1. *Urban Dictionary*. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.urbandictionary.com/>
2. *Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. 1210 с.
3. *Воробьёв В.В.* Лингвокультурология. – Москва: Изд-во РУДН, 2008. – 338 с.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОБЫТИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ)

О.Н. Дубровская (Саратов)
Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
odubrovskaya@yandex.ru

Аннотация: Медиадискурс, посвященный определенному политическому событию, рассматривается в статье как политический нарратив. Представление событий в таком нарративе характеризуется выделением одного из аспектов событийной структуры, явно выраженным аксиологическим характером дискурса, а также переносом значимости с самого события на участников события, что приводит к персонализации дискурса о событиях.

Ключевые слова: политический нарратив, медиасобытие, медиадискурс, персонализация событий, событийный фрейм.

Медиадискурс строится на освещении различных событий. Тён Ван Дейк относит медийный дискурс о событиях к форме манипулятивного воздействия, активирующей ментальные модели повседневного опыта в соответствии с заданными целями. «Воспоминания о коммуникативных событиях формируют часть нашего повседневного опыта и хранятся в эпизодической памяти в форме специфических ментальных моделей, обладающих особой схематической структурой. Например, повествование представляет собой формулировку персональной, субъективной ментальной модели некоторого полученного опыта, а понимание новостного репортажа или статьи включает индивидуальное конструирование реципиентами субъективных моделей» [Тён Ван Дейк, 2018, с. 264]. Понимание медиатекста в этом случае связано с так называемой дискурсивной манипуляцией пониманием и восприятием событий. С этой точки зрения цель СМИ – повлиять на структуры ментальных моделей событий [Там же, с. 265].

Медиатекст, характеризующийся набором специфических признаков, реализует как собственно медийные законы репрезентации событий в дискурсе масс-медиа, так и особенности политического дискурса, что свидетельствует о гибридности такого дискурса, его медиаполитическом характере [Шейгал, 2000]. Основная функция медиаполитического дискурса – репрезентация политической позиции или политических установок, включенных в текущую повестку дня, через дискурс о событиях [Дубровская, 2018, с. 48].

Совокупность текстов, посвященных определенному политическому событию, рассматривается в теории дискурса как политический нарратив. С этой точки зрения политическим нарративом являются и медиатексты, связанные с освещением того или иного политического события [Чудинов, 2003; Кириллов, 2007].

Рассмотрим один из примеров такого событийного политического нарратива. Актуальным политическим событием является выход Великобритании из Европейского союза – *брексит*. Материалы СМИ, связанные с этим событием представляют собой политический нарратив о событии *брексит*. Все публикации в англоязычных, русскоязычных и других мировых медиа следует рассматривать как фрагмент данного нарратива. Вместе с тем, как любой политический нарратив, *брексит* имеет сложную структуру – не только благодаря жанровому наполнению, но и благодаря многоаспектности явления. Фрейм гиперсложного события *брексит* включает ряд других простых и сложных событий, все из которых строятся на речевом взаимодействии различных индивидуальных и групповых участников. Дискурс о событии в СМИ включает в общий политический нарратив и выступления премьер-министра Великобритании Терезы Мей перед членами парламента, и встречи с политическими лидерами разных стран, переговоры, и освещение в прессе также различных публичных акций как поддержки и протеста, связанных с этим сложным политическим процессом.

Медиатексты о политических событиях реализуют различные аспекты категории событийности [Дубровская, 2017]. Анализ текстов американских, британских и российских СМИ 2018–2019 гг. о *брексит* позволяет выявить

ряд особенностей представлений событий в политическом нарративе, при этом для русскоязычных и англоязычных текстов выявляются общие черты: доминирование в тексте номинаций компонентов событийной структуры над собственно событийными номинациями; кореферентные обозначения событий в тексте; выдвижение на первый план одного из участников событий, чаще – лидера государства; описание аксиологической составляющей события сквозь призму отношения к конкретному политику.

Рассмотрим некоторые примеры освещения данного события в англоязычных СМИ.

Пример 1.

«Theresa May’s new soft Brexit blueprint would “kill” any future trade deal with the United States, Donald Trump warns today.

Mounting an extraordinary attack on the PM’s exit negotiation, the President also reveals she has ignored his advice on how to toughen up the troubled talks.

Instead he believes Mrs May has gone “the opposite way”, and he thinks the results have been “very unfortunate”.

His fiercest criticism came over the centrepiece of the PM’s new Brexit plan — which was unveiled in full yesterday.

It would stick to a common rulebook with Brussels on goods and agricultural produce in a bid to keep customs borders open with the EU.

But Mr Trump told The Sun: “If they do a deal like that, we would be dealing with the European Union instead of dealing with the UK, so it will probably kill the deal”» (www.thesun.co.uk).

Очевидно, что данный пример можно отнести к случаю персонализации события. В англо-русском толковом словаре концепций и терминов «Коммуникативистика и средства информации» Л.М. Земляновой термин *personalization of events* объясняется следующим образом: персонализация событий – это вытеснение объективных изображений событий общественно-политической жизни имиджами известных политиков [Землянова, 2004, с. 254]. Рассматриваемый текст представляет собой фрагмент нарратива, посвященного политическому событию – встрече политических лидеров США и Великобритании. Это статья из издания «*The Sun*», основанная на интервью президента США. Для текста характерно выдвижение на первый план не структуры события, событие лишь называется (кореферентные обозначения *exit negotiation, troubled talks*), а личностей политиков – участников события (*Theresa May, the PM, Mrs. May; Donald Trump, Mr Trump*). Очевидно, что оценки здесь даны как эксплицитно, так и имплицитно: цитата Д. Трампа прямо указывает на негативные последствия позиции британского премьер-министра (*kill the deal, повторы deal, dealing*), в то время как комментарий журналиста оценивает не позицию Т. Мей, но ситуацию в целом (*troubled talks*) и коммуникативное поведение Д. Трампа (*fiercest criticism, mounting an extraordinary attack*).

В публикации в американском издании «*The New York Times*» «*Donald Trump Jr. Scolds Theresa May Over Brexit: ‘Was It All a Ruse?’*» также утвер-

ждается мысль об игнорировании Терезой Мей советов Д. Трампа по поводу ситуации с *брексит*. В данном фрагменте фигурирует сын Д. Трампа.

Пример 2.

«*“Next Friday, March 29, is supposed to be the British people’s Independence Day,” Mr. Trump wrote. “But because the elites control London from Brussels, the will of the people is likely to be ignored.”*»

It is unclear what expertise Mr. Trump has in British and European politics and government, or whether Britons care about what he has to say. But his views appear to align with his father’s.

*During a visit to Britain last summer, President Trump told Mrs. May to “sue the E.U.,” according to her account of the meeting — **advice** the prime minister dismissed in favor of negotiating.*

*According to Stephen K. Bannon, the president’s former chief strategist, Mr. Trump told the British leader to “**overshoot the target**” on her deal, be on “terms agreed within six months” and “**use every arrow in your quiver even if you have to do litigation later.**”*

“She laughed it off,” Mr. Bannon told the British network Sky News on Monday.

*After a series of defeats in Parliament, it has become clear that Mrs. May will try to postpone the March 29 date for Brexit to take effect — a move that appears to have **disappointed** President Trump» (www.nytimes.com).*

Оценка в тексте выражена прямо, при этом носит довольно агрессивный характер – позиция Д. Трампа выражена через метафору: *overshoot the target, use every arrow in your quiver*.

Несмотря на разницу во времени в публикации данных медиатекстов (апрель и март 2019, соответственно), ключевой проблемой остается ролевое соотношение участников: Д. Трамп – тот, кто даёт советы, а Т. Мей игнорирует его позицию. Ср. в первом примере: *she has ignored his advice*; в примере из американского медиадискурса: *the will of the people is likely to be ignored*.

Таким образом, основными особенностями представления событий в политическом нарративе в современном медиапространстве являются персонализация событий, сочетающаяся с персонализацией дискурса о событии, имплицитная оценочность событийных номинаций, и, соответственно, референтных событий. Политический нарратив, связанный с определенным событием, представляет собой дискурс о событии, поддерживающий интерес к обсуждаемому событию, но выдвигающий на первый план образ политика, а также оценку его деятельности. Событийной структуре в таком нарративе отводится второстепенная роль. Оценка события осуществляется либо имплицитно, либо с привлечением эксплицитной оценки ряда экспертов, цитируемых в тексте, что приводит к многослойной персонализации такого текста. Для нарратива характерно наличие ключевых концептов, переходящих из текста в текста и объективируемых ограниченным набором лексем.

Литература

1. *Ван Дейк Тён А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.
2. *Дубровская О.Н.* Дискурс о событии как средство выражения политических установок в американских СМИ // Романо-германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 8. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2018. – С. 46–53.
3. *Дубровская О.Н.* Персонализация событий как свойство медиадискурса. // Личность – Язык – Культура: Материалы VI Международной научно-практической конференции 22-24 ноября 2017 г. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2017. – С. 89–96.
4. *Дубровская О.Н.* Персонализация событий в американском медиаполитическом дискурсе: аксиологический аспект // Романо-германская филология: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 7. К 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2017. – С. 65–76.
5. *Землянова Л.М.* Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
6. *Кириллов А.Г.* Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.
7. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
8. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Монография. – М.; Волгоград: «Перемена», 2000. – 368 с.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Ю.И. Ермакова (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
monday_morning@mail.ru

Аннотация: Одним из самых сложных видов перевода является перевод общественно-политического текста, который, как и все остальные виды, нуждаются в прагматической адаптации. Прагматический фактор определяет способ реализации процесса перевода и объем передаваемой в переводе информации. Переводчик также должен помнить, что политический дискурс (который определяется как многоаспектное и многоплановое явление, комплекс элементов, образующих единое целое) обладает характерными чертами.

Ключевые слова: прагматика, прагматическая адаптация, перевод, получатель перевода, политический дискурс, заказчик.

Целью любого высказывания является произведение коммуникативного эффекта на адресата. И одной из главных задач переводчика является сохранение этого коммуникативного эффекта при переводе. Поэтому вопросы прагматики перевода являются одними из важнейших в переводоведении.

Ч. Моррис ввел понятие «прагматики» для обозначения «раздела семиотики, который занимается изучением отношений между знаками и пользователями этими знаками (интерпретаторами)» [Сдобников, Петрова, 2006, с. 141]. Комиссаров, определяя понятие прагматики, понимал под знаком текст, который может оказывать воздействие на получателя, т.е. обладает прагматическим потенциалом («способность текста производить... коммуникативный эффект, вызывать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому» [Комиссаров, 1990, с. 209]).

Рассмотрим этапы процесса перевода с прагматической точки зрения. На первом этапе переводчик выступает в роли рецептора оригинала и старается извлечь содержащуюся в сообщении информацию. Количество извлеченной информации зависит от того же количества фоновых знаний переводчика, которым обладает отправитель текста оригинала. На втором этапе процесса перевода переводчик старается сделать так, чтобы получатель перевода понял исходное сообщение.

В переводоведении выделяют четыре вида прагматической адаптации [Комиссаров, 1990, с. 138–149].

Первый вид прагматической адаптации имеет целью обеспечить адекватное понимание сообщения рецепторами перевода; переводчик ориентируется на усредненного получателя (Из-за отсутствия одинакового количества фоновых знаний у получателя, переводчик дополняет текст новой информацией).

Второй вид прагматической адаптации имеет целью добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие исходного текста; переводчик ориентируется на усредненного получателя.

Третий вид прагматической адаптации подразумевает ориентацию переводчика на конкретного рецептора в конкретной ситуации общения. В данном виде адаптации наблюдается значительное отклонение от исходного сообщения. В данном виде адаптации переводчик передает не сказанное, а подразумеваемое, а также использует иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале, для достижения желаемого воздействия на данного рецептора.

Четвёртый тип прагматической адаптации заключается в решении «экстрапереводческой сверхзадачи» и не исключает искажения оригинала. Переводчик решает свою «сверхзадачу», не связанную непосредственно с переводом. Выделяют три способа перевода внутри данного типа прагматической адаптации:

- **Филологический перевод:** переводчик воспроизводит формальные особенности языка оригинала, порой нарушая правила узуса ПЯ. Сейчас такой вид перевода применяется для создания подстрочников для переводчиков художественной литературы, не владеющих ИЯ. В России так выполняются многие переводы с языков многих народов. Сначала один переводчик, знающий язык оригинала, но не обладающий необходимым литературным даром, делает подстрочник, как можно более полно отражающий не только содержание, но и форму оригинала, а затем по этому подстрочнику поэт или писатель создаёт окончательный художественный перевод.

- **Упрощенный, или приблизительный перевод:** переводчик, по просьбе получателя перевода, выборочно или обобщенно передает интересующую рецептора информацию. В.Н. Комиссаров пишет, что в таких случаях переводчик создаёт какой-то рабочий перевод, не отвечающий требованиям адекватности, но соответствующий его «сверхзадаче».

- **Модернизация оригинала при переводе:** по словам В.Н. Комиссарова, такую модернизацию нередко вообще нельзя назвать переводом, так как переводчик фактически создает новое произведение «по мотивам» исходного текста. Модернизация может быть различной: перенесение действия в более позднюю эпоху или в другую страну, изменение имён действующих лиц и пр.; использование слов и высказываний, характерных для более позднего или современного периодов.

Задача переводчика состоит в производстве прагматической адаптации и реализации цели, которую ставил автор оригинала. Для этого переводчик сопоставляет не только языковые системы, но и разные культуры и вносит поправки на психологические, социально-культурные и иные различия между получателями оригинала и перевода [Швейцер, 1973, с. 105]. Таким образом, прагматический фактор определяет способ реализации процесса перевода и объем передаваемой в переводе информации.

При передаче сообщения отправитель точно знает, кому адресован текст. И поэтому знает, какая информация будет понятна получателю текста, а какая потребует дополнительного объяснения. Немецкий исследователь Альбрехт Нойберт выделяет четыре типа исходных текстов [Сдобников, Петрова, 2006, с. 146–147]:

1. Текст ИЯ не предназначен специально для аудитории ИЯ. Такой текст одинаково интересен и получателям ИЯ, и получателям ПЯ. (Примеры: научная, техническая литература, рекламные тексты.)

2. Текст ИЯ содержит информацию, отвечающую специфическим потребностям аудитории ИЯ, в какой-то особой исторической, экономической, политической, культурной и географической ситуации. (Примеры: тексты законов, местная пресса, объявления.)

3. Художественная литература. Тексты этого типа возникают и интерпретируются в определенной общественной ситуации, но затем оказываются вне времени и обретают значимость для всех людей.

4. Текст создается на ИЯ и предназначается, прежде всего, для перевода на ПЯ. (Примеры: информационно-пропагандистские материалы, адресованные иностранной аудитории.)

А к какому же типу текста относится политическое выступление? И какой вид прагматической адаптации может быть применен при переводе? Для того чтобы ответить на эти вопросы, следует сначала определить термин «политический дискурс».

Многие лингвисты пытались определить понятие политического дискурса.

Так, например, в политической лингвистике политический дискурс представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое [Маслова, 2008, с. 43]. В своей работе «Парламентские дебаты: традиции и новации» А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич определяют ПД как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Маслова, 2008, с. 43].

Один из способов определить ПД, согласно Ю.А. Сорокину, это определить его соотношение с дискурсом идеологическим: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен» [Маслова, 2008, с. 44].

Итак, можно сказать, что понятие политического дискурса в лингвистике употребляется в узком и широком значении. В широком значении он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. [Маслова, 2008, с. 44] Мы будем рассматривать понятие политического дискурса в широком значении, поскольку оно охватывает более широкий круг аспектов перевода общественно-политических текстов (процесс и результат порождения и восприятия текстов, экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие).

Политический дискурс относится к общественно-политическому виду текста и обладает характерными чертами, о которых должен помнить переводчик. Одной из основных характеристик ПД является высокая степень аргументации, с помощью которой автор сообщения доказывает, опровергает или убеждает аудиторию. В тексте присутствуют логические доводы, рассуждения и, порой, статистические данные. На лексическом уровне можно выделить насыщенность терминами и стилистическими средствами, как например метафора, сравнение, аллюзии.

Вернемся к классификации текстов, предложенной А. Нойбертом. Рассмотрим второй тип текста, когда текст ИЯ содержит информацию, отвеча-

ющую специфическим потребностям аудитории ИЯ, в какой-то особой ситуации. Именно к этому типу текста относится, например, речь, произнесенная Авраамом Линкольном 19 ноября 1863 г. на открытии Геттисбергского кладбища. Зачем переводить речь, адресованную солдатам Федерации? В данном случае можно говорить о так называемом «терциарном переводе», который М.Я. Цвиллинг определяет как «акт коммуникации на исходном языке, являющийся объектом перевода, вызванного потребностями третьего, не участвующего в этом акте лица» [Цвиллинг, 2009, с. 84]. Кто же может быть этот «третий»? Кому нужен перевод политических выступлений? Нам важно ответить на данный вопрос, поскольку переводчик ориентируется на запросы заказчика перевода.

Прежде всего, к заказчикам могут относиться различные международные организации (например, перевод выступления президента США на заседании стран большой восьмерки) и СМИ (например, русская служба EuroNews). Стоит также упомянуть заинтересованность правительства и посольств: например, посольству Великобритании в России постоянно требуются переводы выступлений наших политиков и наоборот. И, наконец, сам переводчик может проявить инициативу и выступить в роли заказчика.

В заключении можно сказать, что перевод общественно-политического текста является одним из самых сложных видов перевода. Этот вид перевода, как и все остальные виды, нуждаются в прагматической адаптации. Прагматический фактор определяет способ реализации процесса перевода и объем передаваемой в переводе информации. Переводчик также должен помнить, что политический дискурс определяется как многоаспектное и многоплановое явление, комплекс элементов, образующих единое целое и обладает характерными чертами.

Литература

1. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
2. *Маслова В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24) – Екатеринбург, 2008. – С. 43–48.
3. *Сдобников В.В.* Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – запад, 2006. – 448 с.
4. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
5. *Цвиллинг М.Я.* О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009. – 288 с.

О ВЛИЯНИИ АНГЛИЙСКОЙ ИТ-ТЕРМИНОЛОГИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦ

Л.С. Ефремова (Саратов)

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
lyudmila.yefremova93@mail.ru

Аннотация: В данной статье анализируется роль английских ИТ-терминов в образовании современных русских антипословиц, которые отображают некоторые реалии, характеризующие изменения в языке. Также рассматриваются разные типы трансформаций традиционных русских пословиц и поговорок под влиянием английских заимствованных терминов в процессе языковой интерференции.

Ключевые слова: ИТ-терминология, заимствование, паремия, пословица, поговорка, антипословица, трансформация, языковая интерференция.

Глобализация оказывает влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и на языки, в результате чего в процессе международного общения единицы одного языка заимствуются другими языками. Поскольку в настоящее время одним из языков международного общения является английский, то его различные единицы проникают в состав других языков путем заимствования в результате языковой интерференции. Наряду с этим английский язык используется в качестве языка науки и технологии, в особенности активно развивающейся сферы ИТ, что обусловлено необходимостью специалистов из разных стран понимать друг друга. С течением времени заимствованные терминологические единицы ассимилируются как в терминологической области языка-реципиента, так и, попадая в общеупотребительную сферу языка, продолжают ассимилироваться его носителями на разных языковых уровнях. Эти процессы приводят к своеобразной «модификации языкового сознания» [Алефиренко, с. 207], в частности к созданию новых экспрессивно-образных лексических единиц.

О высоком уровне ассимилированности заимствований, в частности терминов-заимствований, свидетельствуют трансформации на лексико-семантическом уровне языка-реципиента, что может рассматриваться также и как явление языковой интерференции.

Поскольку специалисты любой сферы являются носителями своего родного языка и культуры, не вызывает сомнения, что знание общих культурных явлений и их лексического выражения приводит к определенному смешению терминологических и общеупотребительных языковых единиц.

Доказательством того, что заимствованные английские термины ИТ очень быстро проникают в бытовую речь специалистов, является их употребление также в русских пословицах и поговорках, например, *баг фиче не товариц; ваши слова да техлиду в уши*.

Будучи предметом изучения паремиологии, пословицы и поговорки являются языковыми единицами, или паремиями [Мокиенко, 2010], в которых отражается субъективное отношение к действительности того или иного

народа, например: *любишь кататься – люби и саночки возить; сделал дело – гуляй смело; у семи нянек дитя без глазу; нечего на зеркало пенять, коли рожа крива* и т.д. [Мухарлямова, 2010, с. 6]. Также пословицы и поговорки представляют собой яркие и выразительные языковые средства, одной из функций которых является юмористическая функция. Так, в них при помощи парадоксов и противоречий конструируется особая реальность [Алефиренко, Семенов, с. 259].

Под влиянием различных экстралингвистических факторов в результате изменений в структуре и содержании известные пословицы и поговорки приобретают статус антипословиц, или трансформированных пословиц и поговорок [Мидер, 1982, 1985, 1990, 1993, 2001; Вальтер, Мокиенко, 2005], например: *любишь код писать, люби и баги править; сделал Демо – гуляй смело; у семи менеджеров и проект без билда; нечего на тестера пенять, коли код кривой*. То есть, согласно определению В.М. Мокиенко и Х. Вальтера [Вальтер, Мокиенко, 2005], они представляют собой измененные варианты традиционных русских пословиц, поговорок и других прецедентных текстов, а также новые шуточные паремии, созданные на их основе [Никитина, 2014, с. 87].

В рамках данного исследования были проанализированы антипословицы, трансформированные в процессе включения в их состав терминологических единиц сферы информационных технологий. Основным способом их структурного изменения является замена компонентов традиционных паремий [Шанский, 1996, с. 128–129]. При этом форма той или иной традиционной пословицы или поговорки частично сохраняется, соответственно значение новой паремии образуется путем своеобразного сложения содержательной стороны паремии-основы и новых элементов (замен).

При создании некоторых антипословиц, например, *баг в огне не потонет и в воде не сгорит*, были использованы такие художественные тропы, как парадокс и оксюморон, целью которых является указание на уникальную «живучесть» бага, или ошибки, в программе, что приводит к её неправильному функционированию. Основой для новой паремии послужила русская загадка: «*Что в огне не горит и в воде не тонет?*», однако её части были переставлены местами, что и породило оксюморон. Кроме этого, в этой антипословице употребляется будущее время, что отражается в формах глаголов «не потонет» и «не сгорит», в то время как в оригинальной загадке используются формы глаголов настоящего времени. В результате трансформаций значение новой паремии приобретает иронический оттенок по сравнению с нейтральным значением изначальной загадки.

Следующая группа новых антипословиц была образована путем замены некоторых компонентов поговорок-основ и пословиц-основ с сохранением грамматической формы исходных элементов: *баг фиче не товарищ; баг в билде не утаишь; на ловца и баг бежит; один билд хорошо, а два – лучше; первый билд комом; менеджер из офиса, разработчики в пляс; плох тот Джуниор, что не мечтает стать Синьором; лиха билда начало; лучше релиз на проде, чем куча задач в спринте; ваши слова да техлиду в уши*. Дан-

ный факт свидетельствует о том, что заимствованные терминологические единицы (*баг, фиче, билд, Джуниор, Синьор, релиз, техлид* и др.) прошли стадии ассимиляции на фонетико-орфографическом и морфолого-грамматическом уровнях и приобрели грамматические категории и соответствующие им формы выражения (флексии), характерные для существительных мужского и женского рода единственного числа в русском языке. Наряду с этим сохраняется принадлежность терминологических существительных-замен к одушевленной (*Джуниор, Синьор, техлид* – названия должностей) или неодушевленной (*баг, фича, релиз, прод, спринт* – названия конкретных объектов и абстрактных процессов) группам существительных русского языка, что и существительные, изначально использованные в исходных поговорах и пословицах.

Благодаря ассимиляции на морфолого-грамматическом уровне синтаксическая структура данных новых паремий не претерпевает никаких изменений, поэтому носитель языка, даже не являясь профессионалом области информационных технологий, сможет догадаться о значении антипословиц, реконструировав их основу. То есть в отличие от случая с паремией *баг в огне не потонет и в воде не сгорит*, форма содержания вышеуказанных антипословиц в основном копирует значение исходных пословиц и поговорок: новая паремия *баг фиче не товарищ* и поговорка-основа *гусь свинье не товарищ* повествуют о несовместимости; новая паремия *баг в билде не утаишь* и пословица-основа *шила в мешке не утаишь* указывает на невозможность скрыть что-либо; новая паремия *на ловца и баг бежит* и поговорка-основа *на ловца и зверь бежит* свидетельствуют о нахождении чего-то конкретного. *Один билд хорошо, а два – лучше* и пословица-основа *одна голова хорошо, а две – лучше* дают представление о том, что преимущество увеличения количества участников данного действия или неоднократного повторения какого-то действия может привести к достижению необходимого результата. Новая паремия *первый билд комом* и пословица-основа *первый блин комом* описывают неудачу при первой попытке сделать что-либо. Паремия *менеджер из офиса, разработчики в пляс* и пословица-основа *кот из дома – мыши в пляс* характеризуют состояние расслабления подчиненных на рабочем месте в отсутствие их начальника. Следующая фразеологическая единица *плох тот Джуниор, что не мечтает стать Синьором* и русская поговорка *плох тот солдат, который не мечтает стать генералом* свидетельствует о достижении более высоких результатов и продвижении по карьерной лестнице. *Лиха билда начало* и пословица-основа *лиха беда начало* означают трудности начинания какого-либо дела. *Лучше релиз на проде, чем куча задач в спринте* и пословица-основа *лучше мало, чем ничего* указывает на преимущество даже небольшого результата, чем вообще на отсутствие каких-либо изменений вследствие не совершения никаких действий. Новая паремия *ваши слова да техлиду в уши* и пословица-основа *Ваши слова да богу в уши* подразумевают желание изменения ситуации в пользу определенной группы людей.

В антипословице *поспешишь – QA насмешишь* также сохраняется антропонимический характер замененного существительного, поскольку QA

(qualified assistance) представляет собой аббревиатурное название должности человека, занятого в сфере IT. Несмотря на то, что в отличие от замененного элемента в исходной поговорке в трансформированной паремии у терминологической замены нет выраженного показателя какого-либо числа, реконструировав поговорку-базу, носители языка могут предположить, что под аббревиатурой **QA** подразумевается некая группа людей. Кроме этого, анализируемый термин сохраняет написание буквами алфавита английского языка-донора, что свидетельствует о его неассимилированности в русском языке на фонетико-орфографическом уровне.

Неассимилированная на фонетико-орфографическом уровне единица *scrum*, но ассимилированная на морфолого-грамматическом уровне эта терминологическая единица была обнаружена в антипословице *не scrum'ом единым* (от пословицы-основы *не хлебом единым жив человек*).

Некоторое изменение значения трансформированной паремии в отличие от поговорки-базы было отмечено в примере *старый баг лучше новых двух*, где речь идет об ошибке, которая уже известна IT-специалисту, поэтому и исправить её будет легче. Соответственно ему потребуется затратить не так много усилий, как если бы это была новая ошибка.

В следующих примерах была предпринята попытка сохранить рифму, которая была положена в основу традиционных паремий: *сделал Демо – гуляй смело; на чужой кодок – не разевай роток*, – где терминологическая единица *Демо* употребляется вместо выражения *демо-версия*, а термин *код* преобразован в единицу *кодок* при помощи добавления уменьшительно-ласкательного суффикса *-ок*.

Как показал проведенный анализ, антипословицы могут как сохранять значение исходных пословиц и поговорок (*первый билд комом*), так и изменять их с учетом значения терминов-замен (*баг в огне не потонет и в воде не сгорит*), в результате чего их форма содержания сужается до определенной терминологической области. При этом новое значение антипословицы прозрачно лишь для специалистов данной сферы, а для неспециалистов это значение непрозрачно.

Итак, проведенное исследование свидетельствует о том, что заимствованная английская терминология IT всё больше проникает в русский язык, что находит свое отражение как в устной профессиональной и непрофессиональной речи, так и в письменной форме языка.

Таким образом, изучение пословиц и поговорок остается актуальным для лингвистов в силу различных экстра- и интралингвистических факторов, отражающих культурные и лингвистические реалии того или иного языка. При этом трансформации поговорок и пословиц, обуславливающие появление антипословиц, обнаруживают некоторые особенности, позволяющие считать новые паремии проявлением языковой интерференции, как в случае замены русских лексических единиц общенародного языка на английские заимствованные термины IT в рамках традиционных пословиц и поговорок.

Подобные изменения в традиционных русских пословицах и поговорках, а также появление профессиональных частушек [Ефремова, 2018] могут

свидетельствовать о формировании современного профессионального неофольклора.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. – М.: ООО Изд-во Элпис, 2008. – 272 с.
2. *Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н.* Фразеология и паремиология: уч. пос. для бакалавр. ур. фил. обр. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. – 576 с.
4. *Ефремова Л.С.* О функционировании терминологических единиц сферы информационных технологий в лимериках и частушках (на материале английского и русского языков) // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам XIX междунар. науч.-практ. конф. Москва, 15 октября – 25 ноября 2018 г. – М.: Изд. МЦНО, 2018. – № 8 (19). – С. 136–145.
5. *Мокиенко В.М.* Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
6. *Мухарлямова Л.Р.* Лингвокультурологическое поле времени в паремиях русского языка (в зеркале паремий татарского и английского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 25 с.
7. *Никитина Т. Г.* Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 87–89.
8. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка: уч. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е., изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 160 с.
9. *Mieder Wolfgang.* Antisprichwörter. 1. Vol. – Wiesbaden, 1982.
10. *Mieder Wolfgang.* Antisprichwörter. 2. Vol. – Wiesbaden, 1985.
11. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement I (1800–1981). – New York & London: Garland, 1990 (3000 entries).
12. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement II (1982–1991). – New York & London: Garland, 1993 (more than 1500 additional items).
13. *Mieder Wolfgang.* International Proverb Scholarship: An Annotated Bibliography. Supplement III (1990–2000). – New York; Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt / M.; Oxford-Wien, 2001.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ, СОЗДАННЫЕ НА БАЗЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Е.А. Жданова (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
e-a-zhdanova@inbox.ru

Аннотация: Анализируются новые производные от антропонимов — фамилий известных политиков и государственных деятелей. Выявляются продуктивные словообразовательные способы и средства.

Ключевые слова: производные слова, антропонимы, продуктивные способы словообразования.

Создание новых производных на базе имен собственных является характерной чертой русского словообразования новейшего времени: «отонимические экспрессивные окказионализмы <...> «обладают свойством «сгущения» смыслов и стилистической полифункциональностью <...>. Их образование и актуализация в массовой коммуникации свидетельствует о вовлеченности в словопроизводство ключевых слов эпохи (к которым относятся имена известных людей), об отношении коммуникантов к лицам, фактам и событиям общественной жизни» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2015, с. 37]. Русский язык рубежа XX—XXI веков активно пополняется новыми отантропонимическими производными: например, в словаре новой лексики «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее — НСЗ-90) находим такие новообразования, как *лужковцы*, *руцкист*, *чубайсовщина* и под. В частности, в НСЗ-90 (и в некоторых других источниках) широко представлены новые производные имена существительные, образованные от фамилий ключевых политических или общественных деятелей (Е. Гайдар, М. Горбачев, Б. Ельцин, В. Путин, А. Чубайс и др.) (так называемые «деонимы» (И.Т. Вепрева)): «политическая сфера остается областью, приносящей в русский язык наибольшее количество новых слов, актуализирующих болевые точки текущего момента» [Вепрева, 2018, с. 16]. Особый интерес представляют те имена лиц, которые стали мотивирующими для целого ряда словообразовательных неологизмов.

Фамилия первого президента СССР М.С. Горбачева стала производящей базой для таких новаций, как *горбачевизм*; *горбачевщина*; *горбачевец*; а также для производных прилагательных *горбачевский*; *догорбачевский*; *антигорбачевский* и т. п. В НСЗ-90 фиксируются и описываются новые сложные слова с начальной частью *горбо(а)- /горби-:* *горбостройка* и *горбастройка* (о перестройке (осуществляемых в СССР с середины 1980-х гг. изменениях в политической, хозяйственной и социальной сферах), провозглашенной на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачевым); *горбимания* и *горбомания* (увлечение государственной и политической деятельностью

М.С. Горбачева, его личностью (в Европе и США)); *горби-фонд* и др. Любопытно отметить, что образования *горбимания* или *горби-бум*, а также уменьшительная форма *горби...* описываются авторами НСЗ-90 как заимствования из английского (*Gorby boom, Gorbymania*). Наличие лексикографической фиксации у подобных производных свидетельствует об их высокой актуальности в 90-е годы XX века, обусловленной экстралингвистическими факторами, о востребованности подобных номинаций говорящими, а также о гибкости словообразовательной системы русского языка. Однако материалы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [НКРЯ: электронный ресурс] весьма скромно отражают данные новации: так, на запрос *горбачевизм* был найден только один документ, в котором используется данное новообразование — *Горбачевизм, имея скрытую тягу к нему, соединил в себе пошлость, карикатурность и неблагодарность хрущевизма и брежневизма* (А. Зиновьев, *Русская судьба, исповедь отщепенца*, 1988–1998); на запрос *горбачевщина* обнаруживается только два контекста, например: *Первым был Алексей Михайлович. Мы пережили ленинизм, сталинизм, хрущевщину, горбачевщину. Живем при ельцинизме, гайдаризации, хасбулатовщине*» (Н. Богословский, *Заметки на полях шляпы*, 1997). Любопытно, что в анализируемые новообразования оказываются в ряду других отантропонимических производных.

Фамилии других руководителей государства также оказываются вершинами словообразовательных гнезд. Так, в НСЗ-90 описано более 20 слов, восходящих к антропониму *Ельцин*: *ельцинисты, ельцинцы, ельцинский, ельцинщина, антиельцинизм, проельцинский* и др. Большая часть производных — это имена существительные, называющие, во-первых, сторонников или противников Б.Н. Ельцина и проводимой им политики: *ельцинисты* (а также производное *ельцинистка*), *ельцинцы, ельциноиды*, а также *ельцинат*, с одной стороны, и *антиельцинец, антиельцинист* — с другой; во-вторых, политику, в том числе экономическую, проводимую Б.Н. Ельциным: *ельцинизм и ельцинизация, ельциномика, ельцинщина* — и противопоставляемый ей *антиельцинизм*. Новообразование *ельцингейт* обозначает «политический скандал». Таким образом, по данным НСЗ-90 можно говорить о сформировавшемся широко развернутом словообразовательной гнезде с вершиной - *ельцин-*

В базе данных основного подкорпуса НКРЯ данные производные также фиксируются: например, на запрос *ельцинизм* было получено 16 контекстов: *«Сейчас, после завершения «ельцинизма», ситуация стабилизировалась и пришло время критически осмыслить, что же мы приобрели и что потеряли»* (Рецензии (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.01.15); на запрос *ельцинист* найдено 12 документов. Эти результаты, очевидно, свидетельствуют о широкой употребительности неологизмов и вхождении их в язык.

Новые производные оказываются в синонимических или антонимических отношениях между собой. При этом наличие зафиксированных в НСЗ-90 синонимов-дублетов *ельцинец — ельцинист* и *антиельцинец — антиельцинист* свидетельствует о поиске говорящими наиболее подходящей номи-

нации. Данные НКРЯ показывают, что производное *ельцинист* гораздо чаще новообразования *ельцинец*: в первом случае зафиксировано 12 документов, а во втором — только один. Ср.: «Уж очень разношерстная собралась в Кремле компания: искушенные в интригах и знающие, что где лежит, **ельциницы** и стремящиеся расчистить себе дорогу питерцы, в свою очередь, подразделяющиеся на силовиков и иных выходцев из «северной столицы» (Г. Титова, Мастер подкованных единоборств (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.10).

Ярко выраженной отрицательной оценкой обладает производное *ельциноид* (дается в НСЗ-90 с пометой «презрительное»). «Пейоративные окказионализмы, образованные от т. н. «ключевых онимов эпохи» с помощью суффиксоидов, типичных для научной терминологии, обладают способностью интенсивно воздействовать на восприятие медийных текстов, вызывая у их реципиентов острые негативные интеллектуальные и эмоциональные реакции. Кроме яркой выразительности и отрицательной оценочности, эти не-одериваты несут богатую социально-культурную информацию об общественно-политической обстановке» [Коряковцева, 2016, с. 119]. В НКРЯ новообразование *ельциноид* не фиксируется, хотя на запрос «ельциноид» на поисковом сайте Яндекс выдается 33 тыс. результатов Ср.: «Но "эпоха" **ельциноидов**, разрушителей и откровенных воров прошла. Россия <...> стала постепенно втягиваться в общемировые интеграционные процессы» [politclub: livejournal: электронный ресурс].

Интерес представляют новообразования *ельциномика* и *ельцингейт*, образованные с помощью недавно вошедших в русский язык формантов -*номик*(а) и -*гейт* соответственно. Новообразование *ельциномика* можно рассматривать и как образованное путем контаминации: *Ельцин* + *экономика*. Однако исследователи, в частности Е.И. Коряковцева, считают, что в русском языке новейшего периода оформился новый суффиксированный формант -(о)*номик*(а): «в поисках оригинальных экспрессивных словообразовательных средств лингвокреативные <...> журналисты создали терминоидный суффиксоид -*номик*(а)» [Коряковцева, 2016, с. 117].

В НСЗ-90 описано производное *ельцингейт*. «Словообразовательная продуктивность нового интернационального суффиксоида, ставшего своеобразным языковым маркером медиального скандала, обусловлена прежде всего факторами социокультурного характера, а именно ростом популярности негативной, разоблачительной информации, передаваемой постсоциалистическими СМИ» [Коряковцева, 2016, с. 44]. Надо отметить, что в нашей выборке встретились и другие производные с элементов -*гейт* — в НСЗ-90 фиксируется *янаевгейт* (политический скандал вокруг выборов Г.И. Янаева в вице-президенты СССР (1991 г.)); в текстах современных СМИ встретилось новообразование *Слуцкий-гейт* и др.

Производные, образованные от фамилии *Путин*, также фиксируются и в НСЗ-90, и в НКРЯ. Ожидаемо, что в словаре-справочнике, освещающем лексические новации 90-х годов, подобных новообразований будет немного, однако показательно, что они фиксируются в этом источнике. Это демон-

стрирует гибкость словообразовательной системы русского языка, быстро реагирующей на социальные запросы. В НСЗ-90 находим такие производные, как *путинизм*, *путинисты*, *путинский*, *путинцы*, а также *пропутински*, *пропутинский*. В НКРЯ, естественно, фиксируется значительно большее количество слов, мотивированных данным антропонимом.

Так же, как в производных от фамилии *Ельцин*, среди новообразований с вершиной *-путин-* преобладают имена существительные: *путинцы*, *путиноид*, *антипутинец*; *путинизм*, *путинщина*, *путинизация* и др. Наблюдаются дублетные номинации: *путинцы* — *путинисты*. Данные НКРЯ показывают, что более частотным является производное с суффиксом *-ец* — фиксируется 14 вхождений с новообразованием *путинец*. Ср.: «Когда он был опубликован, меня обвинили в антиамериканизме, называли **путинцем**, который чуть ли не состоит на жалованье у президента России» (Г. Хабаров, Смесь французского с красноярским (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.07), в то время как на запрос *путинист* НКРЯ дает только одно вхождение.

Анализ неоминаций от данных антропонимов в большинстве случаев показывает тождественность используемых моделей: это не только «стандартные» производные типа *горбачевизм* — *ельцинизм* — *путинизм*; *ельцинисты* — *путинисты*; *антиельцинский* — *антипутинский*, а также *ельцинизация* — *путинизация*, *горбачевщина* — *ельцинщина* — *путинщина*, но и производные, созданные по моделям, которые стали широко востребованы в языке новейшего периода: *ельциноид* — *путиноид*, *проельцинский* — *пропутинский* (также *проельцински* — *пропутински*); *ельциномика* — *путиномика* (последнее новообразование не фиксируется в НСЗ-90 и НКРЯ, но широко представлено по данным поисковой сети Яндекс).

Не только имена первых лиц государства являются базой для новых производных. Большое количество производных образовано, например, от фамилий *Гайдар* и *Чубайс*: *гайдаризация*, *гайдаризм*, *гайдаристы*, *гайдаровцы*, *гайдаровщина*, *гайдарономика*, *гайдарята*; *антигайдаровский*, *гайдаровский*, *гайдаровско-чубайсовский*, *обгайдарить* и др.; *чубайсер* (о ваучере), *чубайсизация*, *чубайсята* и др. Очевидна негативная коннотация, присущая ряду производных, что наглядно свидетельствует о том, как в обществе (или некоторой его части) относятся к проводившейся политике, преобразованиям. Можно говорить, что язык является непредвзятым и объективным выразителем общественного мнения.

В сферу русского словообразования оказываются вовлеченными и имена собственные зарубежных политиков или публичных лиц — большое число производных от них обнаруживается в современных текстах. Так, от фамилии официального представителя государственного департамента США Дж. Псаки был образован целый ряд новообразований — экспрессивных окказионализмов с яркой негативной оценочностью (особенно актуальных в 2014–2015 гг.): *псакнуть*; *псаковать*; *псакая псакчина*; *псайкеры*; *псакинг*; *Псакерезада* и др. От антропонима *Трамп* было образовано более 50 производных единиц (см. подробнее в [Вепрева, 2018, с. 16–19]).

Не только имена современных политиков и общественных деятелей оказываются базов для конструирования новаций. В сети Интернет встретилось интересное новообразование *сталинтинка*, созданное в результате контаминации от фамилии *Сталин* + *валентинка*.

Словообразовательный механизм русского языка чутко реагирует на коммуникационные потребности говорящих, позволяет создавать новые номинации, реализовать языковую игру или речевую агрессию. При конструировании новых слов используются самые разнообразные способы — суффиксация, префиксация, словосложение, в том числе контаминация, а также графодеривация. Востребованными оказываются продуктивные в русском языке новейшего периода префиксы *анти-* и *про-* (*антиельцинист*, *проельцински*), суффиксы существительных *-ец*, *-ист*, *-оид*, *-к(а)*; *-изм*, *-изаци(я)*, *-цин(а)*; суффиксоид *-гейт*, суффиксы прилагательных *-н(ый)*, *-ск(ий)*.

Анализ НСЗ-90 и других источников показывает, что «отонимическое словообразование обладает широкими словопорождающими возможностями, реализующимися в дериватах различной частеречной принадлежности» [Шеляковская, Эглит 1997, с. 61]. «Деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей», а в «неономинациях отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации» [Коряковцева, 2016, с. 9, 13].

Литература

1. *Вепрева И.Т.* Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: Тезисы докладов международной научной конференции (14–16 марта 2018 г.). – М.: Азбуковник, 2018. – С. 16–19.
2. *Коряковцева Е.И.* Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). – Siedlce, 2016. – 152 с.
3. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>
4. *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века:* В 3 т. – СПб., 2009–2015.
5. *Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В.* Специфика современного медийного словотворчества. – М., 2015. – 136 с.
6. *Шеляковская Л.А., Эглит Л.В.* Неологизмы в структуре словообразовательных гнезд с исходным именем собственным (на материале словарей-справочников по русской неологии) // Новые слова и словари новых слов / под ред. Е.А. Левашова. – СПб., 1997. – С. 61–66.
7. *POLITCLUB: LIVEJOURNAL.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://politclub.livejournal.com/5926387.html>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТНОГО ИНФИНИТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

С.А. Жиркова (Воронеж)

Е.Н. Карайель (Воронеж)

Воронежский государственный университет

voronejcrif@yahoo.fr

Аннотация: Статья посвящена описанию синтаксической функции французского объективного инфинитива и условий его функционирования в предложениях типа *Il lui a demandé de parler plus haut, Il voit sa fille sortir*. На основе семантико-функционального подхода к изучению синтаксических явлений функция объектного инфинитива определяется как второстепенное сказуемое. В статье описываются лексико-семантические ограничения функционирования предложений, содержащих второстепенное сказуемое.

Ключевые слова: объектный инфинитив, семантико-функциональный подход, второстепенное инфинитивное сказуемое.

Неличные формы глагола издавна привлекали внимание лингвистов в связи с неоднозначностью их природы и, соответственно, характеристик. Настоящая статья посвящена изучению свойств такого явления французского языка как объектный инфинитив. Актуальность исследования состоит в необходимости уточнения синтаксической и семантической интерпретации объектного инфинитива.

В трудах, посвящённых изучению неличных форм, в частности инфинитива, лингвистами часто отмечается, что они представляют собой особое образование. Например, во французском языке синтаксические функции инфинитива рассматриваются в зависимости от двойственной природы инфинитива, который, по мнению ученых, несет в себе свойства как существительного, так и глагола [Гак, 2004, с. 385]. Так, согласно Е.А. Рощупкиной, подобно существительному, инфинитив выполняет функции: подлежащего (*Devenir artiste c'est mon rêve. Partir, c'est mourir un peu*); именной части сказуемого (*Mon désir est de voyager. Ton devoir est de bien travailler*); прямого дополнения (*Je pense partir demain. J'espère vous voir. Nous devons travailler*); косвенного дополнения (*Il contest à vous aider. Je regrette d'être venu*); определения (*Nous avons acheté une machine à laver*); обстоятельства (причины, цели, условия, следствия, образа действия). Сближаясь с глагольной формой, инфинитив выполняет функцию сказуемого, в основном, в вопросительных и повелительных предложениях: *Que faire? Où aller? Ne pas toucher! Voir page 5* и т.д. [Рощупкина, 1990, с. 166–168].

Использование инфинитива всегда связано с усложнением семантической структуры предложения, выражением свёрнутой передачи предикативных отношений. Несмотря на наличие работ, посвящённых неличным формам глагола, не до конца изученными остаются вопросы их синтаксической квалификации, «которая обычно определяется как вторичная, второстепенная, зависимая предикация, полипредикативность, свёрнутый, нематричный

предикат либо как синоним придаточных предложений» [Алексеева, 2016, с. 5].

В связи с этим, цель статьи заключается в описании синтаксической функции объектного инфинитива и условий его функционирования во французских предложениях типа *Il lui a demandé de parler plus haut* (Он его попросил говорить громче), *Il voit sa fille sortir* (букв. Он увидел свою дочь выходить). Для достижения поставленной цели мы в своем исследовании опираемся на семантико-функциональный подход к изучению синтаксических явлений, учитывающий содержательный, номинативный потенциал предложения, предложенный А.М. Ломовым [Ломов, 1994] для русского языка и развитый Е.А. Алексеевой применительно к французскому языку в сфере типологии простого предложения [Алексеева, 2011; Алексеева, 2015] и классификации сказуемого [Алексеева, 2017]. Для нашего исследования значимой является упомянутая классификация сказуемого, представляющая собой иерархически организованную систему, в основе которой лежат такие понятия как второе и второстепенное сказуемое. Так, по утверждению Е.А. Алексеевой, второе сказуемое вводит добавочный предикативный признак, который одновременно относится и к подлежащему предложения и к основному сказуемому. Как правило, второе сказуемое употребляется в комплексе с первым, которое представляет собой активно-процессное сказуемое, отражает динамику человеческого бытия и выражено личной формой глагола. Второе сказуемое не меняет значение основного сказуемого, но дополняет и углубляет его [Алексеева 2017, с. 44–48]. Исследователь выделяет такие типы второго сказуемого как: второе предметное сказуемое, которое существует в двух вариантах: второе отождествительно-предметное сказуемое, второе реляционно-предметное сказуемое; второе признаковое сказуемое; второе процессное сказуемое, представленное в следующих вариантах: второе деепричастное сказуемое, второе причастное сказуемое, второе инфинитивное сказуемое [Там же].

Что касается второстепенного сказуемого, оно, по мнению Е.А. Алексеевой, относится к синтаксическим явлениям, пониженным в ранге по сравнению с уровнем второго сказуемого. Это связано с тем, что оно представляет предикативный признак, который относится не к тому же подлежащему, что и основное сказуемое, а к предмету, который формально является объектом в предложении, а содержательно – предметом, к которому относится этот признак. То есть, данный предмет выполняет роль своего рода «аналога» подлежащего для второстепенного сказуемого [Алексеева, 2017, с. 55-57]. Второстепенное сказуемое представлено следующими типами: второстепенное предметное сказуемое, второстепенное признаковое сказуемое; второстепенное процессное сказуемое, представленное следующим рядом вариантов: второстепенное деепричастное сказуемое, второстепенное причастное сказуемое, второстепенное инфинитивное сказуемое. Как видно из приведенной семантико-функциональной классификации сказуемого, инфинитив во французском языке может выступать в качестве второго или второстепенного сказуемого. Некоторые аспекты функционирования инфинитива в отмечен-

ных синтаксических функциях описаны в работах О.В. Борисова [Борисов, 2018], В.В Макаренко [Макаренко, 2017], А.В. Щербаковой [Щербакова, 2017].

Опираясь на данную классификацию, мы обнаруживаем, что объектный инфинитив в интересующих нас предложениях выполняет синтаксическую функцию второстепенного инфинитивного сказуемого. С содержательной точки зрения в конструкциях, содержащих второстепенное инфинитивное сказуемое, имеет место перекрещивание двух пропозиций: базисной, представленной основным предикативным ядром (подлежащее и основное сказуемое), и небазисной, репрезентированной «пониженным в ранге» предикативным ядром, субъект которого формально представлен дополнением, а предикат – инфинитивом.

Условия функционирования предложений, содержащих второстепенное инфинитивное сказуемое, связаны с определенными ограничениями, касающимися, в частности, лексико-семантического значения глаголов, выражающих основное сказуемое, которые были нами проанализированы на материале примеров, полученных методом сплошной выборки из французских СМИ и произведений художественной литературы. Наши наблюдения показали, что использование второстепенного инфинитивного сказуемого возможно при условии, когда основное сказуемое выражено глаголами следующих лексико-семантических групп:

– **побуждение к действию**: «*Manuel Valls demande à Emmanuel Macron de clarifier sa position sur la laïcité*» [Le Figaro: электронный ресурс]; «*L'ancien premier ministre essaie de comprendre également la phrase du chef de l'État qui incite les catholiques à s'engager en politique*» [Le Figaro: электронный ресурс]; «*Le risque de "surenchère" inquiète élus et habitants. Ils pressent les autorités d'agir avant un "mort" ou une "balle perdue"*» [L'OBS: электронный ресурс]; «*Ne me pousse pas à bout, ne me force pas à te dire des choses que je regretterais ensuite*» [Zola, 1881, с. 244]; «*Elle se rappelait avec quelle insistance Eugène leur avait dit de se défier d'Aristide*» [Zola, 1879, с. 113];

– **запрещение действия**: «*Elle disait ses craintes avec l'effroi d'une écolière qui rencontre une amie que sa mère lui a défendu de fréquenter*» [Zola, 1879, с. 217];

– **движение**: «*Aux beaux jours avec la permission des propriétaires, j'amenaï les enfants se détendre après 15h dans un de ces prés.*» [L'OBS: электронный ресурс];

– **отношение субъекта к действию другого субъекта**: «*Les Palestiniens accusent les soldats israéliens d'avoir tiré sur des manifestants qui ne représentaient aucun danger immédiat*» [L'OBS: электронный ресурс];

– **восприятие**: «*Mergy sentit une violente colère se glisser dans son cœur*» [Zola, 1903, с. 121], в том числе слуховое восприятие: «*Des rumeurs font état d'une possible transaction entre Majda et Tariq Ramadan, contre son silence. Dans une bande sonore qui circule encore sur le web, on entend ce dernier lui parler durement*» [L'OBS: электронный ресурс] и зрительное восприятие: «*On a vu la CGT travailler avec des sénateurs communistes, insoumis et même*

socialistes pour multiplier les amendements", relève Rémi Bourguignon : "Derrière un effet d'affichage, elle a travaillé au compromis» [L'OBS: электронный ресурс].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что семантико-функциональный подход дает необходимый инструментарий и открывает перспективы для комплексного и многоаспектного исследования свойств французского инфинитива.

Литература

1. Алексеева Е. А. О предикативном потенциале прилагательного / Е.А. Алексеева // Грамматика разноструктурных языков: Сб. статей к юбилею проф. В. Ю. Копрова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 42–50.

2. Алексеева Е.А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка) // Романистика в современном мире: традиции и новации. – Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 329–335.

3. Алексеева Е. А. Синтаксический статус и семантические свойства неличных форм глагола в свете семантико-функционального подхода: учеб.пособие. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – 86 с.

4. Алексеева Е.А. Природа сказуемого: грамматика vs семантика: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 221 с.

5. Борисов О.В. Модели второго инфинитивного сказуемого во французском языке // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 27 декабря 2017 г.: в 2 частях. Часть 2. – Вологда: ООО «Маркер», 2018. – С. 32–35.

6. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет. – 2014. – 832 с.

7. Ломов А. М. Типология русского предложения. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 280 с.

8. Макаренко В.В. Лексико-семантические условия функционирования французского инфинитив // Романское культурное и языковое наследие: история и современность: материалы Международной научной конференции 21-22 июня 2016 г. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 315–321.

9. Рошупкина Е.А. Краткий справочник по грамматике французского языка. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 166–168.

10. Щербакова А.В., Козюра Т.Н. Роль глаголов восприятия в формировании второстепенной предикации // Философские науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11–7 (77). – С. 180–184.

11. Le Figaro. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lefigaro.fr/>

12. L'OBS. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nouvelobs.com/>

13. Zola É. Nana / Émile. Zola. – Paris : G. Charpentier, 1881. – 524 с.

14. Zola É. La fortune des Rougon. – Paris : Bibliothèque-Charpentier, 1879. – 385 с.

15. Zola É. Vérité: Les quatre évangiles. – Paris : Gil Blas, 1903. – 751 с.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «ROT / КРАСНЫЙ (ЦВЕТ)»

Ю.Н. Зинцова (Нижний Новгород)

Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
zintsova@mail.ru

Аннотация: В статье описываются результаты исследования имен прилагательных немецкого языка, содержащих в своей семантической структуре сему «rot/ красный (цвет)». Выделенные единицы анализируются с позиций семантики и словообразовательных моделей.

Ключевые слова: имя прилагательное, цветообозначение, сема, семантическая структура, словообразовательная модель.

Несмотря на относительную малочисленность и достаточную изученность группы цветообозначений, интерес к проблемам их исследований только возрастает. Это обусловлено несколькими объективными причинами. Во-первых, с позиции лингвистического анализа интересно описывать те лексические группы, которые представимы как системы [Фрумкина, 1984, с. 18]. При достаточно строгом подходе к определению понятия «системно организованное множество объектов» по-настоящему структурированными оказываются, как правило, множества слов и словосочетаний, выделенные по «семантическому» принципу, а именно по тому фрагменту действительности, которые они описывают. Система цветоименований является типичным примером такого множества. Во-вторых, цветообозначения без преувеличения можно считать наиболее популярным объектом исследования для специалистов разных областей знаний – психологов, филологов, психо- и этнолингвистов, этнографов, антропологов, физиологов, и др., т.к. цвет как разноплановое явление рассматривается разными науками о человеке [Василевич, 2005, с.4]. Интерес к этой группе слов со стороны лингвистов связан, главным образом, с изучением процессов отражения цветовых ощущений в языке.

Самое сильное эмоциональное воздействие оказывает на психику человека красный цвет. Он обладает самой разнообразной символикой и богатым спектром ассоциаций, связанных с ним: свежесть, жизнеутверждающее начало, чувственность, страсть, возбуждение, призыв, бунт, мятеж, восстание, война, борьба, опасность, угроза для жизни. Задачей настоящего исследования является изучение разнообразных коннотаций, вызываемых ассоциация-

ми с красным цветом, и их репрезентации в семантике лексических единиц немецкого языка.

Главным фактором, определяющим особенности цветоименований, считается их «возраст». Чем раньше слово появилось в языке, тем выше частотность и шире спектр употребления, меньше ограничений в формальном употреблении и тем более развита его семантическая структура. *Rot / красный* – одно из самых древних цветоименований, оно прочно закрепилось в немецком языке с VIII века. *Rot* употребляется как в прямом значении, так и в переносном, в равной степени служит для обозначения цвета природных объектов и искусственно созданных предметов (артефактов), часто используется в составе имён собственных и фразеологизмов [Kaufmann, 2006, с. 151].

Рассмотрение семантической структуры имен прилагательных-цветообозначений с семой «красный», осуществляемое путем компонентного анализа и анализа словарных дефиниций, позволяет определить семы и детерминативные признаки, заложенные в основе семантики изучаемых цветообозначений и выявить механизмы их образования.

Начальным этапом исследования является анализ семантической структуры ключевой лексемы, репрезентирующей данную группу цветоименований. В лексикографических источниках представлены следующие значения имени прилагательного *rot*: 1. *von der Farbe des Blutes*; 2. (*Politik*) *zur Linken gehörend (kommunistisch, sozialistisch, sozialdemokratisch, marxistisch)*; 3. *von der ziemlich dunklen Farbe, die ein Körperteil hat, wenn viel Blut darin fließt*; 4. (*Haare*) *von dunkelgelber und leicht rötlicher Farbe* [Duden, 2001; Langenscheidt, 1998, с. 818].

Далее были проанализированы лексемы современного немецкого языка, содержащие сему «rot / красный (цвет)». Данную сему содержат в качестве интегральной следующие имена прилагательные: *rotblond, rotbraun, rotbräunlich, rötelfarben, rotgelb, rötlich, rötlichbraun / braunrötlich, rotorange, rötlichfalsch, rötlichgrau, rötlichlila, rötlichocker, rotschwarz, rotviolett, rotweinfarben, rübenrot, rubinfarben, rostbraun / rostig / rostrot, rosinfarben* (всего 22 лексические единицы) [Дуден, 2001; Вашунин, 2013].

Анализ семантической структуры этих прилагательных позволяет выявить, что детерминативными признаками, служащими образованию большинства из них являются, в основном, обозначения цвета (а именно сочетания красного цвета с другими цветами) (см. таблицу 1):

Таблица 1

Анализ семантической структуры имен прилагательных-цветообозначений со значением «красный + другой цвет»

Цвет	Значение	Сема, детерминативный признак
rotbraun	красный темный, рыжий, красный, бурый	цветовой тон, сочетание цветов

rotgelb	красно-желтый	цветовой тон, сочетание цветов
rotorange	красно-оранжевый	цветовой тон, сочетание цветов
rotblond	светло-рыжий, рыжеватый, золотистый	цветовой тон, сочетание цветов (о волосах)
rotschwarz	черный с красным оттенком	цветовой тон, сочетание цветов
rotviolett	красно-фиолетовый	цветовой тон, сочетание цветов

В данную группу лексем-цветообозначений включаются также имена прилагательные, у которых признак цвета ослаблен. На уровне словообразовательной структуры это выражается при помощи суффикса *-lich* (*-ватый, -ватый*). Анализ данных имен прилагательных представлен в таблице 2:

Таблица 2

Анализ семантической структуры имен прилагательных-цветообозначений со значением ослабления признака цвета

Цвет	Значение	Сема, детерминативный признак
rötlich	красноватый; рыжеватый	ослабление тона
rötlichgrau	красновато-серый	ослабление тона, сочетание цветов
rötlichlila	розовато-лиловый, красновато-лиловый	ослабление тона, сочетание цветов
rötlichbraun / braunrötlich	красновато-коричневый	ослабление тона, сочетание цветов
rotbräunlich	буровато-красный; рыжеватый	ослабление тона, сочетание цветов
rötlichfalb	бледно-розовый	ослабление тона

Следующую группу цветоименований с компонентом «*rot / красный (цвет)*» формируют сложные детерминативные прилагательные-цветообозначения немецкого языка, построенные по модели «имя существительное + прилагательное-цветообозначение». В семантическом плане – это прилагательные-цветообозначения сравнительного типа, которые трансформируются в модель «прилагательное-цветообозначение *wie* (как) имя существительное», например: *weinrot* → *rot wie Wein*. Иногда при образовании добавляется элемент *-farben* «цвета». Такие лексеммы приведены в таблице 3:

Анализ семантической структуры детерминативных имен
прилагательных-цветообозначений

Цвет	Значение	Сема, детерминативный признак
weinrot	бордовый, красный цвет (с голубоватым оттенком)	Farbe des Rotweines (Wein aus roten od. blauen Trauben) (цвета красного вина)
rotweinfarben	винный красный	Farbe des Rotweins (цвета красного вина)
rübenrot	свекольный, свекольно-красный	Farbe der roten Rübe (Pflanze mit rotem Fleisch) (цвета свеклы)
rubinfarben	рубиновый, рубиново-красный	Farbe des Rubins (rotes Edelsteins) (цвета рубина)
rostbraun / rostig / rostrot	коричневатый, красно-бурый	Farbe des Rostes (rotbraune Schicht aus Eisenoxyd auf Eisen) (цвета ржавчины)
rosinfarben	темно-красный, пурпурный, пурпуровый	Farbe der Rosine (getrockneter Weinbeere) (цвета изюма из красного винограда)
rötlichocker	красновато-охристый	Farbe des Ockers (gelbbraune Malerfarbe) (цвета охры), (ослабление тона)
rötelfarben	коричневато-красный	die Farbe von Roteisenstein und Ton oder Kreide bestehender bräunlichroter Farbstoff (цвета гематита, минерала, оксида железа) (ослабление тона)

Механизм образования группы имен прилагательных-цветообозначений с компонентом «*rot / красный (цвет)*» осуществляется, таким образом, по трем основным моделям: 1) «имя прилагательное + имя прилагательное» («красный цвет + какой-либо цвет спектра»), например, *rotorange, rotviolett*; 2) «имя прилагательное + имя прилагательное + суффикс – *lich*» («красный цвет + какой-либо цвет спектра + суффикс с оттенком ослабления цвета»), например, *rotbräunlich, rötlichlila*, и 3) «имя существительное + имя прилагательное» («красный цвет + цвет какого-либо предмета красного или близкого к красному цвета» / «какой-либо предмет красного цвета»), например, *rostrot, rübenrot*. В данной группе цветообозначений присутствуют в единичных случаях имена прилагательные, образованные по суффиксальной модели, например: *rötlich*, или с компонентом *-farben*: *rubinfarben, rotweinfarben*.

Литература

1. *Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык* / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – М.: Издательство Март, 1998. – 1248 с.
2. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке* / Под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
3. *Немецко-русский, русско-немецкий словарь имен прилагательных-цветообозначений* / Сост. Вашунин В.С., Зинцова Ю.Н. Н.Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2013. – 219 с.
4. *Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа.* – М.: Наука, 1984. – 175 с.
5. *Kaufmann C. Zur Semantik der Farbadjektive rosa, pink und rot. Eine korpusbasierte Vergleichsuntersuchung anhand des Farbträgerkonzepts: Dissertation* / Caroline Kaufmann. – München, 2006. – 369 s.
6. *Duden Deutsches Universalwörterbuch.* – 4 Aufl. Mannheim 2001. – [CD-ROM].

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОСТИ

П.Д. Казакова, Я.Г. Баженова (Н.Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
kazakova.unn@mail.ru, bazhenova.unn@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются современные проблемы, связанные с процессом глобализации, которые в большей степени затрагивают образовательную и профессиональную сферу; поднимается вопрос о разности трактовок исследуемого явления мультилингвальности, предлагается авторское понимание мультилингвальности; перечисляются преимущества использования мультилингвального подхода в обучении иностранным языкам и выделяются доминантные признаки и характеристики данного подхода.

Ключевые слова: мультилингвальность, мультилингвизм, методика преподавания, иностранные языки, межкультурная коммуникация, культура, лингвистика.

Интенсивное развитие приоритетных направлений науки и информационных технологий в условиях глобализации оказывает влияние на современную социальную среду, которая приобретает ярко выраженный мультикультурный характер. Соприкосновение языков и культур провоцирует необходимость межкультурной и межличностной коммуникации, сотрудничества и сотворчества специалистов всего мира, в том числе интегрирование иностранного языка в структуру их профессиональной деятельности. Таким образом, уже на этапе обучения в высшей школе возникает потребность в формировании современного культурно профессионально психологически адаптированного и всесторонне развитого человека, способного эффективно вза-

имодействовать с представителями международного сообщества. Видится очевидным, что без языка и знаний о культуре страны такое взаимодействие невозможно.

В условиях интернационализации профессиональной деятельности, в свете внедрения новых информационных и коммуникативных технологий образование начинает претерпевать существенные изменения, становясь все менее консервативным, традиционным, но более динамичным, функциональным и профессионально ориентированным. Это в первую очередь касается иностранных языков, в преподавании которых применяются новые инструменты обучения, внедряются авторские методики.

Успешный результат процесса обучения иностранным языкам зависит от многих факторов.

Во-первых, следует учитывать способности студентов и направление подготовки (гуманитарная или естественнонаучная сфера). Обучение иностранному языку на естественнонаучных специальностях носит специфический характер, поскольку для наиболее эффективного освоения языка необходимо учитывать склад ума студентов, что также отражается на подходе к преподаванию иностранного языка. Так, к примеру, на химическом факультете для студентов, которые наиболее быстро и продуктивно воспринимают формулы, обучение грамматике иностранного языка ведется через формульный подход с наименьшим описательным сопровождением и последующей отработкой на материале лексики химической направленности.

Во-вторых, преподавание иностранного языка следует осуществлять не в отрыве от реальности, а в тесной с ней взаимосвязи и с прицелом на будущую профессиональную деятельность учащихся, предполагающую взаимодействие в международной культурной среде. Таким образом, межкультурный аспект обучения иностранному языку является неотъемлемой частью процесса преподавания в силу того, что успешное функционирование любой культурной системы невозможно без языка, который ее создает и обуславливает. В подтверждение данной мысли приведем высказывание одного из основоположников теории межкультурной коммуникации Э. Холла, который гласит: «Культура – это коммуникация», который послужил толчком для развития теории межкультурной коммуникации в 50–60-х годах XX в. [Hall, 1959, p. 169].

В-третьих, наиболее эффективному освоению иностранного языка способствует вводимый нами в преподавание мультилингвальный принцип, который заключается в обучении иностранному языку с помощью другого иностранного или нескольких и способствует более быстрому пониманию и восприятию нового материала. Это позволяет не тратить много времени на объяснение, а уделять больше внимания качеству освоения материала и практике языка. Иными словами, мультилингвизм в данном контексте понимается как некая система, инструмент и посредник, позволяющий людям открыть доступ к более высокому уровню культурного развития и устранить препятствия на пути к межкультурному взаимопониманию.

Необходимо уточнить, что мультилингвизм (или мультилингвальность) – это, без сомнения, проблемная область изучения для языковедов, особенно в последние 15 лет, и сложность этого явления заключается, прежде всего, в трактовке и определении термина. В лингвистической науке встречаются несколько синонимичных понятий: билингвизм, полилингвизм, плюрилингвизм, многоязычие и мультилингвизм. Одни из них действительно являются синонимами и различаются географией употребления. Так, во Франции наиболее широко используется термин плюрилингвизм, а в англоговорящих странах предпочтение отдается термину мультилингвизм. Синонимичность этих понятий подтверждается в Словаре языкознания и языковых наук Larousse (Le Dictionnaire Larousse de linguistique et des sciences du langage). Однако существуют и некоторые различия в использовании упомянутых терминов. Так, «мультилингвизм» употребляется, когда речь идет только о многоязычном социуме, народе, городе или многоязычной стране (т.е. применимо к определенной общественной группе в целом), а «плюрилингвизм» – по отношению к индивидуальной языковой характеристике личности. В России долгое время наиболее распространенной являлась приставка *поли-*, отсюда и термин «полилингвизм», но в настоящее время в языке фиксируется увеличивающееся количество заимствований, а в современной науке все большее распространение получает приставка *мульти-* – «мультилингвизм».

Более детальное рассмотрение понятий позволяет сделать вывод об их антонимичной природе и выделить существенные отличия: билингвизм и многоязычие включают в себя овладение иностранным языком, задача преподавателя, соответственно, заключается лишь в обучении языку. Мультилингвизм же представляет собой некий комплекс, доминантами которого в равной степени является язык и культура, как области обучения и освоения. Таким образом, в данной работе для характеристики языковых особенностей и языковой ситуации в современном обществе, а также в рамках образовательного процесса при обучении иностранным языкам, где речь идет не об одном студенте, а о целой группе, считается целесообразным применять термин «мультилингвальность» и синонимичный ему «мультилингвизм».

Говоря об авторском понимании мультилингвальности, данное явление предлагается трактовать как свойство современного преподавателя и как новый подход в обучении иностранным языкам, включающий определенный набор принципов и методик, и заключающийся, во-первых *в использовании сразу нескольких языков в процессе преподавания*, во-вторых, *в преподавании неязыковых дисциплин на иностранном языке*, в-третьих, *в обучении культуре через язык*.

Таким образом, важнейшим принципом современного процесса обучения ИЯ является использование преподавателем сразу нескольких языков как наиболее продуктивного способа педагогического сопровождения и развития компетенций учащихся. Наиболее эффективной стратегией межличностного общения считается переключение языковых кодов (*codeswitching*), когда участники образовательного процесса время от времени переходят с одного

языка на другой, в том числе и на родной, осознавая и сопоставляя при этом разность культур.

В результате применения данного принципа обучения у студентов формируется так называемая мультилингвальная компетенция, подразумевающая развитие у учащихся когнитивных навыков, критического и творческого мышления, межкультурного сознания, и, как итог, происходит рождение мультилингвальной личности, способной сравнивать, сопоставлять реалии, визуализировать, проводить языковые и культурные параллели, критически мыслить, делать выводы и системно воспринимать языки. Важно отметить, что именно это является отличительной характеристикой языковой компетенции мультилингва, а не лингвистические знания и умения, так как они объективно не могут быть другими при освоении второго, третьего и последующих иностранных языков.

Научный подход в изучении языков заключается в том, что в условиях взаимодействия с несколькими языками (родными и иностранными) мультилингвальная личность осознает и воспринимает языки как комплексную, цельную систему, видит схожести и различия ее элементов, понимает вариативность путей ее выражения в речи. Таким образом, языковая компетентность мультилингва предполагает владение умением сравнивать и проводить параллели между фонетическими (аспирация, палатализация, долгота, ассимиляция, редукция, латеральный и носовой взрыв), грамматическими (грамматические категории, их значения и формы), лексическими (межъязыковые синонимы, омонимы, омографы, фразеологизмы, безэквивалентная лексика), синтаксическими (порядок слов, типы и виды предложений) языковыми особенностями. Системное восприятие языков позволяет мультилингвам минимизировать отрицательный эффект интерференции и широко использовать возможности положительного переноса при освоении иностранных языков, а так же лучше понимать природу родного языка, в нашем случае русского. Более того, феномен мультилингвизма по своей социальной сути вызывает не потерю, а расширение культурной идентичности, за счет повышения рефлексивного и ценностного отношения к достижениям собственной культуры, увеличения культурного богатства и возможностей личности вступить в межкультурный диалог.

Процесс обучения с использованием мультилингвального подхода предполагает высокий уровень понимания и самостоятельности студентов в процессе обучения. Выделяя автономность, как одно из слагаемых мультилингвального обучения, видится необходимым использовать систему смешанного обучения в преподавании. Она предполагает внедрение дистанционных образовательных технологий в учебный процесс. Смешанное обучение включает в себя очное обучение в аудитории (*face-to-face classroom learning*), самостоятельное электронное обучение (*self-e-learning*) и совместное (парное или командное) обучение (*online collaborative learning*). Принимая во внимание тот факт, что изучение иностранных языков на высшей ступени образования уже напрямую связан с будущей профессиональной деятельностью студентов, данная форма обучения считается наиболее эффективной, так как

позволяет вовлекать подлинно коммуникативные ситуации в процесс преподавания (case-study), прорабатывать решение тех или иных задач в рамках деловых игр, презентаций, докладов, моделировать рабочую атмосферу и осуществлять псевдо реальную командную коммуникацию и коллаборацию (дискуссия, мозговой штурм, веб-конференция, взаимная оценка / контроль). Подобная форма организации учебной информации позволяет свободно актуализировать материал, варьировать время прохождения программы и, вместе с тем, эффективно использовать контактные часы, заложенные учебным планом на освоение дисциплины, а также сделает процесс обучения иностранному языку более результативным.

Необходимо отметить, что неотъемлемой частью мультилингвальной личности является формирование межкультурного восприятия, которое, в конечном счете, приведет к формированию сознания. Наличие такого сознания предполагает

- готовность, желание и способность обучающихся вести диалог с представителями других культур;
- способность самостоятельно действовать в различных социальных ситуациях;
- умение видеть мир сквозь призму культуры собеседника;
- способность при контактах с другими культурами по-иному подойти к своим ценностям и родному языку;
- умение прогнозировать и распознавать социокультурные проблемы, ведущие к недопониманию, созданию ложных стереотипов и кросс-культурных конфликтов;
- способность принимать на себя ответственность за устранение всевозможных кросс-культурных недопониманий;
- способность наводить «гуманитарные межкультурные мосты» между представителями разных конфессий, культур и стран.

Таким образом, в настоящее время популярность и востребованность мультилингвизма обусловлена тем, что язык стал играть более важную культурную роль: он перестал использоваться как исключительное средство коммуникации и код для передачи информации. Свобода культурного самоопределения индивида, связанная с его мультилингвизмом, расширяет его умственные возможности, делает его «гражданином мира», развивает наиболее востребованные на рынке труда компетенции, а также дает возможность корректно и адекватно воспринимать и реагировать на те культурные особенности, факты и события, которые принадлежат культурам стран изучаемого иностранного языка.

Успешная реализация принципа мультилингвальности в обучении ИЯ в контексте мировой и национальной лингвистической трансформации эпохи тотальной глобализации и академической мобильности предполагает наличие преподавателя-мультилингвиста, свободно владеющего двумя или тремя иностранными языками, способного переходить с одного языка на другой в процессе, как коммуникации, так и преподавания. Наличие такого уровня

преподавателей обеспечивает выпуск студентов, одинаково хорошо владеющих сразу несколькими иностранными языками и уверенно чувствующих себя в различных многонациональных мультикультурных группах, что способствует повышению уровня конкурентоспособности наших выпускников на мировом рынке труда. Таким образом, мы приходим к пониманию мультилингвальности, как некому комплексу, содержащему в себе определенную идею, теоретическую основу, концепцию преподавания, определяемую требованиями дисциплины, приемами, способами, ожидаемыми на выходе результатами.

Актуальность представленного исследования заключается в том, что рост потребности в специалистах, владеющих несколькими иностранными языками, а также уверенно чувствующих себя в мультикультурной среде подталкивает нас к рассмотрению и определению новой мультилингвистической методики обучения иностранным языкам, уделяющей равное внимание, как освоению иностранных языков, воспитанию культур, так и изучению межкультурных особенностей стран изучаемого языка.

Литература

1. *Hall E.* The silent language. – New York: Doubleday, 1959. – 240 p.
2. *Словарь языкознания и языковых наук Larousse.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>

NATIONAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND THE ROLE OF THE REFERENCE POINT IN THE SYSTEMATIZATION OF THE RUSSIAN CLOTHING STORES' NAMES

T.G. Klikushina (Taganrog)
Anton Chekhov Taganrog Institute
tklikushina@yandex.ru

Abstract: This article discusses the problems of systematization of the Russian clothing stores' names taking into account the role of the reference point. An attempt is made to study the Russian clothing stores' names in Taganrog. In the process of categorization, the role of the observer, i.e. the person performing the categorization becomes particularly important. There are as many national language pictures of the world as there are languages. Every person belonging to this or that ethnic group or culture classifies different objects of reality or names of these objects according to certain principles that are important for him/her or the culture they represent. Hence the importance of singling out the characteristic criteria or features meaningful for the person of this or that culture as well as his / her perception of the situation.

Keywords: national language picture of the world, categorization, reference point, anthropocentrism, lexico-thematic groups of words, lexico-semantic groups of words, systematization of the Russian clothing stores' names, opposition 'native – foreign'.

National language picture of the world, according to O.A. Kornilov, is the national-specific vision of all things that is imprinted in the vocabulary of the language. Such concepts as: logical understanding, feeling and evaluation, constitute the word vision. The concept of being means not only the real material world, but everything brought into it by human consciousness. There are as many national language pictures of the world as there are languages. We can't but agree that each of the languages reflects the unique result of the centuries-old work of collective ethnic consciousness on the understanding and categorization of human existence in the Universe. Naturally, we can judge about the uniqueness of each of the national language pictures of the world in comparison with other national language pictures of the world. In turn, the comparison involves knowledge of the compared entities, and above all – the essence with which we want to compare our own national linguistic picture of the world, perceived by each of the speakers of this language as a completely natural point of view of the world. In other words, the problem of intellectual development of the point of view of the world developed by other people in other conditions and under the influence of other factors becomes urgent [Kornilov, 2011, p. 140].

Thus, to comprehend someone else's national linguistic picture of the world means to step into a native speaker's shoes to understand his/her «point of perception of the world». And only through the lexical system to get an idea of the national mentality (national logic) and national character (emotions and means of their expression, moral priorities, etc.) [Kornilov, 2011, p. 143].

The consideration of the language as an object of study from a special angle is also associated with the recognition of the central role of a person in the processes of cognition and speech activity, i.e. anthropocentrism of the language. A lot of scientists consider that in the process of categorization, the role of the observer, i.e. the person performing the categorization, or the subject of categorization becomes particularly important. Categorization is subjective, it can be caused by individual worldview [Klikushina, 2007, p. 34].

E. S. Kubryakova emphasizes that «categorization... depends on why you're doing it» [Kubryakova, 1998, p. 11], and that «alternative ways of describing the same thing... return us to ontologically identical realities seen by people from different sides and in different aspects'» [Kubryakova, 2004, p. 17]. This reflects the anthropocentric nature of the categorization. The essence of anthropocentrism as a special principle of research is that scientific objects are studied primarily for their purpose for human activity.

The structure of the category is guided by a relatively special, observer-defined reference point, which is also called a cognitive reference point, reference point or accepted observation point [Boldyrev, 2000, p. 78; 2004, p. 29; Lakoff, 2004, p. 70]. As a point of reference may serve any characteristic feature of the subject. The reference point is the concept, or «image or conception with which actual, perceived by the sense organ characteristic feature of the real subject correlates» [Laenko, 2002, p. 367]. Interesting, in our opinion, is the interpretation of the subject of perception as a reference point [Togoeva, 2000, p. 112; Kravchenko, 2004, p. 23; Nikitin, 2005, p. 58].

Special attention in this article is drawn to the interpretation of the reference point («point of view») as a principle of classification. M.N. Pravdin emphasizes the diversity of «points of view, i.e. principles of classification» [Pravdin, 1991, p. 86]. The problem of multiple categorization of the same object has repeatedly come to the focus of researchers' attention [Sternin, 1985, p. 59]. The multiplicity of both possible reference points and resulting classes is due to the infinite set of features of real objects. The choice of the reference point depends on who and for what purpose allocates such a feature. «Features and properties are inherent in the subject objectively, but their selection, focusing the «attention» on them depends on the subject, on his/her perception, his/her practical tasks, etc.» [Gak, 1998, p. 33].

The selection of the feature is determined by the previous experience of the individual. Many researchers note that a person is characterized by a distinction between his own and someone else's vision of the situation [Stepanov, 1997, p. 472; Arutyunova, 1998, p. 17-18; Lebedeva, 2002, p.181; Kon'kova, 2002, p. 103; Kovalev, 2003, p. 114; Ovchinnikova, 2003, p. 55; Akimova, 2003, p. 8]. Yu.S. Stepanov singles out the principle of «native» and «foreign» in the light of etymology and cultural studies. Naturally, the person begins orientation in this world first of all with himself and therefore the so-called «general semantic principle of location: «I – Here – Now» is the most actual» [Stepanov, 2002, p. 242; see also: Zalevskaya, 2001, p. 88; Lakoff, 2004, p. 162]. Thus, the perception of the world by a man is conditioned by such «reference points» or such «angles of view» as «I – (for me) – here – and now» and «native – foreign». Yu.D. Apresyan suggests the concept of «personal sphere of the speaker» [Apresyan, 1995, p. 645]. In this area are included the speaker himself and all that is physically, emotionally or intellectually close to him / her: the fruits of the man's labour, his / her inherent attributes, constantly surrounding him / her objects, etc. Personal sphere of the speaker is mobile – it can include more or fewer objects depending on the situation. We consider it possible to interpret the concept of «the personal sphere of the speaker» as «native», and everything that is not included in the personal sphere of the speaker – as «foreign».

N.D. Arutyunova introduces a contrasting opposition «near – far» [Arutyunova, 1998, p. 264]. It seems that the «near», in particular, the near in time, the near in geographical space can also be attributed to the personal sphere of the speaker, and more broadly – the person in general and can be understood as «native». It is possible to interpret the relationship «native – foreign» as a reference point in the categorization. N.K. Ryabtseva introduces the third element into the binary opposition "native – foreign" – "common", the element that introduces a «spirit of transition» [Ryabtseva, 2005, p. 69].

So, talking about the Russian clothing stores' names, especially the ones in Taganrog (about 184 names), we found out that they can be categorized on different principles. The most important thing is what kind of reference point forms the basis of categorization: **1) proper and common names:** *'Tatyana', 'Danaya', 'Lyudmila', 'Nicole', 'Denny Rose', 'Gerry Weber', 'Olga', 'Antonina', 'Nicoletta', 'Elis', 'Mila Morel', 'Laura', 'Milena', 'Yuliya', 'Felicia', 'Yevgeniya', 'Milagros',*

'Tom Tailor', 'Irina', 'Gloria Jeans', 'Zolla', 'Eva stil', 'Lacroix', 'Novyi garderob', 'Blik', 'Kaleidoskop', 'Garderob', 'Podium', 'Bluzochka', 'Stsena', 'Koketka', 'Maska', 'Krasotka', 'Deva', 'Magazin zhenskoj odezhdy', 'Persona', 'Ona', 'Semya', 'Zhemchuzhina', **2) geographic/place names:** 'Neapol', 'Berlin', 'Moda Milana', 'Parizh', 'Florentsiya', 'Westland', 'Stambul', 'Babilon', 'Aleksandriya', 'Moskovskaya yarmarka', 'Valensiya', 'Marmaris', 'O'stin', **3) gender aspect:** **a) the opposition is based on the principle "founded by men or women":** 'Tom Tailor', 'Lacroix', 'Gerry Weber' – 'Gloria Jeans', 'Mila Morel', 'Denny Rose', **b) the opposition is based on the principle "meant for men or women":** Tom Tailor Boys / Tom Tailor Denim Male – Tom Tailor Girls / Tom Tailor Denim Female, **c) the opposition is based on the principle "bearing male or female names":** 'Tom Tailor' – 'Lyudmila', **4) numerals:** '100 halatov', 'Tri Troyki', 'Pervoe mesto', 'Ledi XXL', **5) opposition 'native – foreign':** 'Moskovskaya yarmarka' – 'Moda Milana'; 'Irina' – 'Pani Lena'; 'Russkij len' – 'Belorusskij trikotazh', **6) stylistic peculiarities and lexicology:** 'Conte elegant', 'Calzedonia', 'Nursace', 'Kvin', 'Nattex', 'Madonna', 'Maktub', 'El Bravo', 'SovA, shou-rum', 'Iz ruk v ruki', 'Soul & City', 'Q.S.C.', 'Status City', 'Prikid', 'Udar po tsenam', 'Mi Ledi', 'Sezon' (Сезон), 'Kutyur', 'Raitsentr', 'Caton', 'Deluxe', 'La Storya', 'Hiton', 'Bravo', 'Forte', 'I like', 'Seam', 'Modnij sezon', 'Wildberries', 'Fantasy look', 'Bog&Ira', 'Shopo.Golik', 'Modnij prigorvor', 'Flashmod', 'Ledi N', 'Evromoda', 'H&M', 'Lyu Rum', 'Moda Mix', 'Odezhnaya lavka, shou-rum', 'Lady's showroom', 'Vzryvnye tseny', 'The outlet', 'Plaza', 'Shop Pink', 'SELA', 'Vest', 'K. Moda', 'Angels', 'Enzhel Elit', 'Reserved', 'House', 'Mohito', 'United colors of Benetton', 'Viktori V.', 'B&S Shop', 'Klubnaya liniya', 'Ledi', 'Modnyj bum', 'Modnyj bazar', 'Danaya', 'Runo', 'Metelitsa', 'Darom', 'Dixie', 'Defile', 'The Sting', 'Grandis', 'Modis', **7) devoted to sports:** 'Sport klass', 'Forward', 'Ekstrim Sport', 'Aktivnaya zhizn', 'Sport City', 'Adidas', 'Sportmaster', 'Zhenskaya Liga', 'Modnaya Liga', **8) abstract notions:** 'Legenda', 'Maniya', 'Krasa', 'Vostorg', 'Iskushenie', 'Garmoniya', 'Shik', 'Intriga', 'Kompliment', 'Eksklyuziv', 'Deshevo', 'Uspeshnyj', 'Tema', 'IMIDZH', 'Ekonom', 'Filosofiya stilya', 'Festival', 'Gratsiya', 'Semejnyj stil', 'Tvoj stil', **9) flowers:** 'Kameliya', 'Zhasmin', 'Iris', 'Myata', **10) birds:** 'Kolibri', 'Pelikan', **11) worlds and planets, territories:** 'Modnyj mir', 'Mir meha', 'Tvoja territoriya', 'Planeta Odezhda Obuv', 'Globus', 'Mir odezhdy i obuvi', **12) fruit:** 'MANGO', etc.

Besides, it is a well known fact that if corpus of words based not on lexico-semantic relations, but on the basis of classification of the objects and real phenomena as they are it belongs to a thematic group. D.N. Shmelev has suggested that «groups of words distinguished on the basis of objective and logical unanimity in many cases are characterized by common linguistic signs. In other words, a lot of thematic groups turn out on closer examination to be lexico-semantic ones» [Shmelev, 1973, p. 103-104]. As such, thematic groups are the combinations of lexemes denoting definite object domains. Singling out these groups is based on extra-linguistic criteria and that is why the words of series in question have no common semantic markers. Comparing these two kinds of word combinations, F.P. Filin finds in them both general and various: «the general between thematic and lexico-semantic groups of words (LSG) lies in the fact that those and other

groups reflect known objective reality. In this sense, any lexical-semantic group of words always has its own theme. Moreover, any LSG of words is included in a particular thematic association of words, being part of it. ...The difference between these types of relations is determined by the fact that LSG is the product of laws and the laws of development of lexical semantics of the language, while the thematic groups of words... their composition depends only on: the level of knowledge of people – the creator of the language, the ability to classify the phenomena of reality that received their dictionary designations» [Filin, 1982, p. 234]. Still it is the subject of categorization that chooses the angle of view of the objects systematized by him/her.

References

1. *Kornilov O.A.* Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nyh mentalitetov: uchebnoe posobie [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities: textbook] / O.A. Kornilov. – 3-e izd. ispr. – M.: KDU, 2011. – 350 s.
2. *Klikushina T.G.* Printsipy sistematizatsii spetsial'noi leksiki (na primere russkikh i angliyskikh naimenovaniy oruzhiya): dis. ...kand. filol. Nauk [Principles of systematization of special vocabulary (on the example of Russian and English names of weapons): dis....cand. philol. sciences]. – Tambov, 2007. – 240 s.
3. *Kubryakova E.S.* O dvoyakoi suschnosti yazykovykh kategorij i novykh problem v ih izuchenii (Vstupitel'noe slovo) [On the dual nature of language categories and new problems in their study (introduction)] // *Obschie problemy stroeniya i organizatsii yazykovykh kategorij.* Mat-ly nauch. konf. 23-25 aprelya 1998 g. – M.: Izd-vo IYa RAN, 1998. – S. 7–12.
4. *Kubryakova E.S.* Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: Towards knowledge of a language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of a language in understanding the world] – M.: Izd-vo IYa RAN, Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. – 560 s.
5. *Boldyrev N.N.* Kognitivnaya semantika: kurs lektsij po anglijskoi filologii [Cognitive semantics: a Course of Lectures on English Philology] – Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2000. – 123 s.
6. *Boldyrev N.N.* Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki [Conceptual space of cognitive linguistics] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki.* – 2004. – № 1. – S. 18–36.
7. *Lakoff G.* Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What categories of language tell us about thinking] / Per. s angl. I.B. Shatunovskogo. – M.: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. – 792 s.
8. *Laenko L.V.* Otsenochnyj aspekt semantiki odoricheskikh prilagatel'nyh anglijskogo yazyka [Evaluation aspect of semantics of odouric adjectives of the English language] // *S lyubovyu k yazyku: Sb. nauch. tr. Posvyaschaetsya E.S. Kubryakovoj.* – M. – Voronezh: Izd-vo IYa RAN, VGU, 2002. – S. 366–373.

9. *Togoeva S.I.* Sovremennaya leksikografiya i novye edinitsy nominatsii: Monografiya [Modern lexicography and new units of nomination: Monograph] – Tver': Izd-vo Tver.gos. un-t, 2000. – 147 s.

10. *Kravchenko A.V.* Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoj kategorizatsii [Language and perception: Cognitive aspects of linguistic categorization] – 2-e ispravl. izd. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2004. – 206 s.

11. *Nikitin M.V.* Prostranstvo i vremya v mental'nyh mirah [Space and time in mental worlds] // Kognitivnaya lingvistika: Mental'nye osnovy i yazykovaya realizatsiya. Leksikologiya i grammatikas kognitivnoj točki zreniya: Sb. statej k yubileyu professora N.A. Kobrinovoj. – SPb: Trigon, 2005. – CH. 1. – S. 47–61.

12. *Pravdin M.N.* Problema abstraktnogo i konkretnogo v myshlenii i yazyke [The problem of the abstract and concrete in thinking and language] – M.: Vdohnovenie, 1991. – 231 s.

13. *Sternin I.A.* Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical meaning of the word in speech] – Voronezh: Izd-vo VGU, 1985. – 171 s.

14. *Gak V.G.* Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations] – M.: Shk. "Yaz. rus. kultury", 1998. – 768 s.

15. *Stepanov Yu.S.* Konstanty. Slovar' russkoj kultury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience] – M.: Shk. "Yaz. rus. kultury", 1997. – 824 s.

16. *Arutyunova N.D.* Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man] – M.: Shk. "Yaz. rus. kultury", 1998. – 874 s.

17. *Lebedeva S.V.* Sinonimy ili proksonimy? [Synonyms or proxonyms?] – Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-ta, 2002. – 202 s.

18. *Kon'kova E.N.* Leksemnyj ryad so znacheniem "svoj" [Lexeme row with the meaning "native"] // Teoriya kommunikatsii. Yazykovye znacheniya: Sb.nauch. statej. – Mn.: MGLU, 2002. – Vyp. 2. – S. 102–107.

19. *Kovalev G.F.* "Svoe" i "Chuzhoe" v svete onomastiki ["Native" and "Foreign" in the light of onomastics] // Kartiny mira i sposoby ee reprezentatsii: Nauchnye doklady konf. "Natsional'nye kartiny mira: yazyk, literatura, kul'tura, obrazovanie", 21-24 aprelya 2003g., Kursk. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2003. – 326 s.

20. *Ovchinnikova M.V.* "Svoe" i "Chuzhoe" v kontekste dialoga kul'tur ["Native" and "Foreign" in the context of the dialogue of cultures] // Chelovek. Yazyk. Kul'tura: Mezhvuz. sb. st.– Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-t, 2003. – Vyp. 3. – S. 54–59.

21. *Akimova E.* Stereotip "svoego" i "chuzhogo" v yazykovom soznanii litovtsev i russkih Litvy [The stereotype of "native" and "foreign" in the linguistic consciousness of the Lithuanians and Russians of Lithuania] // Yazykovoe soznanie: ustoyavsheesya i spornoe: Tez. dokl. XIV Mezhdunar. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Moskva, 29-31 maya 2003g. – M.: Izd-vo IYa RAN, 2003. – S. 8.

22. *Stepanov Yu.S.* Imena, predikaty, predlozheniya (semiologicheskaya grammatika) [Names, predicates, sentences (semiological grammar)] – M. Editorial URSS, 2002. – 360 s.

23. *Zalevskaya A.A.* Tekst i ego ponimanie [Text and its understanding] – Tver': Izd-vo Tver.gos. un-t, 2001. – 177 s.

24. *Apresyan Yu.D.* Izbrannye trudy. T.2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected works. Vol. 2. The integral description of language and systemic lexicography] // Tautologicheskie i kontradiktornye anomalii. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira/ Yu.D. Apresyan. – M.: Shk. "Yaz. rus. kultury", 1995. – Chast' VI. – 767 s.

25. *Ryabtseva N.K.* Yazyk i estestvennyj intellect [Language and natural intelligence] – M.: Academia, 2005. – 640 s.

26. *Shmelev D.N.* Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka) [Problems of semantic analysis of the vocabulary (on the basis of the Russian language)] – M.: Nauka, 1973. – 280 s.

27. *Filin F.P.* O leksiko-semanticheskikh gruppah slov [About lexicosemantic groups of words] // Ocherki po teorii yazykoznanija. – M.: Nauka, 1982. – S. 227–239.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКИХ АТТРИБУТОВ НЕМЕЦКОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ОТКРЫТКИ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ ЧЕЛОВЕКА

Е.А. Конева, К.А. Юдина (Курск)
Курский государственный университет
e.a.koneva@bk.ru, yudina94@bk.ru

Аннотация: В статье анализируются результаты экспериментального исследования, задачей которого было раскрытие специфики функционирования символов, изображенных на немецких рождественских открытках и обозначающих счастье, удачу и богатство, в сознании представителей немецкой нации. Результаты эксперимента позволяют сделать вывод о разной степени приверженности немцев их традициям и обычаям. Кроме того, полученные данные демонстрируют влияние определенных исторических и социальных условий на формирование индивидуального сознания.

Ключевые слова: немецкая рождественская открытка, символические атрибуты, индивидуальное сознание, экспериментальное исследование, возрастная группа, вербальная репрезентация.

Вопросы интеграции и ассимиляции культур, бесспорно, являются важными и актуальными в современном мире. Межкультурная коммуникация (взаимодействие представителей различных культур) социально и культурно обусловлена. Цель коммуникации – это достижение взаимопонимания, которое невозможно без учета социокультурных особенностей языковой личности. Очевидно, что изучение языка и культуры «способствует пониманию национального менталитета, позволяет видеть чужую культуру так, как видит ее носитель данной культуры» [Конева, Юдина, 2019, с. 49]. Примечательным является тот факт, что одним из эффективных средств изучения национального и культурного своеобразия этноса является рождественская открытка.

Рождество – это, пожалуй, самый главный праздник во всем мире. Особо ожидаемым и почитаемым данный праздник является в Германии. А неотъемлемым атрибутом Рождества является открытка.

Эстетическую функцию немецкой рождественской открытки выполняют помещенные на её лицевой стороне изображения, отражающие особенности менталитета немецкого народа, особенности его культуры и истории. При анализе данных изображений наряду с традиционными рождественскими символами, характерными для рождественских открыток во всем мире (рождественская ель – зеленая, вся в огнях, запорошенная снегом и непременно с подарками под елкой; композиция из еловых ветвей с посеребренными или позолоченными шишками, которые символизируют дары трех священных королей; снег, снежинки и сосульки; изображение зимних ландшафтов, Дед Мороз или *Weihnachtsmann*) можно отметить рождественские символы, характерные преимущественно для немецких рождественских открыток. Символические атрибуты, наиболее часто изображаемые не только на старинных, но и на современных немецких рождественских открытках, – это свинья (символ счастья, богатства и процветания в Германии), подкова, божья коровка, клевер-четырёхлистник, трубочист и мухомор (символы удачи).

Значение данных символов для индивида и для социума в целом мы решили определить посредством ассоциативного эксперимента. Используя данный метод, мы ставим в качестве задачи нашего исследования раскрытие особенностей вербальной репрезентации данных символов (образов) в ментальном лексиконе немцев.

В эксперименте приняли участие 50 человек в возрасте от 15 до 75 лет. Для удобства проведения эксперимента интервьюируемые были разбиты на три возрастные категории [Психологический словарь, 1990, с. 60] (см. Табл. 1).

Таблица 1

Участники эксперимента

	Возрастные категории	Возраст	Количество человек
1.	Юношеский возраст	15 – 21 год	12 человек
2.	Зрелый возраст	21 – 60 лет	22 человека
3.	Пожилой возраст	60 – 75 лет	16 человек

В качестве материала исследования испытуемым были предложены 5 изображений, на которых представлены различные символические атрибуты. Инструкция испытуемым была следующей: *«Напишите, пожалуйста, как можно быстрее пришедшие вам в голову слова, связанные с ключевым изображением»*.

При обработке полученных данных нами подсчитывалась сумма каждой полученной реакции, затем ассоциации ранжировались и в завершении записывались сводные данные по каждому исследуемому изображению.

1

2

3

4

5

6

На изображение №1, демонстрирующее **подкову**, было получено 48 реакций. 50% интервьюируемых из первой возрастной группы определили подкову как символ удачи, 45% из второй и 37% из третьей группы добавили, что подкова помимо символа удачи считается также и предметом, отпугивающим злых духов.

А вот **трубочист** на рождественских открытках (изображение №2) у немецкой молодежи вызвал замешательство. 50% опрошенных из первой группы не знали значения данного персонажа на рождественской открытке, у 50% трубочист ассоциировался с сажей, копотью, нагаром. 90% опрошенных из второй группы считают, что трубочист приносит удачу. По мнению 75% интервьюируемых из третьей возрастной группы, трубочист – защитник от опасностей и болезней.

На изображение №3, демонстрирующее семейство свиней, было получено также 48 реакций. Это животное у 69% интервьюируемых из всех трех возрастных групп ассоциируется как символ процветания и богатства. Это, вероятно, объясняется тем, что у германских народов свинья или кабан были святыми животными.

На картинку №4 с изображением **клевера-четырёхлистника**, который несет в себе великую силу любви, счастья, красоты и молодости и является символом невероятной удачи, было получено 40 реакций. Символичность клевера-четырёхлистника определили интервьюируемые всех трех возрастных групп (100%), связав изображение клевера с удачей и везением.

На картинках №5 и №6, в центре которых изображены **божья коровка** и **мухомор**, символизирующие удачу и достаток, было получено по 36 реакций. Данные изображения вызвали у испытуемых затруднения. Первая груп-

па не знала, что символизируют эти изображения. У второй группы они ассоциируются с детством (55%). А у третьей группы – с радостью (74%). Возможно, красный цвет отвлек внимание испытуемых от истинной символики божьей коровки и мухомора. Красный цвет в окраске мухомора означает жизнь, любовь, красоту, радость - именно то, что люди желают друг другу в поздравлениях. Божья коровка – это своего рода талисман. Чем больше черных пятен на спине насекомого, тем сильнее талисман. Так, например, два пятна символизируют внутреннюю и внешнюю гармонию, три - разум, четыре – защиту от разбойников, пять – творческую работу, шесть – образование. Божья коровка с семью пятнами приносит удачу во всем.

Результаты ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод, что суеверия не являются чуждыми для немцев, но это свойственно не в равной мере для представителей разных возрастных групп. Полученные реакции подтверждают тот факт, что немцам зрелого и пожилого возраста, т.е. поколения XX века, в отличие от поколения XXI века в большей степени свойственна приверженность традициям и обычаям, частью которых и являются суеверия и приметы. Не на все предложенные стимулы были получены реакции. Символы и образы, изображенные на немецких рождественских открытках, не равнозначно актуализируются в сознании опрошенных. Большинство немецкой молодежи (представители юношеского возраста) не имеет точного представления о символических атрибутах рождественской открытки, связанных с определенными приметами, представляющими собой феномен немецкой культуры. Это в свою очередь, на наш взгляд, свидетельствует о том, что индивидуальное сознание формируется в большей степени под влиянием определенных исторических и социальных условий.

Литература

1. *Конева Е.А., Юдина К.А.* Национально-культурная специфика немецкой рождественской открытки // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – № 1 (52). – С. 49—51.

2. *Психологический словарь* / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ ФРАГМЕНТЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОЕКТЕ

О.А. Кострова (Самара)
Самарский государственный
социально-педагогический университет
Olga_Kostrova@mail.ru

Аннотация: Профессионально-педагогический дискурс, реализуемый в проектной работе, до сих пор не был предметом специального рассмотрения. В статье систематизируются виды фрагментов такого дискурса на материале межкультурного проекта. Дискурс-анализ позволяет обобщить эти виды в соотнесении с ролями участников, их интенциями и формой реализации. Межкультурное сопоставление дискурсивных фрагментов выявляет специфику их оформления немецкими и русскими участниками, определяемую особенностями лингвокультур.

Ключевые слова: профессионально-педагогический дискурс, письменный, рефлексивный, устный, установочный, презентационный, языковая личность.

Межкультурный проект «Рильке и Россия» осуществлен в марте 2019 года на базе Самарского государственного социально-педагогического университета (далее – СГСПУ). Проект предусматривал межкультурный семинар группы студентов СГСПУ и немецких студентов педагогического института города Людвигсбург (ФРГ) и программу повышения квалификации учителей немецкого языка города Самары «Зимняя академия 2019».

Уточним понятия, составляющие основу нашей концепции. Применяемый в статье **дискурс-анализ** понимается как «система принципов изучения дискурса, его форм и составляющих (компонентов)» [Турбина, 2017, с. 47]. В качестве принципа анализа рассматриваем опору на **языковую личность**. Дискурс проявляется в двух основных формах письменной и устной, которые варьируются в зависимости от типа языковой личности. Составляющими компонентами дискурса в нашем случае считаем дискурсивные фрагменты, которые несут определенную коммуникативно-смысловую нагрузку, определенным образом структурированы и имеют характерное языковое оформление и могут рассматриваться как единицы дискурса.

Цель статьи состоит в анализе реализованных в проекте **единиц дискурса**, непосредственно связанных с межкультурной проблематикой. Проект позволил раскрыться в совместной деятельности языковым личностям, представляющим разные лингвокультуры. Логично предположить, что дискурсивные фрагменты формируются, исходя из интенций языковых личностей. Попытаемся выяснить, каковы эти интенции, как они влияют на форму и содержание дискурсивных фрагментов и какие единицы дискурса складываются в процессе межкультурной речевой деятельности.

Моделирование межкультурной коммуникации предполагает учет по меньшей мере двух видов ментальности: рационального и чувственного (ср. [Лабашук, 2004, с. 7]), представленными в проекте немецкими и русскими языковыми личностями. Благодаря воспитанию в определенной культурной среде языковая личность «усваивает принятые в ней регулятивы» [Куликова,

2011, с. 71]. Немецкие студенты и немецкий коллега-преподаватель представляют тип немецкой языковой личности студента и педагога, русские студенты и учителя немецкого языка – типы соответствующих русских языковых личностей.

В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет 3 уровня: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный [Караулов, 2010, с. 238]. В межкультурной проектной деятельности проявляются все 3 уровня. У немецкой языковой личности вербально-семантический уровень – это уровень владения родным языком, поскольку проект реализуется на немецком языке, у русской языковой личности – уровень владения иностранным языком. Лингвокогнитивный уровень отражает соответствующий «образ мира», исходя из которого строится речь, охватывая систему концептуализации и речевого развертывания (актуализации, вербализации) (ср. [Турбина 2017, с. 46]). Мотивационный уровень, отражает, по выражению Ю.Н. Караулова, прагматикон личности, включая ее цели, мотивы, установки [Караулов, там же].

Письменный дискурс представлен в специально подготовленном к семинару и «Зимней академии» сборнике материалов, содержащем сведения о биографии и творчестве Райнера Марии Рильке, его переписку с русской художественной интеллигенцией начала XX века, подборку стихов Рильке и предложения по их переводу «на простой язык», то есть упрощение структуры предложений, синонимические замены устаревших слов, альтернативные возможности для раскрытия метафорических образов. Каждый из перечисленных разделов заканчивается формулировкой заданий для участников [Rilke & Russland, 2019]. Этот вид дискурса сочетает информативные и дидактические материалы. Информативные материалы занимают доминирующее положение, а дидактические периферийное.

Анализ пособия требует отдельного рассмотрения. Отметим только моменты, проявляющие языковые личности составителей. Представляя немецкую лингвокультуру, авторы старались сделать пособие максимально удобным для восприятия (*lesefreundlich*). Рассчитывая на аудиторию, для которой немецкий язык является иностранным, они привели автоматический перевод немецких текстов и переводы стихов на русский язык, сделанные самим Рильке, и его письма на русском языке [Rilke & Russland 2019, S. 85–103; 128–138]. Рильке владел русским языком, но письма и переводы показывают его как языковую личность, для которой русский язык не был родным. В своих оригинальных письмах на немецком языке Рильке предстает как языковая личность начала XX века. Так, обращаясь к А.П. Чехову, он пишет: *...und so besitze ich die Kühnheit, mich direkt an Sie zu wenden* [Там же, S. 90].

В информативно-дидактической части авторы также выступают как носители немецкой лингвокультуры, знакомя участников проекта с жанром **радиописьма**, не типичным для русской культуры, принципами использования этого жанра в немецкой медийной педагогике, в том числе и при обучении иностранному языку в школе [Там же, S. 206].

Студенты и учителя, принимавшие участие в проекте, оставили в письменной форме свои впечатления о нем, которые могут быть причислены к **рефлексивному межкультурному** фрагменту. Рефлексивные фрагменты немецких студентов раскрывают их как языковых личностей немецкой лингвокультуры. Рациональность немецкого этноса и традиции написания аналитических текстов проявились в структурировании рефлексивных фрагментов. Например, один текст озаглавлен *Feedback* и содержит 3 раздела: *Was war gut? Anregungen / Wünsche; Danke*. В других текстах критические замечания или пожелания отделяются от положительных впечатлений чертой или выделяются графически. Характерно также формулирование впечатлений назывными предложениями в виде вертикального перечислительного ряда, в котором каждая строчка начинается с тире (1-4). Мотивационный уровень проявлялся в выражении желания ближе познакомиться с русской культурой и приобрести новый опыт (5-8). Ср.: 1) – *Die Gastfreundschaft der Russen*. 2) – *Das Thema (Rilke)*. 3) – *Sehr gute Atmosphäre*. 4) – *Inhalte des Seminars gut gewählt und durchgeführt*. 5) *Mehr Aktivitäten, wo mehr Russinnen sind, damit man sie alle kennenlernt*. 6) *Vllt. (vielleicht – O.K.) besseres Kennenlernen am Anfang durch vorstellen / Vorstellungsrunde*. 7) *Diese Exkursion war reich an neuen, positiven Erfahrungen, die mich persönlich sehr bereichert haben*. 8) *Die Zusammenarbeit mit ihnen (russischen Studis – O.K.) hat mir sehr viel Freude bereitet und mir Einblicke in die russische Kultur bzw. Mentalität gegeben*.

Анализ дискурсивных фрагментов русских участников проекта позволяет видеть в них русских языковых личностей. Все рефлексии написаны сплошным текстом, что объясняется сложившейся отечественной традицией. Тексты имеют выраженную эмоциональную окраску, содержат много восклицательных предложений, изобилуют выражениями благодарности. Мотивационный уровень направлен на обмен опытом, продолжение контактов, языковую практику с носителями языка (9, 10). Рефлексивные тексты учителей учитывают практическую направленность проекта и возможность применять медийную методiku в собственной практике (11, 12). Ср.: 9) *Wir haben Erfahrungen ausgetauscht, über unsere Kultur und Kultur Deutschlands gesprochen, neue Wörter, Phrasen und Slang*. 10) *Vielen Dank für diese Möglichkeit und...noch Mal...Herzlich willkommen!* 11) *Das ist ein schöner Impuls, diese Methodik in den Deutschunterricht einzubetten*. 12) *Außerdem war das Hörspiel eine ungewöhnliche Arbeit für mich. Ich muss sagen, man kann solche Arbeit auch in russischen Schulen und Universitäten ausprobieren*.

В устном профессиональном дискурсе дидактические фрагменты сочетаются с полилогическими и презентационными. Профессиональный дискурс ведущего преподавателя включал фрагменты постановки задач для участников проекта и итоговые фрагменты. **Установочные фрагменты** относятся к дискурсивным единицам *активного воздействия* (ср. [Соколова, 2016, с. 318–320]). Эти единицы реализовались в трех видах: одни из них нацеливали на обсуждение содержания и интерпретацию стихов Рильке с акцентом на их воздействующий потенциал; другие нацеливали аудиторию на активное слушание на заключительном этапе совместного заседания учителей и студентов

в процессе обсуждения готовых продуктов – радиопьес, подготовленных межкультурными группами студентов; третьи нацеливали студентов, подготовивших радиопьесы, критически оценить результаты своей работы, проанализировав процесс подготовки, отметив удавшиеся моменты, недостатки и пожелания. Черты немецкой языковой личности педагога можно видеть в том, что установки были направлены на «формирование эффективной интеракции» [Там же, с. 321], а именно на **развитие навыков ведения дискуссии**, что в русской языковой культуре является слабым звеном.

Профессиональный дискурс ведущего заканчивался **итоговым фрагментом**, обобщавшим компетенции, реализованные студентами при подготовке радиопьес. **Набор компетенций** оказался впечатляющим: это умение работать в межкультурной команде; умение анализировать информационные тексты на языке оригинала и отбирать подходящие для воспроизведения отрывки; умение составить оригинальный сценарий радиопьесы, отражающий факты из биографии Рильке, с самарскими реалиями, выбрать место и время развертывания сценария и сделать его узнаваемым за счет шумовых эффектов; способность дополнить готовые отрывки собственными текстами с учетом распределенных ролей, хронотопа сценария и особенностей немецкого языка начала XX века; навык поиска недостающей информации в Интернете; умение сочетать исторический материал с краеведческим и с местным колоритом; умение работать с техническими средствами (например, накладывать звук на шум или мелодию) и специальными компьютерными программами. В этом фрагменте угадывался немецкий менталитет с его стремлением к рациональной аналитике и точности, а также структурированности дискурса как целого, в котором заключительный фрагмент создает своеобразную рамку.

Устный профессиональный дискурс обучаемых включал диалогические, полилогические и презентационные фрагменты. **Диалогические фрагменты** включали обсуждение в парах (частично межкультурных) содержания стихов Рильке и особенностей их личного восприятия. **Полилогические фрагменты** реализовались студентами в малых группах, состоявших из двух немецких и трех русских студентов, в процессе самостоятельной работы над радиопьесами по заданной тематике «Рильке в Самаре». Как диалогические, так и полилогические фрагменты были недоступны непосредственному наблюдения, о них можно судить только по рефлексивным высказываниям участников. Немецкие студенты ощущали свое языковое превосходство и оценивали его критически (13, 14), а русские студенты чувствовали недостаточность своих знаний и тоже могли рефлексировать это (15); ср.: 13) – *mehr Zurückhaltung von Deutschen nötig, um russischen Studenten mehr Sprachanlässe zu bieten.* 14) – *teilweise Sprachbarriere, bzw. Russinnen haben sich nicht getraut Deutsch zu sprechen.* 15) *Am Anfang unserer Arbeit hab' ich oft geschwiegen. Vielleicht hab' ich nicht gewusst, was ich sagen sollte.*

Полилогические фрагменты позволяли согласовать сценарий радиопьесы, распределить роли, продумать способ «смещения времен» в языке и внеязыковой действительности, включающей межкультурную проблематику, обсудить шумовые и музыкальные включения и монтаж фрагментов в еди-

ную радиопьесу. Ср. некоторые высказывания немецких (16, 17) и русских (18,19) студентов из их рефлексивных текстов: 16) *Selbständiges Arbeiten war super.* 17) *Hörspielproduktion war sehr gut!* 18) *Die Zusammenarbeit hilft mir mehr auf Deutsch sprechen.* 19) *Wir arbeiteten an der Gestaltung des Hörspiels und früher habe ich es nicht gemacht und jetzt kann ich es tun! Ich verstehe jetzt, wie Geräusche, Stimme, Betonung und Melodie beim Sprechen wichtig sind.*

Презентационные фрагменты были представлены в фиксированной форме в виде радиопьес, анализ которых требует специального рассмотрения. Эти фрагменты, а также перспективная рефлексия студентов по поводу подготовки радиопьес, и впечатления учителей от реализации проекта отражали **междискурсивное взаимодействие** с установочными фрагментами.

Проведенный анализ позволяет уточнить понимание профессионального педагогического дискурса, выделив в нем фрагменты в соответствии с языковой личностью исполнителя, его ролью и интенцией. Все три уровня языковых личностей существенно различаются у представителей разных культур. Дискурсивные фрагменты немецких языковых личностей отражают их рациональный менталитет, традицию построения структурированного письменного текста, неавторитарность и навык ведения дискуссии. Русские языковые личности проявляют эмоциональность мышления и приверженность отечественным традициям построения нерасчлененного текста; обязательный компонент их прагматикона – выражение благодарности. Роль педагога охватывает информационный фрагмент и активный педагогический менеджмент, роли обучаемых реализуются в диалогических, полилогических, презентационных и рефлексивных единицах.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд 7. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Куликова Л.В. Коммуникация. Стил. Интеркультура: прагматингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению. – Красноярск: СФУ, 2011. – 268 с.
3. Лабашиук М. Модель коммуникации как семантизация культуры // Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации. – Межд. сб. науч. тр. – Самара: САГА, 2004. С. 6–15.
4. Соколова О.В. Гибридизация дискурсов: теоретические основания и типы междискурсивного взаимодействия // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 308–333.
5. Турбина О.А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурса-анализа: дискурс-компонент // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 44–49.

6. *Gans M., Metz K. (Hg.) Rilke & Russland. Рильке и Россия. Winterakademie. Зимняя академия 2019. – Ludwigsburg, Edition Kallenberg, 2019. – 228 S.*

МЕСТО И РОЛЬ ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Красных (Москва)
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
victoryvk@gmail.com

Аннотация: В статье межкультурная коммуникация определяется как общение на наднациональном, внутринациональном надэтническом и внутриэтническом (субкультурном) уровнях. Кратко представляется феномен лингвокультуры как объект психолингвокультурологии и рассматриваются словарь и грамматика лингвокультуры как предмет данной дисциплины. Приводятся конкретные примеры единиц лингвокультуры сквозь призму потенциальных неудач при межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, психолингвокультурология, словарь и грамматика лингвокультуры, подсистемы лингвокультуры.

Межкультурная коммуникация (МКК) традиционно понимается как общение носителей разных языков, представителей разных культур, лингвокультур и членов разных национально-лингво-культурных сообществ (НЛКС) – граждан разных государств и стран. Расширение и углубление контактов (и off-line, и – особенно – on-line) между представителями разных НЛКС естественным образом обуславливают расширение сферы МКК.

Однако МКК возможна и в рамках одного НЛКС (или одной нации, понимаемой по Б. Андерсону – как воображаемое сообщество [Андерсон: электронный ресурс]), если последнее включает в себя (как минимум) несколько этно-лингво-культурных сообществ, т. е. является мультикультурным, полиэтническим. Таковы сегодня многие НЛКС: например, в России, по данным переписи населения 2010 года, проживает более 190 народов; в Китае, по официальным данным, – 56 национальностей; см. также ситуацию в Индии, Великобритании, Испании, Швейцарии, Бельгии, Канаде и в других странах. Подавляющее большинство государств сегодня являются многонациональными (из 251 страны, 195 из которых являются независимыми государствами, только несколько десятков, а по данным Википедии – всего 16, являются моноэтническими), вследствие чего их граждане постоянно существуют в условиях МКК.

Но помимо этого представляется возможным рассматривать как один из видов МКК и общение представителей разных субкультур, сосуществующих внутри одной национальной и даже этнической культуры, например: межконфессиональное общение (общение христиан, мусульман, иудеев, буддистов в рамках русского НЛКС и под.) или межпоколенную коммуникацию (см., напр., [Кронгауз, 2008]) представителей одной культуры.

МКК в представленном ранее понимании входит в сферу внимания появившейся в начале XXI в. психолингвокультурологии (ПЛК). ПЛК – это новое направление научных исследований, посвященное изучению «живодействующей связи» (говоря словами В.Н. Телия) языка, культуры, сознания сквозь призму человека говорящего, см., напр., [Красных, 2016] (впервые об этом, тогда еще потенциально возможном, но уже необходимом, направлении было сказано в: [Красных, 2002]). Предпосылки ПЛК можно найти в работах В.Н. Телия и ее учеников (напр., [Телия, 1988; Кабакова, 1999]). Объектом ПЛК является лингвокультура с учетом совокупности всех факторов, ее предопределяющих и ею предопределяемых, предметом – грамматика и словарь лингвокультуры.

Термин «лингвокультура» появился в научной литературе, вероятно, в самом конце XX в. и обозначал «особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [Снитко, 1999]). Однако сегодня лингвокультура (ЛК) понимается как культура оязыковленная, т. е. воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура явленная нам в языке и через язык. При этом культура понимается нами в целом как «ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний» [Лотман, Успенский, 1971, с. 147; Лотман, Успенский: электронный ресурс], как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия, 1996, с. 222]. По своей природе ЛК – феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах. С точки зрения соотношения с языком и культурой ЛК предстает как третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества. С позиций (этно)психолингвистики, ЛК – это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т. е. опосредованные значениями и скрепленные культурным ядром общие компоненты образа мира (по А.Н. Леонтьеву: [Леонтьев, 1983, 2003]) [Красных, 2016, с. 133]. Отмечу, что предпосылки такого понимания ЛК можно найти в работах В.Н. Телия (напр., [Телия, 1988]).

Что касается грамматики и словаря ЛК, то представление данных понятий необходимо предварить следующими замечаниями. Еще в конце XX века Ю.М. Лотман использовал термин «грамматика культуры» [Лотман, 1992]. Т.В. Цивьян, упоминая работу П.П. Червинского [Червинский, 1989], отмечает, что модель мира «может быть описана по принципу языка, например, с выделением грамматики и словаря» [Цивьян, 2005, с. 9]. Представляется возможным экстраполировать эти идеи и на лингвокультуру.

Грамматика ЛК – таксоны (базовые классы единиц), их категории, система, структура, отношения и функционирование. Грамматика ЛК как «наука о...» требует выявления, описания, структурирования и систематиза-

ции основных категорий, классов, видов и типов единиц, их структуры, отношений между ними (включая структуру данных отношений), а также правил их функционирования [Красных, 2016, с. 131]. Словарь ЛК – совокупность культурно насыщенных единиц лингвокультуры (оязыковленных / поддающихся оязыковлению культурных смыслов и образов). Словарь ЛК как совокупность единиц обуславливает возможность и необходимость создания словаря лингвокультуры как систематического описания таковых, что предполагает выявление реестра и лексикографирование, как минимум, основных (базовых) единиц всех подсистем лингвокультуры [Там же, с. 135].

Поскольку коммуникация осуществляется на языке, то в силу неразрывной связи языка, культуры и лингвокультуры общение всегда культурно и лингвокультурно маркировано. Особенно ярко это проявляется именно в МКК, т. к., во-первых, культура, по Ю.М. Лотману, обладает двойственной природой: коммуникационной и символической (последняя обуславливается тем, что в процессе общения люди обмениваются знаками, за которыми стоят смыслы, открытые для своих и закрытые для чужих) [Лотман, 1992]; а во-вторых, как писал С.Г. Стерлигов, «в семантику многих языковых единиц входит и национально-культурный компонент» [Стерлигов, 2003, с. 131] (см. также [Стерлигов, 2000]).

Покажу на небольшом фрагменте лингвокультуры некоторые потенциальные проблемы при МКК и возможные пути их рассмотрения / объяснения с точки зрения ПЛК.

С точки зрения грамматики ЛК, на сегодняшний день выделяются четыре отдельные, но взаимосвязанные подсистемы, которые (предположительно, т. к. существуют такие загадочные языки и культуры, как пираха) имеют место в любой ЛК: когнитивная, метафорическая, эталонная и символическая. (Не могу исключить вероятность и других подсистем, но на сегодня с большей или меньшей степенью уверенности можно говорить именно о только что названных.) Данные подсистемы сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, поскольку границы между ними гибки и прозрачны. Основными единицами когнитивной подсистемы являются ментефакты (единицы содержания сознания): знания, понятия, концепты и представления; метафорической – базовые метафоры (имеющие архетипическую природу и восходящие к представлениям, лежащим в основе окультуривания человеком окружающего мира); эталонной – базовые эталоны (единицы, выступающие в роли мерил, по которому осмысливается и оценивается окружающий мир); символической – базовые символы (определяемые в первую очередь по функции замещения) (подробнее – см. [Красных, 2016]).

Знания (как класс когнитивной подсистемы ЛК) понимаются как система информационных единиц, которые хранятся в долговременной памяти в неизменном виде [Там же]. Среди знаний, к которым апеллируют коммуниканты, могут быть выявлены знания, зависящие скорее от уровня образования, сферы интересов и под., но не от культуры (в представленном ранее понимании) (пример 1), и знания культурно маркированные и даже культуро-специфичные (примеры 2, 3, 4):

1) «... В подвале умирал император. Сколько их таких было... <...> **Кто на острове... Кто в бункере...** А он [Нерон] – на грязной циновке в подвале...» (Э. Радзинский, Нерон);

2) «Хочу памятник **Пушкину** поставить... Проводили мы **Анну Петровну**, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. **Там Анна Петровна, тут Анна Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то будет мило...** Ты мне помочь должен» (Т. Толстая, Кысь);

3) «Вспоминается ворошиловский стрелок, недоумевавший на **Пушкинской площади, почему памятник поставили не тому, который попал**» (А. Жолковский, Эросипед и другие виньетки);

4) «Так что нашей, простите за выражение, элите лучше бы сегодня поощрять <...> исследования о том, как к **1917 году** социальные, национальные и моральные унижения слились в мощный поток, который не смогли остановить ни великолепная охранка, ни авторитетная Церковь. Причем желательно задуматься об этом до того, как на **интернетовский броневичок** заберется клон того **гениального популиста, который, дабы отплатить за брата, разом уничтожил все феодальное сословие страны**» (АиФ, № 6, 2011).

Так, как показывают многочисленные опросы в разных аудиториях (в разных университетах разных стран, далеко не только европейских), **Наполеона** и **Гитлера** из примера 1 узнает подавляющее большинство опрошенных, независимо от родной культуры, от специальности, от степени знакомства с русским языком и русской культурой и т. д. Что касается примеров 2 и 3, то для представителей русского НЛКС контексты понятны и не требуют объяснений, в то время как из иностранных опрошенных объяснить, о чем / ком идет речь, могут только профессиональные русисты, преподаватели русского языка. Пример 4, как правило, не вызывает трудности в понимании у носителей русского языка и представителей русской культуры (как минимум у старшего поколения и студентов российских вузов), но оказывается практически «закрытым» для инофонов.

В рамках той же когнитивной подсистемы выделяются как отдельный класс представления – являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия действительности в условиях определенной культуры [Красных, 2016]. Среди данного класса единиц можно найти примеры представлений, которые можно считать общими для нескольких культур (примеры 5–15). Хотя, справедливости ради, следует отметить, что такие случаи, во-первых, все-таки не слишком частотны, а во-вторых, представляют особую опасность при МКК, поскольку за внешним, формальным (т. е. по форме) сходством могут стоять различные представления, что однозначно может привести к коммуникативной неудаче. Значительно больше среди представлений встречаются феномены, культурно обусловленные и культурозависимые (примеры 16–25).

Весьма редко встречаются случаи общих для ряда культур стереотипов (представлений о некотором классе однотипных феноменов):

5) «– **С таким почерком** твоей жене надо было бы быть **врачом**. Она бы озолотилась» (X/ф «Мгла», США);

Гораздо чаще, как показывает многолетнее изучение когнитивной подсистемы, стереотипы оказываются культуроспецифичными:

6) «Среди зрителей произошло какое-то движение, и возле ринга появился высокий сутулый человек с мрачным лицом, покрытым глубокими шрамами, как **кора старого дуба**. Он рявкнул низким хриплым голосом, разом перекрыв царящий в зале шум <...>» (Н. Александрова, Кошелек на веревочке);

7) «В кабинете, заваленном горами пыльных папок, как **маленький таежный полустанок бывает завален снегом**, стояло два письменных стола <...>» (Н. Александрова, Динарий кесаря);

8) «... Пока я писал тебе это бесконечное, несусветное это письмо, наступило утро. Огрызок моей задуманной свечи похож на **пенек для Колобка**, каким его мастерит художник кукольного театра» (Д. Рубина, Синдром Петрушки).

Среди прецедентных феноменов (понимаются как представление об уникальном феномене) подчас можно обнаружить случаи общих для нескольких культур или – как минимум – схожих представлений, стоящих за языковыми единицами:

9) «Наконец, как только в дело вмешались **российские войска**, сработала старинная привычная (классическая для западной прессы) защитная реакция: на маленького **Давида** (грузинского) напал большой **Голиаф** (российский) <...> **гигант, пользующийся своей силой, чтобы раздавить – виновника, конечно, но виновника слабого**» (статья швейцарского журналиста Эрика Хёсли в МК, 16.09.2008);

10) «– Я, как всякий мыслящий человек, естественно, задавал себе вопрос: может ли **Нэнси Дженкинс**, мать двоих детей и жена полицейского, быть ассоциирована с жуткой историей **доктора Джекила и мистера Хайда**?! Может ли это нежное, ангелоподобное существо в считанные часы, а может быть и минуты, превращаться в монстра сметающего все на своем пути?» (Р. Кортес, Пациентка);

11) (Автор реплики – хозяин дома – подстроил 3 года назад «ограбление» своего дома, чтобы получить страховку. Во время «ограбления» убили брата «адресата». После отсидки последний приходит в тот же дом, чтобы отомстить):

«– Так-так-так... Ты пришел отомстить мне. **Гамлет выполняет свою священную миссию**...» (К/ф «Дом на холме», США);

12) «Агент Купер: Да, шериф, что это вы тут расселись? У нас еще много дел.

Шериф: Кажется, мне пора изучать медицину.

Агент Купер: Зачем?

Шериф: Просто я чувствую себя **доктором Ватсоном**» (Т/с «Твин Пикс»);

13) «*А в детстве мы все гении, маленькие Эйнштейны*» (МК, 24.01.2004);

14) «*Я боюсь, что люди, которые приватизировали созданное трудом многих поколений 15 лет назад, еще не стали морганами и рокфеллерами в третьем поколении*» (АиФ, № 23, 2012);

15) «*Американский врач-реаниматолог Раймонд Моуди за три десятка лет, похоже, приучил человечество к мысли, что остановка сердца и отключение мозга – еще отнюдь не конец. <...> Однако сторонники материализма игнорировали важнейшие нюансы из эмпирики Раймонда Моуди, Элизабет Кублер-Росс и других колумбов предсмертья*» (МК, 10.01.2005).

Однако в целом следует отметить, что прецедентные феномены (как и большинство представлений в целом), как правило, отмечены культурной спецификой и в силу этого «закрыты» для инофонов:

16) «*Может быть, есть хоть какая-то возможность отказаться от столь почетного задания? Сейчас ведь не тридцать седьмой год. Не расстреляют же меня, в конце-то концов!*» (Г. Куликова, Пенсне для слепой курицы);

17) «*– У нас не тридцать седьмой год – по одному подозрению не расстреливают, – решила Митрофанова. – Значит, и паниковать нечего. Все образуется*» (Литвиновы, Коллекция страхов прет-а-порте);

18) «*Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к 1937 году*» (Е. Примаков, Восемь месяцев плюс...);

19) «*И как он [Никита Михалков] был бы счастлив не покидать свое родное гнездо, париться по субботам в баньке, а потом душевно общаться с друзьями за рюмкой наливки. Но жизнь стала более жестокой, чем при Обломове, и сказала ему: «Ничего этого у тебя не будет, если ты не станешь Штольцем». Никита Михалков – это Илья Обломов, вынужденный стать Андреем Штольцем. Исключительно добрый и любвеобильный по натуре человек, он заставляет себя быть жестким, как Штольц, и часто перегибает палки, обижая людей в таких ситуациях, где настоящий Штольц решил бы вопрос дипломатично и мирно*» (АиФ, № 42, 2005);

20) «*Прогноз на завтра для России очень труден. <...> Слишком шустро несется наша безумная непредсказуемая птица-тройка. Э. Радзинский: У нас в крови: раскулачить кулака, разьевить олигарха*» (АиФ, № 16, 2005);

21) «*Очень правильно цитировал недавно Евангелие от Луки много-мудрый митрополит Минский Филарет: «Никто не приставляет заплатки к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплатка». Кто сошьет для России новый кафтан? И куда несется русская тройка? Патриотические заклинания – это не ответ*» (АиФ, № 45, 2005);

22) «*Бенциону было под шестьдесят, а телосложением и выражением лица он напоминал Колобка, только что отправившегося в полное приключений путешествие*» (Ю. Дубов, Большая пайка);

23) «*Варя слабо ахнула. Фандорин, которого она считала порядочным человеком, – полицейский агент? А еще Печорина из себя разыгрывает! Интересная бледность, томный взор, благородная седина. Вот и доверяй после этого людям*» (Б. Акунин, Турецкий гамбит);

24) «*Пусть наши молодые Кулибины и Менделеевы отправляются на процветающий Запад не как крысы с тонущего корабля, а с гордо поднятой головой*» (МК, 2001);

25) «*Может быть, вы видели, что творит этот днепрпетровский Кулибин? Он же просто бьет по деке правкой рукой...*» (Т/п «Антропология», 2000) (встреча с современной рок-фолк-группой).

Последние примеры наглядно демонстрируют уже высказывавшееся в данной статье утверждение, что в сфере представлений инофон постоянно находится в зоне потенциальной опасности столкновения с феноменами неизвестными и потому непонятными.

Однако может иметь место ситуация значительно более сложная и чреватая серьезными конфликтами и неудачами в МКК: когда инофон имеет дело с феноменом, как бы «известным», но на самом деле квази-тождественным, обладающим принципиально иной культурной семантикой.

Покажу это на одном примере – прецедентном имени *Золушка*. Первые примеры (26 – из французского фильма, 27 – из американского и 28–30 – из русскоязычных источников), думается, не должны представлять трудности для понимания при МКК, в отличие от последующих примеров (31–39), которые содержат смыслы, которые могут спровоцировать коммуникативную неудачу: представление о *Золушке* как о сироте, нелюбимом ребенке, трудолюбивой девушке, обладательнице маленькой ножки характерно именно для русской лингвокультуры (см. в этой связи [Завьялова, 2007]):

26) (Диалог главного героя с дочерью):

«Дочь: – *Я тоже хочу в Америку!*

Отец: – *Чтобы попасть в лапы первого попавшегося миллиардера?!*

Дочь: – *А может, он мне понравится!*

Отец: – *До сих пор веришь в сказку про Золушку?»* (К/ф «Жандарм в Нью-Йорке», Франция);

27) «– *Так не бывает! (чтобы светский богач женился на девушке из «низов»)*

– *Бывает!*

– *И много ты таких случаев знаешь?*

– *Много!*

– *Назови хотя бы один.*

– *М-м... Золушка?»* (К/ф «Красотка», США);

28) «*Конечно же, все мы помним няню Вику <...> Золушка из Бирюлева своим обаянием подкупила все семейство Шаталиных. Дело в сериале закончилось хеппи-эндом и свадьбой*» (Телепрограмма, № 29, 2010);

29) «*Старый, богатый и иностранный хочет жениться на нашей, красивой, бедной. Короче, Золушке. Но всё кончается, понятно, как надо*»

(Ю. Рахаева, Не репринт. Коричневый с золотом. Книжный развал // «Известия», 2001);

30) *«Позже, много лет спустя, отец говорил, что, увидев мать, стоящую у ворот, босоногую, в коротком рваном платьице, он полюбил её, как принц полюбил Золушку, и женился, чтобы увезти в Швейцарию»* (А. Рыбаков, Тяжелый песок);

31) *«Не, говорит Митя, к Вану не получится. У него обстоятельства. Если не ошибаюсь, на этот раз с филфака. С такими неправдоподобно маленькими туфельками, как у Золушки»* (Е. Завершнева, Высотка);

32) *«У Оли, оказывается, были и туфельки к красному с коротенькой юбкой костюму – маленькие, как у Золушки, – и колготки, в которых ее ножки выглядели еще привлекательнее, словно осыпанные золотой пылью»* (А. Берсенева, Возраст третьей любви);

33) *«Но сыну прощали инурки ради набоек, которые ставил его отец – тот из любых туфель мог сделать башмачок для Золушки»* (М. Трауб, Замошная скважина);

34) *«– Сирота по отцу, семья большая – это хорошо. Золушка такая получается. Папа бил меня с утра, и я в школу не ходила, мама пела и блудила, а теперь моя пора, – речитативом прогнусил Морзе»* (А. Слаповский, 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009);

35) *«Аххо, как все читатели, должно быть, уже догадались, была непростой персоной. То она казалась Золушкой-замарашкой, то представляла перед публикой в горделивости своего поэтического сана»* (В. Аксенов. Таинственная страсть);

36) *«Долгое время хоккей на траве являлся в нашей стране золушкой. А ведь это один из самых старых олимпийских видов спорта <...>»* (М. Меньшикова. Пастухи резвились на досуге // «Зеркало мира», 2012);

37) *«Всю зиму ноги выступали в роли Золушки – трудились много, а в ответ не получали ни заботы, ни внимания»* (С легкой ноги! // «Лиза», 2005);

38) *«– Ева подвинула мне гренку. Она пританцовывала, как Золушка со сковородкой. Вдруг подскочила, чмокнула в щёку»* (Слава Сэ, Ева);

39) *«Телевизионную панель она называла Визирем, холодильник – Ледником, а посудомоечную машину – Золушкой»* (П. Волошина, Е. Кульков, Маруся).

Отдельного упоминания заслуживает, конечно, еще один класс ментефактов – концепты (поименованный результат эмоционально-логического осмысления действительности в условиях определенной культуры). Представляется вполне оправданным мнение, что концепты непереводимы с языка одной культуры на язык другой культуры. Слова (имена) перевести можно, но концепты как ментефакты – нет. В данном случае сошлюсь на пример А. Вежбицкой (пример 40):

40) (в ответ на предложение Лопехина отдать вишневый сад под дачи Раневская отвечает):

«– Дачи и дачники – это так пошло, простите».

Английский перевод К. Крамера и М. Букер: «— *Dachas and tenants, it's so petty, excuse me*». В переводе «Чайки» слово *пошлость* переведено К. Крамером как *dreary pretence*. Но, как утверждает А. Вежбицкая, ни переводы вроде *pettiness* и *dreary pretence*, ни сопровождающие их длинные объяснения на сложном или метафорическом языке не могут объяснить нерусскому читателю, в чем тут суть дела [Вежбицкая, 2002].

Особо подчеркну, что между классами единиц внутри одной подсистемы, несмотря на их четкое разграничение, нет абсолютной «непроницаемости», что, с одной стороны, обусловлено, а с другой – обуславливает их взаимодействие: например, прецедентные феномены и стереотипы могут выступать в роли «маски» для концепта (*любовь – Ромео и Джульетта, преданность – собака* и др.).

Далее, нельзя не отметить, во многих классических исследованиях (см., например, [Арутюнова, 1998; Степанов, 2001; Чернейко, 1997]) в роли имени концепта рассматриваются имена абстрактные. Но и здесь все не так просто. Известно, что от наглядно-образного представления (зд.: «отпечатка», «следа в памяти от...») некоторого предмета материального мира может быть «дрейф» к абстрактной «идее», «отягощенной» сложным комплексом дополнительных ассоциаций, коннотаций, оценок и т.д. И тогда имеет место «переход» от конкретного к абстрактному, и, следовательно, представляется возможным говорить о «дрейфе» в сторону концепта. Причем такого, именем которого выступает, казалось бы, конкретное существительное. Однако именно «казалось бы», поскольку, с точки зрения лингвокультуры, в данном случае мы имеем уже не имя конкретного предмета, поддающегося наглядно-образному восприятию, ибо сам предмет уже определенным образом осмыслен и переосмыслен в культуре, но имя совокупности определенных свойств, качеств, признаков, характеристик и под., которые позволяют данному осмысленному и переосмысленному предмету выступать в качестве эталона и/или символа (об эталонах и символах чуть позже). Так, например, *грязь*, с одной стороны, имя весьма определенного «предмета» из мира «материальное», имя, безусловно, конкретное:

«грязь, -и, предл. о грязи, в грязи; ж. 1. только ед. Размякшая от воды земля, почва; слякоть. Липкая, жидкая, засохшая грязь. Непролазная грязь! Ступить, вывалить что-л. в грязи. Объехать самую грязь [Толковый словарь русского языка: электронный ресурс].

Отсюда:

41) «*А уж если грязные руки забрались в рот или схватили чистое яблоко – беду нужно ждать не сегодня, так завтра*» (магазин здоровья Арго, 2010);

42) «*Этот недуг, известный также под названием «болезнь Боткина», передается главным образом через грязные руки*» (Ladies Magazine).

С другой стороны, *грязь* – это имя абстрактное, обозначающее морально-нравственную нечистоту и нечистоплотность, нечто низкое и недостойное человека, максимально низкое положение (отсюда: *грязные мысли, грязная история, втоптать в грязь, из грязи в князи* и под.). См.:

грязь (синон. – *помои*) – символ нечистоты и нечистоплотности как телесной, так и духовной, низости (*вылить ушат грязи / помоев, обливать грязью / помоями, грязная история, грязные мысли ударить в грязь лицом*);

грязь (близко – *прах, пыль*) – символ ничтожности, максимально низкого положения (*втоптать в грязь, смешать с грязью, из грязи в князи*).

Например:

43) «Примчалась домой, навела марафет в прихожей кухне и в своей комнате, умылась и переоделась. Вообще-то это женщина с Петровки была ей глубоко безразлична, но перед дядей Владиком неудобно, не хочется в **грязь лицом ударить**» (А. Маринина, Иллюзия греха);

44) «Иван Павлович, очнись! Твое доброе имя **замарано грязью**, необходимо отмыть его. Я знаю, что никогда не прикасался пальцем к Варваре! Я даже не знаком с ней, но она заявила к Норе и звонила до этого мне по телефону. Следовательно, некто решил опорочить меня. <...> Я непременно найду негодяя, заставлю его рассказать Норе правду и... и... никогда не вернусь к ней. Вот только смыть черное пятно с репутации необходимо» (Д. Донцова, Продюсер козьей морды);

45) «После столкновения с сыном Павлу не остановить было мысль о том, что Суворов **втоптал** его гатчинскую систему **в грязь**: ославил на весь мир» (О. Форш, Михайловский замок);

46) «– Это плотника Сергея Кучеренко, иногороднего, сынок. Ишь ты, **из грязи да в князи**. Да ты бы его, свиненка, за вихор! – Она тут же спохватилась: – Ни, за вихор нельзя, потому – власть» (Л. Ленч, Она была красивая женщина).

В связи с последними примерами (43–46) повторяю, что подсистемы существуют в рамках одной культуры и лингвокультуры и находятся друг с другом в отношениях взаимодействия и взаимопроникновения: один и тот же феномен может рассматриваться с позиций разных подсистем. Так, единица *грязь* рассматривалась чуть ранее в рамках когнитивной и символической подсистем. Однако *грязь* – это еще и эталон максимального / огромного количества (*как грязи*). Итак, *грязь* может выполнять функции символа нечистоплотности и ничтожности, эталона огромного количества, а также служит образным основанием фразеологизма *как грязи*:

47) «Закрывать каналы, по которым на Кавказе ходит взрывчатка, нельзя тем более, потому что коррупции и взрывчатки на Кавказе – **как грязи**» (МК, 2011);

48) «Твои интервью и фотографии печатают ведущие газеты мира. Денег – **как грязи**. Ну, говори, чего тебе еще от меня надо?» (Н. Дежнев, Принцип неопределенности);

49) «Ведь не ради рецепта бараньей ноги или обмена опытом приготовления плова (тут сколько хозяек, столько и секретов) зрители в субботу утром включают телевизор и не ради зрелища кумира в фартук (кумиров у нас на все программах каждый день **как грязи**)» (О. Кабанова, Вприглядку. О роли и задачах телевизионной кухни // «Известия», 2002);

50) «*Да и народу у вас в приемной как грязи*» (С. Данилюк, Бизнес-класс);

51) «*Народу-то сколь у них, как грязи, а мы обезлюдели, а надо, чтоб облюдели*» (В. Крупин, С наступающим! // Библиотека «Огонек», 1989).

Таким образом, по сути своей лексема *грязь*, «дрейфуя» от имени конкретного к имени абстрактному, становится именем концепта, а сама *грязь*, определенным образом осмысливаясь и переосмысливаясь в культуре, становится культурным предметом и квази-предметом (в терминологии Е.Ф. Тарасова [Тарасов, 1993]), что позволяет ей выполнять эталонную и символическую функции. И это важное отличие такого рода единиц от «первородных», «оригинальных» концептов: данные функции могут выполнять только единицы, обладающие изначальной конкретностью.

Таким образом, единица *грязь* – это не только единица языка, но и единица лингвокультуры, входящая одновременно во все подсистемы: когнитивную, метафорическую, эталонную и символическую.

Похожий случай мы имеем и с единицей *крест*, поскольку крест – это не только языковая единица, обладающая лексическим значением и называющая «конкретный» предмет, но и единица когнитивной подсистемы – ментефакт, концепт, репрезентант концептуального поля *ВЕРА* [Сулиман Эльтайеб, 2013]. *Крест* в метафорической подсистеме – результат метафорического осмысления архетипического представления «*свет – верх – Бог*» и т. д. (базовой метафоры) и основа для дальнейшего метафорического осмысления проявлений и жизнедеятельности человека (*нести свой крест*) или самого бытия, жизни человека (*крест на всю жизнь*). В символической подсистеме *крест* – символ 1) христианства; 2) испытаний, лишений, тягостей и под. (*крест на всю жизнь, нести свой крест*); 3) сжатого сюжета, выступающий в роли его имени и отсылающий к ПС, ПИ и ПТ (последние суть ментефакты, т. е. единицы когнитивной подсистемы). Например:

52) «*Все заботы свалились на плечи жены Дугласа-Васи, Галины. Григорий Васильевич [Александров] считал: она должна заменить Орлову в семье. Но у нее самой был сын Гриша, который пил и ничего не делал. Галя тоже довольно быстро ушла... Так у меня на руках остался этот Гриша, крест на всю жизнь*» (из интервью с А. Добровинским, обладателем архива и дачи Александрова-Орловой и знакомым Александрова) (АиФ, 2014);

53) «– *Боже! Вокруг одни психи! Когда Павел был жив, нам регулярно звонили разные девицы и орали в трубку: “Я беременна от тебя, милый”. Они читали романы мужа и теряли голову. Но мой супруг никогда мне не изменял, я была с ним счастлива. Вот после его смерти я хватилась лиха, ила в нищете, таща на горбу сына. Впрочем, Павел давно в могиле, а я влачу земное существование, несу свой крест...» (Д. Донцова, Продюсер козьей морды);*

54) «*Да, роль хозяина дает безграничную власть, но она же и разрушает. Человек становится неблагодарным и равнодушным чудовищем. Это тоже крест, и, может быть, почище, того, что несет слуга*» (Л. Лютикова, Есть ли жизнь после свадьбы?);

55) «Вот когда Серафима поняла, почем фунт лиха. Тот, кто вынужден жить рядом с парализованным человеком, сейчас сочувственно вздохнет. <...> Но, как назло, у Зины было очень здоровое сердце, врач, посещавший ее, один раз абсолютно непрофессионально заявил: – Да уж, в таком состоянии она и двадцать лет протянет! Услыхав это предположение, Серафима пришла в ужас – уж слишком **тяжелый крест** уготовил господь для нее» (Д. Донцова, Яблоко Монте-Кристо);

56) «Если в вашем доме живет человек, который постоянно разбрасывает вещи, никогда не убирает за собой посуду, спокойно берет деньги из вашего кошелька, может притащить к ужину без всякого спроса десять друзей, при этом абсолютно уверен. Что его всегда простят, да еще он постоянно ноет, что вы его не уважаете и о нем не заботитесь, то не стоит в сердцах восклицать: «Ну за что господь послал мне этот **крест**?» Скорей всего, вы сами произвели сие сокровище на свет и добрый боженька тут ни при чем. – Ну за что господь послал мне этот **крест**? – сердито воскликнула Катюша, входя на кухню» (Д. Донцова, Лампа разыскивает Аладдина);

57) «– Ну, Анька, жди внуков, эвон какие довольные. – **Креста на тебе нет**, – разозлилась Анна Михайловна, – чего язык поганый распускаешь? Да Наталья Андреевна Олежику в матери годится!» (Д. Донцова, Сволочь ненаглядная).

Таким образом, *крест* является единицей языка и одновременно единицей лингвокультуры, входя в когнитивную, метафорическую и символическую подсистемы.

В заключение приходится констатировать, что, к сожалению, ни в одном из рассмотренных случаев нет возможности получить более-менее адекватную информацию о том, «что русские имеют в виду, когда говорят...», из каких бы то ни было словарей, энциклопедий, справочных материалов.

Соответственно, представляется вполне правомерным утверждать, что психолингвокультурологические исследования словаря и грамматики лингвокультуры открывают новые перспективы в изучении МКК, как «горизонтальной» (между носителями разных языков, культур, лингвокультур), так и «вертикальной» (межпоколенной), и призваны обеспечить научную базу для создания словарей нового типа, которые могут способствовать облегчению общения и предотвращению конфликтов и неудач при межкультурной коммуникации.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – XV. – 895 с.

3. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. – М., 2002. – № 2 (4). – С. 6–34.

[Электронный ресурс]. – URL: philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm.

4. *Завьялова К.В.* Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 237 с.

5. *Кабакова С.В.* Образное основание идиом: Психолингвокультурологические аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 120 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/obraznoe-osnovanie-idiom-psikholingvokulturologicheskie-aspekty#ixzz42S3q01jw>.

6. *Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.

7. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. – Краснодар, 2002. – С. 204–214.

8. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак, Языки славянских культур, 2008. – 232 с.

9. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Избранные психологические произведения. – М., 1983. – С. 251–261. [Электронный ресурс]. – URL: www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html.

10. *Леонтьев А.Н.* Образ мира // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 11–18.

11. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. – Т. 1. Таллинн, 1992. – С. 200–202. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.durov.com/literature1/lotman-92f.htm>.

12. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V. Уч. зап. ТГУ. – Вып. 284. – Тарту: Издательство ТГУ, 1971. – С. 144–166.

13. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html>

14. *Национальный корпус русского языка.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>

15. *Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: Дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 1999. – 262 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/predelnye-ponyatiya-v-zapadnoi-i-vostochnoi-lingvokulturakh#ixzz4F4o4Bsaf>.

16. *Степанов Ю.С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – № 1. – С. 3–11.

17. *Стерлигов С.Г.* Некоторые актуальные лексикосемантические процессы в современном немецком языке // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. – 2000. – №1. – С. 208–215.

18. *Стерлигов С.Г.* Немецкая антропонимика как лингвострановед-

ческая проблема // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. – 2003. – №1. – С. 131–137.

19. Сулиман Эльтайеб Эльзейн. Русское концептуальное поле ВЕРА (на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 223 с.

20. Тарасов Е.Ф. О формах существования сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания, 1993. – С. 86–97.

21. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–203. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.torrentino.com/torrents/975193>.

22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

23. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – М.: УРСС, 2005. – 280 с.

24. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции / Отв. ред. Т.В. Цивьян. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1989. – 222 с.

25. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 352 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ОДИН*

Н. Кристиано Инсигнарес (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
cristianoinsignares@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению русских фразеологических единиц с компонентом *один* на фоне испанского языка, так как в обеих лингвокультурах число *один* является сложной и многогранной лексико-грамматической единицей. В результате сопоставительного анализа фразеологических единиц на материале русского и испанского языка были выделены семантические категории исследуемых эквивалентных фразеологизмов.

Ключевые слова: лексический эквивалент, один, сопоставительный анализ, числительное, фразеологическая единица.

Формирование у изучающих иностранный язык иноязычной лингвокультурологической компетенции и чувства сопричастности к истории, фольклору, литературе, т.е. в широком смысле культуре страны изучаемого языка эффективно достигается при изучении фразеологии.

Для современного языкознания характерной тенденцией является рассмотрение языка в национально-специфическом аспекте, результаты подоб-

ных исследований успешно применяются в преподавании иностранных языков.

Фразеологический фонд языка представляет собой «наиболее самобытное его явление» [Ройзензон, 1977, с. 116] и в большей степени по сравнению с другими слоями лексики отражает уникальность и особенности национальной культуры. Фразеологизмы делают речь красивее, богаче, выразительнее, придают ей насыщенность, образность и содержательность. По этим причинам изучение фразеологизмов играет большую роль в практике обучения и освоения того или иного языка.

Так, для иностранцев, изучающих русский язык, изучение русских фразеологизмов может способствовать расширению активного лексического запаса, приобщению к истокам русской национальной культуры, а также приобретению важных страноведческих знаний, необходимых для лучшего усвоения языковых фактов и ознакомления с традициями и менталитетом не только русского народа, но и осознания собственной лингвокультурной уникальности.

Совершенно очевидно, что имя числительное в свободном употреблении, выступая в своем конкретном значении, указывает на точное количество. Однако не всегда число используется в его прямом значении, часто оно приобретает магическую коннотацию, сакральную силу, символический смысл, отражающие ту или иную языковую картину мира.

Предметом исследования послужили фразеологические единицы с лексическим компонентом-числительным «один» в сравнении с испанскими эквивалентами, т.к. лексико-грамматическая единица *один* является сложной и многогранной в обеих культурах. Человек часто сравнивает себя с единицей всего живого как в философском так и в обыденном смысле, что определяет особенности и символические значения данного числа.

Итак, *один* является символом первичной целостности, Бога, а также символом собственного «я», результатом процесса выделения человека из окружающей действительности [Ключников, 2007, с. 28-29]. Из этого следует, что *один* может иметь значение «одиночество» (быть одиноким), что нашло свое отражение в таких фразеологизмах как (*один как есть; один как перст; один как ветер в поле; один-одинёшенек; один на один*, т.е. с самим собой). С этими примерами соотносятся испанский частичный эквивалент *como la una* (дословно как *один час*) и фразеологический аналог *sin calor de nadie* (без теплоты людей, кого-либо).

Следует отметить, что русская лексема *один* на испанском языке может быть передана как количественное числительное (*un, uno, una*), имя прилагательное *solo* (без других, в одиночестве) и *el mismo* (тот же самый, одинаковый), местоимения *un, uno, cierto* (некоторый, какой-то, некий) и частицы *sólo, solamente, nada más que, nadie sino* (в значении «исключительно, только»).

В составе группы русских и испанских фразеологических единиц, содержащих числительное *один*, было выделено несколько семантических категорий, приведенных ниже:

– фразеологизмы, которые означают «сходство, совпадение» (в данную группу входят такие единицы, как: *один в один; на один лад; на один манер; одного полета птицы; быть одной крови; из одного теста* [Молотков, 1986, с. 475]; с этими примерами соотносятся испанские частичные эквиваленты *uno y otro, de la misma madera* – дословный перевод: того же дерева, *de la propia sangre*);

– фразеологизмы, выражающие общее значение «делать что-л. одинаково»: *в один голос; как один человек* [Там же, с. 115] (к этой группе относятся следующие испанские полные эквиваленты *a una voz, como un solo hombre*);

– фразеологизмы со значением «думать, вести себя так же, как кто-либо другой, иметь одинаковые интересы, намерения», например: *одна дорога; одно целое; быть на одной волне; дышать одним воздухом* (все эти фразеологизмы выражают семантику сближенности; с ними соотносятся такие испанские относительные эквиваленты, как *hacer vida común*, т.е. жить общим хозяйством, *correr (ir) a la par*, т.е. быть под стать или соответствовать друг другу);

– фразеологические единицы, обозначающие «находиться с кем-либо в равном положении»: *быть (сидеть) в одной лодке, становиться на одну доску; садиться за один стол* [Фразеологический словарь русского языка, 2014, с. 71]. С этими фразеологическими единицами соотносятся такие испанские фразеологические аналоги, как *por bien de paz* (мирным путем, по-хорошему), *quedar en las mismas* (оказаться, очутиться в одинаковом положении), *medir con el mismo rasero* (не для кого не делать исключений, мерить всех одной меркой);

– фразеологизмы, которые означают «делать что-либо сразу, быстро, мгновенно, моментально»: *одним духом/махом/росчерком пера, одним словом, одним выстрелом, на одном дыхании, в один момент/в одно мгновение, в один заход/приём* [Там же, с. 73]. Соотносительными парами таких русских фразеологизмов являются следующие испанские единицы: *de un soplo, de una manotada, de un plumazo, en una palabra, de un tiro, de un aliento, en un instante, de primera entrada/en una sesión* [Seco, 2004, с. 938] (все эти фразеологические единицы являются полными эквивалентами);

– фразеологизмы, которые выражают общее значение «приравнивание к кому-либо, чему-либо»: *(ставить) в один ряд; мерить на один аршин; подгонять (всех) под один колер; стричь/остричь (подстригать/подстричь, причёсывать/причесать (всех) под одну гребёнку; подводить под один ранжир*. В соответствие этим русским фразеологизмам можно поставить следующие испанские единицы: *poner hombro a hombro* (плечом к плечу), *medir con el mismo rasero, cortarlo por el mismo patrón* (мерить всех одной меркой).

Эти пары можно классифицировать как частично сходные или частичные эквиваленты, т.е. фразеологизмы которые, при тождестве семантики и внутренней формы отличаются друг от друга по одному из показателей (иная структура, сочетаемость, больше или меньше количество компонентов и дру-

гие). Как правило, частичные эквиваленты имеют одинаковый или очень близкий образ;

– фразеологизмы, обозначающие значительное или малое, незначительное, недостаточное количество чего-либо (пространства, вещества, людей и любых других объектов действительности): *один на другом сидит (сидят)*; *на один зуб*; *один-два и обчелся*; *одним глазком* [Молотков, 1986, с. 107]. Эквивалентами таких русских фразеологизмов являются следующие испанские единицы: *ciento y la madre* (дословный перевод: сто людей плюс мама), *medio mundo* (тьма народу, или дословно *полсвета*), *éramos muchos y parió la abuela* (нас было уже много, а еще родила бабушка); *caber en una muela* (поместиться в одном зубе); *con el rabillo del ojo* (искоса, краешком глаза). Эти пары можно классифицировать как относительные эквиваленты, т.е. фразеологизмы, имеющие тождественную семантику с частичной заменой образности;

– также можно выделить ряд фразеологизмов с общим значением непоследовательности мыслей и их изложения (*валить в одно*; *сваливать в одну кучу*; *перескакивать с одного на другое*; *ни один чёрт не разберётся*). Следующие испанские единицы выступают в качестве аналогов: *hacer ensalada rusa* (дословно *готовить русский салат*, т.е. смешивать что-либо без разбора), *saltar de rama en rama* (с ветки на ветку, т.е. быть непостоянным), *¡el demonio que lo entienda!* (пусть чёрт его поймет).

– фразеологические единицы, связанные с семантикой выбора (*одно из двух*; *один конец*; *всё одно*) и другие. Соотнесительными парами таких русских фразеологизмов являются следующие испанские единицы: *una de dos* (одно из двух, дословно, так что можно его классифицировать как полный эквивалент); далее *no queda otra/no hay de otra* (выхода / других вариантов нет) являются фразеологическими аналогами русской ФЕ *один конец* [Там же, с. 204]; и последние ФЕ *tarde o temprano* (рано или поздно, безразлично) [Seco, 2004, с. 954], *así o así* (что так, что эдак, все равно).

В результате проведенного исследования удалось выяснить, что в группе, состоящей из 122 фразеологизмов с компонентом-числительным «один», в переводе на испанский язык преимущественно употребляется фразеологические аналоги в количестве более 500 единиц.

Совершенно очевидно, что между некоторыми межъязыковыми категориями эквивалентности существует тонкая грань, что затрудняет перевод и классификацию данных фразеологических единиц. Однако эти трудности, с которыми не носители языка постоянно сталкиваются при изучении функционирования лексических единиц, доказывают необходимость изучения их в сопоставительном аспекте, поскольку понимание фразеологии и правильное употребление фразеологизмов является одним из показателей точного владения языком и глубокого понимания и знания истории и быта любого народа.

Литература

1. *Ключников С.Ю.* Священная наука чисел. – М.: Беловодье, 2007. – 224 с.
2. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
3. *Ройзензон Л.И.* Русская фразеология. – Самарканд.: изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1977. – 121 с.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. *Фразеологический словарь русского языка* / сост. А.Н. Тихонов. – М.: Дрофа, 2014. – 334 с.
6. *Seco M.* Diccionario fraseológico documentado del español actual. Locuciones y modismos españoles. – Madrid.: Aguilar, 2004.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Н.В. Крючкова (Владивосток)
Морской государственный университет
имени Г.И. Невельского
kryuchkovanv@yandex.ru

Аннотация: В статье на примере лексемы *экспертиза* описывается методика анализа семантики и текстового функционирования слов, основанная на анализе материалов различных типов текстовых корпусов. Эта методика может быть использована при обучении будущих переводчиков, в частности, в рамках самостоятельной работы, при выполнении курсовых и дипломных работ.

Ключевые слова: обучение переводу, корпусы текстов, семантика, текстовое функционирование.

В современных условиях обучение студентов переводу осложняется наличием технических средств, позволяющих либо получить готовый машинный перевод, либо в значительной степени автоматизировать человеческий перевод. Это приводит к непониманию студентами роли переводчика в современном процессе перевода. Очень важная задача современных переводчиков – это умение адекватно оценить полученные варианты перевода.

В последние десятилетия эта задача осложняется огромным количеством заимствований, активным употреблением в различных сферах речи иноязычных слов, еще не отраженных словарях русского языка. При этом не только активно заимствуются иноязычные слова и термины, но и появляются новые значения и расширяется сочетаемость у тех слов, которые уже давно существуют в русском языке. Следовательно, возникает еще одна проблема – по-

нять, как новое значение и употребление соотносятся со старыми, уже установившимися в языке.

Какие шаги должен уметь предпринять современный подготовленный переводчик, чтобы оценить возможности использования тех или иных языковых средств в переводе? Во-первых, конечно, он должен уметь проанализировать лексикографические описания интересующей его лексемы. Во-вторых, необходимо уметь проанализировать функционирование данной лексемы в современных текстах. Сейчас это удобно делать с помощью корпусов текстов. Причем помимо одноязычных корпусов, современный инструментарий изучения функционирования единиц языка включает еще один тип корпусов, предназначенный непосредственно для сопоставления эквивалентности элементов разных языков. Это так называемые параллельные корпуса. Одним из таких корпусов является параллельный корпус, входящий в состав «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) [НКРЯ: электронный ресурс] и состоящий из множества иноязычных текстов с их переводами (см. [Добровольский, Кретов, Шаров]).

Рассмотрим эту методику на примере лексемы *экспертиза*.

Это слово иноязычного происхождения, которое в последнее время иногда используется в русской речи не в том значении, которое фиксируют словари русского языка. Например, в рекламе продукции компании «Wella»: *«130 лет профессиональной экспертизы вместе с Wella. Коллекция Color Fresh Acid идеально подходит для поддержки и выравнивания цвета волос. Оттеночная краска освежает и придает им восхитительный блеск»* [https://alonis.ru/vse_dlya_volos/kraski_dlya_volos/wella_color_fresh/wella_color_fresh_acid_5_56_rubin_75_ml].

Рассмотрим, как представлены семантика слова *экспертиза* в основных лексикографических источниках современного русского литературного языка.

В ряде словарей толкование лексемы *экспертиза* включает семы процесса (действия) – «рассмотрение какого-н. вопроса», осуществляющего его субъекта – «эксперты», а также цели – «вынесение заключения». Таковы, в частности, полностью совпадающие толкования в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина [Крысин, 2006], в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1996]: «рассмотрение какого-н. вопроса экспертами для вынесения заключения».

В словаре Т.Ф. Ефремовой добавляется сема правильности, характеризующая цель (результат) экспертизы: «рассмотрение, исследование чего-л. специалистами для **правильной** оценки чего-л., заключения и т.п.» [Ефремова, 2000].

В некоторых толкованиях эксплицирована сема, характеризующая субъекта оценки, – «наличие у него специальных знаний», например: «рассмотрение, исследование каких-л. вопросов, решение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства и т. д.» [МАС: электронный ресурс], «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка, 1998].

Отмечают словари и переносные значения лексемы *экспертиза*. Так, Малый академический словарь [Словарь русского языка, 1985] и словарь С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка, 1998] фиксируют разговорное значение, образованное по принципу метонимии «действие – субъект действия»: «комиссия экспертов» (например, «*Случайно встретив одного из членов экспертизы, я узнал, что жюри встретило моего рыбака [картину] аплодисментами*» (Рылов, Воспоминания); *сформировать экспертизу*. Также по метонимическому принципу образованы значения «заключение» и «протокол» (перенос «действие – результат действия»).

Показательно энциклопедическое толкование, приведенное в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (приведем лишь часть этого определения): «экспертиза – специфический тип работы со знаниями, направленной не на получение новых знаний в той или иной области, а на применение уже имеющихся знаний для подготовки и принятия решений в самых различных сферах практики» (*подчеркнуто мною – Н.К.*) [Энциклопедия эпистемологии и философии науки, 2009].

Приводятся словарями и примеры узуальной сочетаемости лексемы *экспертиза*: *судебная э., медицинская э., судебно-медицинская э., научная э., техническая э. проекта, провести э., отправить на э.* и т.п.

Таким образом, *экспертиза* в прямом своем значении в русском языке – это рассмотрение какого-л. вопроса специалистами, которые основываются при таком рассмотрении на имеющихся у них знаниях (а не исследование с целью выработки нового знания), причем это рассмотрение осуществляется с определенной целью – вынести заключение по поводу данного конкретного вопроса. В таком понимании экспертизы заложены признаки, ограничивающие ее как в отношении предмета, на который она направлена, так и отношении времени, в течение которого она может проводиться. Ограничение в отношении предмета рассмотрения связано с целью (вынесение заключения): вынести заключение можно по какому-то конкретному вопросу, по конкретной ситуации (а не по целой отрасли знания или производства). С этим же связано и ограничение по времени: если требуется экспертное мнение (заключение), оно требуется к определенному времени или событию (что тоже подразумевает временные рамки).

Таким образом, основанное на лексикографических данных определение *экспертизы* не согласуется с приведенным в начале статьи примером. Действительно, фраза «*100 лет экспертизы в косметике*» противоречит сразу трем семантическим признакам, выделенным по данным лексикографии. Во-первых, это признак ограничения времени (ср. «100 лет»); во-вторых, признак рассмотрения какого-то конкретного вопроса (ср. «экспертиза в косметике»); разработка и производство косметики – это не один конкретный вопрос, а целая сфера промышленности); в-третьих, признак использования уже имеющихся знаний, а не создания новых (очевидно, что за 100 лет в сфере косметики были разработаны новые технологии, внедрены новые материалы и новые виды косметических средств). Кроме того, конструкция слово-

сочетания «экспертиза в чем-л.» не соответствует узуальной сочетаемости слова *экспертиза*.

Означает ли это, что значение лексемы *экспертиза* меняется, а словари просто еще не успели отразить происходящие изменения (или не считают их достаточно устойчивыми)? Отметим, что, судя по данным НКРЯ, относительно недавно, в период с 1980 г. по конец 80-х гг., резко выросла употребительность слова *экспертиза*. Если в 1980 г. было зафиксировано чуть более 7 употреблений на 1 млн. словоформ, то в 1989 г. – более 30 (в последующие годы частотность колебалась в основном от 20 до 33 употреблений). Связаны ли изменения в частотности употребления с модификацией семантической структуры этого слова?

Чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем примеры употребления лексемы *экспертиза* в НКРЯ (основной корпус). По лексико-грамматическому поиску было обнаружено 1328 документов, в которых присутствует 3466 вхождений слова *экспертиза* (дата обращения – 17.08.2013).

Абсолютное большинство контекстов реализует значения, зафиксированные в словарях. Наиболее часто встречается лексема *экспертиза* в своем основном значении («рассмотрение какого-н. вопроса экспертами для вынесения заключения»). Так, *экспертиза* сочетается с определениями *криминалистическая, баллистическая, психиатрическая, медицинская, лингвистическая, экологическая, судебная, искусствоведческая, генетическая, графологическая, дополнительная, повторная, первая, тщательная, строгая* и др. Другая группа словосочетаний – с глаголами и отглагольными существительными: *пройти э., провести э., осуществлять э., отправить на э., отказ от э., неявка на э.* и т.п. Типичные сочетания с существительными – *акт э., заключение э., результаты э., э. проектно-сметной документации, стоимость э.*

Наряду с указанными примерами в НКРЯ встретилось примерно два десятка необычных контекстов, где слово *экспертиза* фигурирует, очевидно, в другом значении, чем те, которые указаны в словарях русского языка. Приведем наиболее показательный пример:

«Довольно часто говорят об интуиции при обсуждении отличий экспертов от новичков... В. Эгор определял интуицию как форму сжатого опыта, которую индивиды могут использовать при принятии решения [3]. Г. Клэкстон в качестве одного из видов интуиции рассматривает экспертизу, понимая ее как отлаженное, неререфлективное мастерство в сложной знакомой области; это непреднамеренное и неосознанное использование опыта для выполнения какой-либо сложной деятельности [11]. В качестве примера интуитивной экспертизы Д. Майерс приводит деятельность определителей пола у птенцов [25]. Раньше фермерам приходилось ждать пять-шесть недель, прежде чем по перьям можно было отличить петухов от куриц. Однако теперь эксперты после нескольких месяцев тренировок научаются определять пол у новорожденных птенцов с точностью 99%, затрачивая примерно одну секунду на птенца, хотя и не способны объяснить, как они это делают. Понятие экспертизы включает в себя нечто большее, чем

имплицитное научение. Так, в приведенном примере люди также обучались эксплицитно, сознательно ставя себе цель научиться определять пол новорожденных птенцов и получая в процессе обучения эксплицитную обратную связь» (О. В. Степаносова, Современные представления об интуиции // «Вопросы психологии», 2003).

В приведенном контексте *экспертиза* выступает в качестве специального термина психологии, заимствованного из английского языка. Причем даже в рамках узкоспециальной сферы этот термин, применяемый в рамках одной из классификаций видов интуиции, не имеет общепризнанного содержания, поэтому у автора цитируемой работы возникает необходимость неоднократно пояснить в тексте, в каком именно значении использовано слово *экспертиза*.

Единичны примеры, в которых *экспертиза* выступает в том же значении, что и в приведенных в начале статьи рекламных контекстах, но и здесь оно явно носит калькированный характер, например: «*И если профессиональный менеджер — это товар, то, вероятно, есть пути повышения его рыночной стоимости. (...) Речь о том, чтобы ускорить процесс наращивания российскими менеджерами того, что принято именовать value, то есть качества и уровня профессиональной экспертизы, административных навыков, адаптивности, соответствующей мотивации — список можно продолжать до бесконечности*» (Д. Викторов, О чем у вас тут поют // «Бизнес-журнал», 2004].

Таким образом, приведенные в заголовке и в начале статьи примеры использования слова *экспертиза* в рекламных текстах не соответствуют ни норме, ни узусу современного русского языка. В отношении подобных примеров нельзя говорить и о возникновении новых тенденций в сочетаемости и семантике лексемы *экспертиза* в русском языке, так как эти примеры единичны и не подтверждаются корпусными данными.

Рассмотрим примеры со словом *expertise* в параллельном корпусе (дата обращения 20.06.2018). Всего была обнаружено 18 примеров с лексемой *expertise*, включая русско-английский и англо-русский перевод. Наиболее частым эквивалентом *expertise* является лексема *опыт* (6 примеров), например: **En:** «*Considering the lack of success he was having with the "orb" reference, he might be able to use their expertise*» (D. Brown, The Da Vinci Code, 2003] <=> **Rus:** «С" шаром "у него пока ничего не получилось, так что пусть помогут, с их-то **опытом**» (Д. Браун, Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)).

Кроме того, один раз для перевода *expertise* использовано словосочетание *опытный специалист*: **En:** «*Sophie's expertise in complex cryptanalysis had caused her to overlook simplistic word games, and yet she knew she should have seen it*» (D. Brown, The Da Vinci Code, 2003) <=> **Rus:** «*Ведь Софи была опытным специалистом, привыкшим иметь дело со сложным криптографическим анализом, и примитивные игры в слова ее интересовали мало. А следовало бы поинтересоваться*» (Д. Браун, Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)).

Также встретились в корпусе такие эквиваленты *expertise*, как *специальные знания, познания, специальность, научные изыскания* и некоторые другие единичные примеры.

Лишь один раз при переводе *expertise* использовалась лексема *экспертиза*, но и в этом контексте значение английской лексемы может быть интерпретировано в значении «специальные знания, опыт»: **En:** «*My capitaine requires your expertise in a private matter*» (D. Brown, *The Da Vinci Code*, 2003) <=> **Rus:** «– *Моему капитану требуется ваша помощь. Экспертиза в одном частном деле*» (Д. Браун, *Код Да Винчи* (Н. Рейн, 2004)).

Литература

1. *Большой толковый словарь русского языка: А-Я.* – РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.

2. *Добровольский Д.О., Кретов А.А., Шаров С.А.* Корпус параллельных текстов. Архитектура и возможности использования. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/sbornik2005/17dobrovolsky.pdf>.

3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.

4. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.

5. *Национальный корпус русского языка.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/>.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1996. – 941 с.

7. *Словарь русского языка: В 4-х тт.* – М.: Рус. яз., 1985.

8. *Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт.* – М.–Л., 1950 – 1965.

9. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация» И.Т. Касавин 2009. – 1248 с.

ПРИНЦИПЫ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.С. Майорова (Воронеж)

В.В. Селютина (Воронеж)

Воронежский государственный университет
voronejcrif@yahoo.fr

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям подготовки к процессу перевода с опорой на положения интерпретативной теории перевода, а именно анализу терминов на основе документальных источников и представлению результатов в виде терминологических карточек. Подобный механизм работы позволяет переводчику понять специфику функционирования терминов, что повышает качество выполнения перевода.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, интерпретативная теория перевода, когнитивный багаж, терминологические карточки.

В настоящее время возрастает роль информационно-коммуникационных технологий в сфере образования, что обусловлено процессами интернационализации высшего образования и прогрессирующей информатизацией общества. В связи с этим возрастает потребность в переводе специальной дидактической литературы, для которой свойственно обилие терминов разной степени сложности. Этим обусловлена актуальность исследования, а его научная новизна связана с недостаточной изученностью терминологического аппарата в области использования ИКТ в сфере образования.

Цель данной работы – изучение этапов предпереводческого анализа терминов в русском и французских языках в избранной сфере и описание их контекстуальных особенностей для последующего использования в переводческой деятельности.

Вопросы изучения значения терминов и их перевода изучались лингвистами [Комиссаров, 1990; Миньяр-Белоручев, 1999; Табанакова, 2014], многие из которых подчеркивают, что адекватный перевод невозможен без полного понимания иноязычного текста. В рамках интерпретативной теории перевода [Seleskovitch, Lederer, 1993; Ледерер, 2007; Алексеева, 2017], на которую мы опирались при проведении нашего исследования, утверждается, что при работе с научными, техническими или профессионально ориентированными текстами на иностранном языке переводчик должен обогащать свои экстралингвистические знания, пополняя свой когнитивный багаж сведениями из тематической справочной литературы в ходе осуществления справочно-информационного поиска, работать над вычленением смысла текста [Алексеева, 2007; Алексеева, 2008; Алексеева, 2015].

Авторы интерпретативной теории перевода отмечают, что помимо ситуативных знаний, очень важно владеть терминологией, которая в большей степени относится к тематической области, а не к лингвистической сфере. Важно не только знание терминологических соответствий, но и понимание их точного смысла. В связи с этим, исследование специфики перевода терминологических единиц является важным этапом подготовки переводчика к процессу перевода, требующим особого внимания. Таким образом, процесс анализа значений терминов на основе документальных источников составляет один из базовых этапов предпереводческого анализа. [Алексеева, 2017]. Методика терминологического исследования с использованием положений интерпретативной теории перевода создана и практикуется в рамках выпускных квалификационных работ на уровне бакалавриата и магистратуры на кафедре французской филологии Воронежского государственного университета [Шпакова, 2018].

Настоящее исследование, выполненное в рамках указанной методики, реализуется в соответствии со следующими этапами работы с терминами, направленными на совершенствование переводческих компетенций.

Во-первых, были изучены аутентичные источники по использованию ИКТ в сфере образования на русском и французском языках.

Во-вторых, из данных источников для анализа были отобраны 15 терминов на русском и 15 терминов на французском языках, которые стали основой для терминологической базы по теме «ИКТ в сфере образования». В процессе формирования базы проводилось исследование контекстуальных, функциональных, структурных и семантических свойств терминологических единиц.

В-третьих, был проведен анализ значений и особенностей контекстуального употребления выбранных терминов в виде терминологических карточек, учитывающих разнообразные показатели термина (дефиниции, значения, контекстуальное использование).

После детального изучения аутентичных источников, относящихся к сфере использования ИКТ на русском и французском языках, нами были отобраны для более глубокого изучения 15 терминов на русском языке: *видеоконференция, вебинар, виртуальная (учебная) среда, дистанционное обучение, ИКТ и ИКТ в образовании, интерактивная доска, информатизация и компьютеризация, массовый открытый онлайн-курс (МООК или МООС), мультимедийное обучение; смешанное обучение; обучающая программа, онлайн-обучение, обучающее руководство*, и 15 соответствующих терминов на французском языке: *visioconférence, webinaire, espace numérique de travail, formation ouverte et/ou à distance (FOAD), tableau blanc interactif (TBI), technologies de l'information et de la communication (TIC) et technologies de l'information et de la communication pour l'enseignement (TICE), informatisation et médiatisation, formation en ligne ouverte à tous (FLOT или MOOC), téléenseignement, apprentissage mixte, didacticiel, formation en ligne, tutorial*.

Проведя анализ значения и особенностей употребления выбранных терминов в русском и французском языках, мы обнаружили следующие закономерности.

1. Сложность анализа значений изучаемых терминов заключается в отсутствии специализированных русско-французских двуязычных словарей и пособий. Кроме того, некоторые термины, используемые в специализированной литературе, не представлены даже в одноязычных толковых словарях. Так, например, во французском толковом словаре *Larousse* [Dictionnaire de français Larousse: электронный ресурс] нет упоминаний о так называемых *tableaux blancs interactifs (TBI)*, то есть об интерактивных мультимедийных досках, ввиду низкой скорости обновления словарей.

2. Как в русском, так и во французском языке изучаемым терминам свойственна синонимия, которая считается недостатком терминологической системы, так как затрудняет чтение для читателя [Гринёв-Гриневиц, 2004, с. 260; Климзо, 2006]. Например, «видеоконференция» может быть переведена на французский язык как *visioconférence* или *vidéoconférence*, а «онлайн-обучение» как *formation en ligne, apprentissage en ligne* или *e-learning*.

3. И в русских, и во французских текстах в качестве терминов используются англицизмы: к примеру, как было отмечено, для обозначения «он-

лайн-обучения» во французском языке иногда употребляется англицизм *e-learning*, а для обозначения обучающих руководств – *tutorial* вместо французского *tutoriel*. Наличие англицизмов в данном случае обусловлено принадлежностью терминов ИКТ к компьютерной лексике, которая представлена преимущественно английским языком.

4. Для некоторых исследуемых терминов во французском языке характерно отсутствие общепринятого написания, что создает дополнительные трудности при оформлении перевода. К примеру, в словаре *Larousse* содержатся два варианта написания *téléenseignement*: *téléenseignement* и *téléenseignement* соответственно [Dictionnaire de français Larousse: электронный ресурс].

Таким образом, на основе исследования, проведённого на пересечении терминологической и переводческой проблематики, можно заключить, что, так как многие из рассмотренных нами терминов не унифицированы, терминосистема в области использования информационно-коммуникационных технологий в сфере образования ещё находится в стадии становления (или нормализации), что подчеркивает необходимость дальнейшей кодификации и изучения данного терминологического аппарата. Для этого существенными представляются положения интерпретативной теории перевода, которые играют важную роль в современной переводческой практике и представляют несомненный научный интерес. Важность подхода, описанного в настоящей статье, заключается в том, что он учитывает реальные запросы и требования практической работы переводчиков. Благодаря представленному механизму работы с терминами, у переводчика появляется возможность наиболее адекватно обнаружить особенности семантического объема терминов. Следовательно, терминологические базы, составленные в форме терминологических карточек с опорой на положения интерпретативной теории перевода, могут послужить полезным материалом для переводчиков (в ситуациях как устного, так и письменного перевода), существенно облегчив процесс предпереводческого анализа и непосредственно процесс осуществления переводческой деятельности.

Литература

1. Алексеева Е.А. Перевод текста в свете интерпретативной теории перевода / Е.А. Алексеева, Т.И. Бодрова-Гоженмос // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2007. – №3-4. – С. 102–106.

2. Алексеева Е.А. Понятие текста в работах М.М. Бахтина и в интерпретативной теории перевода // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2008. – Вып. 8. – С. 38–44.

3. Алексеева Е.А. К вопросу о переводческих текстовых стратегиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – Вып. № 2. – Т. 12. – 2015. – С. 82–89.

4. *Алексеева Е.А.* Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: учебно-методическое пособие. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. – 100 с.

5. *Гринёв-Гриневиц С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 304 с.

6. *Климзо Б.Н.* Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводах и переводчиках научно-технической литературы. – М.: «Р. Валент», 2006. – 508 с.

7. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

8. *Ледерер М.* Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода: пер. с французского Н.А. Фененко, Е.А. Алексеева. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 223 с.

9. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Как стать переводчиком? – М.: «Готика», 1999. – 176 с.

10. *Табанакова В.Д.* Переводчик-лингвист, переводчик-терминолог, переводчик-специалист: стратегия и тактика перевода термина // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – Филология (№1) . – С. 72–81.

11. *Шпакова Т.С.* Терминологические карточки как инструмент предпереводческого анализа (на материале русскоязычных, франкоязычных и англоязычных текстов по теме «Садово-парковое искусство») // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: материалы Международной научной конференции 26–27 июня 2018 г. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 234–242.

12. *Seleskovitch D., Lederer M.* Interpréter pour traduire. 3ème édition revue et corrigée. – Paris: Didier, 1993.

13. *Dictionnaire de français Larousse.* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/télé-enseignement_télé-enseignements/77057

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ БАРЬЕРОВ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Э. Мацкевич, А.А. Флакман (Нижний Новгород)
Приволжский исследовательский медицинский университет,
Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет
matskevich@pimunn.ru, flak76@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена рассмотрению языковых и культурных барьеров в процессе межкультурной коммуникации, причинам их возникновения, возможности и необходимости устранения. Рассматривается их роль при возникновении недопонимания, конфликтных ситуаций и невозможности построить межкультурный диалог. Особое внимание уделяется необходимости изучения иностранного языка в нераз-

рывной связи с культурологическим аспектом с целью формирования межкультурной толерантности.

Ключевые слова: языковые и культурные барьеры, межкультурная коммуникация, межкультурная толерантность, межкультурные конфликты.

В настоящее время, в эпоху глобализации, трудно представить себе человека, который не сталкивался бы с необходимостью преодоления культурных и языковых барьеров. Речь не идёт о барьерах в разных культурах. Очень часто между людьми, говорящими на одном языке и относящимися к одной культуре, возникают разногласия и непонимание в силу разных причин, таких как социальный статус, уровень образования и т.д. При общении с представителями иной культуры, такие барьеры неизбежны.

В современном мире, в эру передовых компьютерных технологий и средств коммуникации, межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью любой сферы жизнедеятельности человека. Без неё невозможно вести бизнес, развивать науку и технологии, получать образование и т.п.

Однако такой же неотъемлемой частью межкультурного диалога являются культурные и языковые барьеры.

Разговор о культурных и языковых барьерах интересен с профессиональной точки зрения для людей разных специальностей: лингвистов, психологов, социологов, политологов.

Известно, что языковые барьеры, равно как и языковые ошибки не представляют серьёзной угрозы, при этом ошибки культурные всегда воспринимаются остро и могут вызвать неприязнь и агрессию. Именно они скорее приведут к непониманию и конфликтам.

Незнание или нежелание знать традиции, нормы поведения и другие культурные особенности является одним из основных препятствий на пути к диалогу культур.

На первый взгляд, многие люди, имеющие негативный опыт в изучении иностранных языков, выскажут мнение, что языковой барьер тоже едва преодолим. Однако если приложить соответствующие усилия под руководством опытного преподавателя можно довольно быстро набрать необходимый лексический запас, отработать необходимые грамматические конструкции, овладеть навыками говорения, чтения и письма. И как следствие всех этих усилий, языковой барьер становится все более низким и практически не создающим никаких проблем.

Например, во времена Советского Союза во всех учебных заведениях шло обучение иностранным языкам. Уровень теоретических знаний языков был довольно высоким. Однако из-за «железного занавеса» культурные барьеры очень сильно отдаляли советский народ от других.

Изучение иностранных языков как нельзя лучше способствует преодолению культурных барьеров, но только если его изучение идёт в неразрывной связи с культурологическим аспектом, так как язык отражает в себе менталитет его носителей, является «хранилищем» истории и культуры народа.

С менталитетом связаны неразрывно язык и мышление, которые формируют его и испытывают на себе его влияние. Язык формирует разный склад ума, разную логику построения мыслей, разное поведение, оказывает влияние на формирование менталитета разных людей, разных национальностей.

Важно отметить, что ментальность отражается как в языке, так и в культуре. Культура, в свою очередь, формирует ментальность, но с другой стороны, её степень развитости является выражением ментальности народа. Необходимо отметить взаимосвязь языка, культуры и менталитета, поэтому изучение каждого из этих компонентов делает вклад в преодоление каких-либо барьеров.

Язык, несомненно, является зеркалом мира и культуры того или иного народа. Сам народ живет, не сознавая своей специфики, так как она выявляется только в сравнении. Однако нельзя противопоставлять менталитет одного народа менталитету другой нации, именно противопоставления могут привести к конфликтам или столкновениям. Наоборот, менталитеты разных народов следует изучать, чтобы лучше понимать друг друга.

Вильгельм фон Гумбольдт был одним из первых учёных, который в своих лингвистических работах затронул проблемы, связанные с понятием «народ» и «язык». Он пишет, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 1984, с. 68]. Язык способен не только обозначать предметы, но и изображать, описывать их. Результатом такого изображения является описание предмета или знание о нём.

Язык формирует разный склад ума, разную логику построения мыслей, разное поведение (этическое, культурное), он оказывает влияние на формирование ментальности разных людей, разных национальностей.

Даже такое физическое явление, как цветовой спектр, мы видим по-разному через призму языка. Например, в языке эскимосов несколько обозначений белого цвета, в то время как в русском и европейских языках – одно. В языке южноамериканского племени индейцев Пираха отсутствуют числительные, по причине чего возникнут трудности с объяснением всего, что с ними связано: от возраста до адреса проживания и т.д.

История всякого языка отражает историю его народа. Корневые слова языка подчеркивают, какие предметы были самыми важными для народа в период формирования языка. Словарный состав показывает, о чем думает народ, а синтаксис – как думает. Язык наиболее точно характеризует народ, так как является объективным духом.

Язык тесно связан с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждом этапе его прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры.

Лео Вайсгербер вывел закон родного языка, который говорит, что «каждый человек с раннего детства находится под влиянием родного языка, которое в течение всей его жизни удерживается тремя способами: во-первых, неизбежностью изучения языка, во-вторых, необходимостью владения язы-

ком и, наконец, зависимостью от разнообразных форм применения языка» [Weisgerber, 1964, S. 138]

Каждый человек является членом языковой общности (Sprachgemeinschaft). Родной язык и языковая общность образуют единое целое, в котором одно не мыслимо без другого. Языковая общность заключена в картине мира общего родного языка [Weisgerber, 1964, S. 121]

Итак, самый эффективный, он же и самый трудный и сложный способ преодоления языковых и культурных барьеров – это изучение иностранного языка в неразрывной связи с культурой его носителей. Процесс этот сложный, не столько с точки зрения языка как такового: лексики, грамматики, фонетики и т.д., сколько в связи с необходимостью принять чужую культуру и, хотя бы частично, перестроить собственную картину мира по чужому образцу, не являющимся привычным. Это основная трудность, которая, кроме всего прочего, не лежит на поверхности, преодоление которой способствует формированию межкультурной толерантности.

Изучая иностранный язык, человек открывает для себя совершенно новую картину мира с новыми понятиями, образами, жизненными реалиями, взглядом на мир, ведь как сказал Федерико Феллини «Другой язык – это другое видение жизни», а Пифагор Самосский «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык».

В конечном итоге, изучение языка и культуры других людей приводит к лучшему пониманию, как других людей, так и своего внутреннего мира, соглашаясь со словами И.В. Гёте «не знающий иностранного языка не знает свой собственный».

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М. Прогресс, 1984 – 400 с.
2. Weisgerber L. Das Menschheitsgesetz der Sprache. 2. – Auflage. Quelle & Meyer Verlag. Heidelberg, 1964. – 202 s.
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. — Слово: Москва, 2008. – 344 с.

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ НЕКОНФЛИКТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ВУЗЕ

Е.Э. Мацкевич, Ю.В. Шевцова (Нижний Новгород)
Приволжский исследовательский медицинский университет
matskevich@pimunn.ru, julia_52@rambler.ru

Аннотация: Многочисленные исследования подтверждают, что жители разных стран, включая специалистов в той или иной сфере деятельности, не всегда могут вести полноценную и бесконфликтную коммуникацию с иностранными коллегами и обучающимися. Этнические различия и в наши дни продолжают порождать межкультурные кон-

фликты. В настоящей статье анализируются подходы исследователей к проблеме межкультурной коммуникации с точки зрения необходимости формирования межкультурной компетенции в высшей школе.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, межкультурная коммуникация, мультикультурализм, межкультурная толерантность, неконфликтное образовательное пространство.

Культурные различия и межкультурный диалог интенсивно обсуждаются в современном обществе на протяжении последних лет. Сегодня многие народы открыты для того, чтобы перенять иной культурный опыт, и одновременно сами готовы делиться с другими народами элементами собственной культуры. Это явление получило наименование «межкультурная коммуникация» [Садохин, 2014, с. 8].

В современном обществе, в университетах и вузах всего мира проводятся интенсивные исследования мультикультурализма и межкультурной коммуникации. В первую очередь, это связано с увеличением количества иностранных студентов в вузах, и ожидается, что их численность будет только возрастать. По этой причине формированию межкультурной компетенции в высшей школе отводится важная роль.

Очевидно, что мультикультурализм, как один из аспектов толерантности, заключающийся в гармоничном сосуществовании культур в целях их взаимного проникновения и обогащения, а также глобализация приобрели особую значимость для нашей страны [Захарова: Электронный ресурс].

Формирование культурной целостности неизбежно сопровождается возникновением проблем, связанных с неадекватным восприятием культурных различий представителями других культур и, зачастую, отсутствием толерантности. Например, одни и те же жесты могут иметь противоположное, а, зачастую, оскорбительное, значение. Естественные для одних народов вещи (выражение эмоций и громкая речь в общественных местах у европейцев) могут быть совершенно недопустимыми для других (Китай, Япония, Тайланд). Решение этих проблем будет способствовать быстрой адаптации и включению иностранных студентов в процесс обучения, увеличению их познавательной активности, а в результате – улучшению качества подготовки будущих специалистов [Авдониная, Бочкарёва, Булганина: электронный ресурс].

Многие исследователи указывают на первостепенное значение культурной составляющей в обучении, без которой невозможно взаимопонимание и построение диалога. Каждый народ видит мир через призму собственной культуры. Этот культурно специфический взгляд на мир отражается в языке, вербальном и невербальном [Тер-Минасова, 2008, с. 18].

В 90-е годы прошлого столетия появляется понятие «межкультурная компетенция». Межкультурно-компетентная личность должна обладать следующими качествами:

1. способностью увидеть взаимоотношения между разными культурами (как внешними, так и внутренними по отношению к обществу);
2. способностью быть посредником, интерпретировать одну культуру в терминах другой;

3. критическим и аналитическим пониманием собственной и иной культуры;

4. осознанием собственного взгляда на мир и того факта, что его мышление культурно детерминировано, а не только убежденностью, что его мировоззрение и понимание естественно.

К данной модели межкультурной компетентности, на наш взгляд, необходимо добавить такие компоненты, как знание языка, понимание связи языка с мышлением и страноведческие знания, что имеет большое значение для адекватного восприятия особенностей образа мышления людей, говорящих на том или ином языке.

Таким образом, межкультурная компетенция представляет собой сложное образование, включающие следующие компоненты: особенности мышления, отношения, знания, и умения, которые относятся как к родной, так и к изучаемой культуре [Понятие и структура межкультурной компетенции: электронный ресурс].

На основе анализа работ, посвященных практическим рекомендациям, способствующим формированию толерантного отношения к чужой культуре, можно выделить ключевые:

1. Относиться к чужой культуре с тем же уважением, что и к своей.
2. Пытаться понимать и уважать другую религию.
3. Уважать обычаи приготовления и принятия пищи, способы одеваться, не демонстрировать отвращения к непривычным запахам.
4. Не судить людей по цвету кожи и акценту.
5. Понимать, что у каждой культуры, какой бы малой она ни была, есть, что предложить миру [Формирование межкультурной компетенции: электронный ресурс].

Считается, что межкультурной компетентностью можно овладеть в процессе межкультурного общения, что и происходит при обучении иностранных студентов в вузах нашей страны. При этом у студентов могут возникнуть коммуникативные барьеры и непонимание, вызываемые различием в нормах поведения, восприятия и значимости. Коммуникативные барьеры могут возникать между студентами и преподавателями, администрацией и студентами, а также между администрацией учебного заведения и студентами... [Утехина, 2017, с. 32].

Трудно найти общую культурную модель, которая может быть адресована всем студентам. Так, малазийские исследователи считают, что религия – очень значимая часть межкультурной компетентности. Европейские же ученые считают наиболее важными компонентами межкультурной компетенции знания, эффективное взаимодействие, коммуникацию, уважение и толерантность.

Было выяснено, что трудности понимания у китайских студентов вызывают не только акцент, выбор слов и темп речи, но и язык тела, страноведческие знания, форма и содержание вопросов, интересы. Часто у студентов вызывают смущение уточняющие и поясняющие вопросы, в этом случае они прекращают говорить на тему диалога.

В Израильском образовательном учреждении исследовались факторы, оказывающие влияние на мультикультурализм среди арабских и еврейских студентов. Позитивные чувства были присущи еврейским студентам в большей степени, чем арабским.

Таким образом, существует множество примеров, доказывающих, что для каждой культуры характерны свои нюансы [Кочетков, 2001, с. 265].

Интегрированная модель компетенций межкультурной коммуникации включает 5 компонентов: позитивное отношение к людям другой культуры, мотивация, эмпатия, умение слушать и желание приобрести новый опыт.

Исследователи считают что, университетам следует устанавливать межкультурные коммуникационные нормы, которые снимут межкультурные ограничения. Мультикультурная образовательная программа должна быть в обучении студентов в высших учебных заведениях: например, университеты должны организовывать специальные адаптивные курсы, поскольку у студентов недостаточно знаний о других культурах, нет опыта общения с представителями иных культур. В качестве потенциальных тем для изучения обычно предлагаются следующие: «Эмпатия», «Межкультурная сенситивность» и «Межкультурный диалог» [Ekong, Kavookjian, Hutchison: Электронный ресурс].

Также подчеркивается особая роль конструктивистской педагогики при обучении межкультурной коммуникации. Специалисты рекомендуют использовать количественные и качественные методы: анкетирование, интервью, метод фокус-групп, оценочные технологии, интерактивные образовательные технологии, тренинги [Lupu, Anghel, Vîlcu: электронный ресурс].

Таким образом, анализ материала по указанной проблематике позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на многолетнее исследование проблем межкультурной коммуникации, тема продолжает оставаться актуальной. При довольно большом количестве теоретических исследований и адаптивных курсов по межкультурной коммуникации, существует недостаток литературы по формированию межкультурной компетенции и практических рекомендаций для построения грамотного межкультурного диалога, формирования межкультурной толерантности и межкультурной компетенции, без чего в современных условиях невозможно формирование неконфликтной образовательной среды.

Литература

1. *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. — М.: КИОРУС, 2014. — 254 с.
2. *Захарова А.М.* Межкультурная коммуникация в контексте глобализации // Гуманитарные научные исследования. — 2012. — № 10. [Электронный ресурс]. — URL — <http://human.snauka.ru/2012/10/1816>
3. *Авдонина Д.С., Бочкарёва Ю.В., Булганина С.В.* Проблемы адаптации иностранных студентов в российских ВУЗах // Современные научные

исследования и инновации. – 2016. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/11/74033>

4. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2008. – 624 с.

5. *Понятие и структура межкультурной компетенции.* [Электронный ресурс]. – URL: https://vuzlit.ru/869787/ponyatie_struktura_mezhkulturnoy_kompetentsii

6. *Формирование межкультурной компетенции.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfiles.net/preview/6277783/>

7. *Утехина А.Н.* Межкультурная дидактика: монография / Под ред. Т.И. Зеленина. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Флинта, 2017. – 280 с.

8. *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 416 с.

9. *Ekong Gladys, Kavookjian Jan, Hutchison Amber.* Predisposition for Empathy, Intercultural Sensitivity, and Intentions for Using Motivational Interviewing in First Year Pharmacy Students / Harrison School of Pharmacy, Auburn University, Auburn, Alabama // American journal of pharmaceutical education. – 2017. – № 81 (8). – P. 5989.

10. *Ramona Lupu, Alina Anghel, Marian Vilciu.* Constructivist Pedagogy and Alternative Teaching Methods for Intercultural Education / Valahia University of Târgoviște. // EIRP Proceedings. – 2014. – № 9 (1). – P. 341–346.

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ – РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА ПАТРИОТИЗМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Наговицына (Нижегород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
nagov@list.ru

Аннотация: Работа посвящена лингвокультурологическому анализу коннотативно-оценочного потенциала лексем, репрезентирующих концепт *ПАТРИОТИЗМ* в русском языке. Рассматриваются парадигматические, синтагматические и деривационные аспекты негативно- и позитивно-оценочной языковой объективации концепта в синонимах и антонимах, в коллокациях, в узуальных и окказиональных дериватах. Анализ показал, что носители русского языка в целом неоднозначно оценивают патриотизм, не воспринимая ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства.

Ключевые слова: концепт *ПАТРИОТИЗМ*, позитивная и негативная оценочность, языковая объективация, лингвокультурология, анализ концептов.

В работе обсуждаются промежуточные результаты очередного этапа предпринятого нами научно-исследовательского проекта по лингвокультурологическому описанию особенностей языковой объективации социально-значимого концепта *ПАТРИОТИЗМ*, начатого в работах [Наговицына, 2017; Наговицына, 2018]. Исследование базируется на теоретических принципах

анализа языковой концептуализации мира, изложенных в работах [Телия, 1996; Радбиль, 1999; Новые тенденции, 2014]. Использована методика анализа концептов, разработанная и апробированная нижегородскими учеными [Ручина, Горшкова, 2011; Радбиль, Сайгин, 2014; Жуковская, 2015; Радбиль, 2016].

Цель исследования – выявление коннотативно-оценочного потенциала лексем, воплощающих концепт *ПАТРИОТИЗМ*, в современном русском языке.

Уже на уровне совокупного смыслового наполнения концепта, составившего, по нашим данным, 17 когнитивных признаков [Наговицына, 2018, с. 159-160], можно видеть, что ряд из них, помимо чисто номинативного содержания, потенциально выражают оценочность. Причем концепты подобной повышенной ценностной значимости способны воплощать в национальной культуре не только положительные, но и отрицательные ценности.

Так, позитивно-оценочный потенциал выражают такие когнитивные признаки, как 1) любовь к Родине как к месту рождения, 2) любовь к стране, принявшей человека и признаваемой им самим в качестве таковой согласно своему внутреннему чувству принадлежности, 3) привязанность / преданность к месту своего рождения, месту жительства, 4) гордость достижениями и культурой своей родины, 5) желание сохранять её характер и культурные особенности, 6) идентификация себя с другими членами своего народа, 7) стремление защищать интересы родины и своего народа, 8) ответственность перед своим отечеством и своим народом, 9) нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради неё, 10) особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям, 11) *разг.* Преданность чему-л., горячая любовь к чему-л. (обобщенно-расширительное) и др.

В свою очередь негативно-оценочный потенциал выражают такие признаки, как 12) безусловное, некритичное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (со словом *квасной*, также = *ультрапатриотизм*), 13) чрезмерное и показное, аффектированное восхваление всего, что своё, «наше» в противопоставлении подлинному патриотизму, с отрицательной оценкой (= *ура-патриотизм*), 16) проявление идеологии и / или психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости (= *национализм*).

Таким образом, на 11 потенциально позитивно-оценочных признака приходится 3 потенциально негативно-оценочных.

Рассмотренный выше ценностный потенциал развивается в парадигматических, синтагматических и деривационных связях и отношениях, в которые вступают лексемы – репрезентанты концепта *ПАТРИОТИЗМ* как в системе русского языка, так и в особенностях ее речевой реализации. Механизмом языковой экспликации ценностного потенциала указанных лексем выступают национально-культурные коннотации, трактуемые нами в духе работ В.Н. Телия [Телия, 1996].

Существительные *патриот* и *патриотизм*, прилагательные *патриотичный* и *патриотический*, а также слова, производные на их базе, помимо своего прямого номинативного значения используются для выражения идеологических и ценностных приоритетов говорящего, моральных и политических взглядов и предпочтений, употребляясь в разных типах дискурса (прежде всего в рекламном, медийном и политическом) в целях речевого воздействия и даже манипуляции.

В силу того что положительный ценностный ореол достаточно ясен для концепта *ПАТРИОТИЗМ* на интуитивном уровне, здесь мы подробнее остановимся на возможности лексем – репрезентантов концепта *ПАТРИОТИЗМ* маркировать именно негативно-оценочные смыслы.

Развитие отрицательной оценочной семантики для концепта *ПАТРИОТИЗМ* основано на двух представлениях, характерных для русской национальной концептосферы в целом:

1) на неприемлемости показного, неискреннего чувства любви к Родине;

2) на неприятии чрезмерного, аффектированного выражения этого чувства, которому в русской культуре в норме предписано выражаться в мягком, приглушенном, интимном модусе (вспомним, например, характерное выражение Л.Н. Толстого «скрытая теплота патриотизма»).

Так, на уровне парадигматической реализации негативно-оценочный потенциал актуализуется за счет концептуальных сближений и расхождений лексем *патриотизм* и *патриот* с так называемыми «квазисинонимами» и «квазиантонимами» [Радбиль, 2016] типа *национализм*, *шовинизм* и пр., которые выражают гиперидентичность, идею превосходства своей нации над чужими, что позволяет в ряде контекстов противопоставить истинный патриотизм и национализм (шовинизм), т.е. эти слова на концептуальном уровне могут выступать не только как синонимы, но и как антонимы. См., например, контекст из интернета: «...*государство может воспитывать ложный патриотизм – национализм, шовинизм. Подлинным же патриотизмом является лишь тот, который не приносит зла другим народам и государствам*» (Д.И. Руденко) [SuperInf.ru: Информационная система для студентов: электронный ресурс].

На уровне синтагматической реализации негативно-оценочный потенциал выражается в устойчивой сочетаемости слов *патриот* и *патриотизм*, например, во фразеологизме *квасной патриотизм* и в свободной сочетаемости – *ложный патриотизм*. Фразеологизм *квасной патриотизм* представляет в русском языке ироничное выражение, обозначающее безусловное восхваление всего, что своё, «наше», противопоставленное подлинному патриотизму, допускающему неприятие отдельных эпизодов истории, исторических деятелей и тому подобного [Наговицына, 2017]. Ср. пример из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [НКРЯ: электронный ресурс]: «*На поверхность выходили показная демонстрация преданности Отечеству, квасной патриотизм, ложная, хвастливая оценка всех дел в стране*» (Э. Рязанов, Подведенные итоги, 2000).

Коллокация *ложный патриотизм* выражает негативно-оценочное противопоставление истинному патриотизму по признаку **ПОДЛИННОСТЬ – ЛОЖНОСТЬ, МНИМОСТЬ**, что также видим в контексте из НКРЯ: «Из всех щелей выползли клопы и собрались под знамя **ложного патриотизма**, ложного монархизма, ложнонационализма, а на самом деле — под знамя подхалимства, наживы и хулиганства...» (С. М. Волконский, Мои воспоминания, 1923-1924).

На уровне словообразовательной реализации негативная оценочность лексем, воплощающих концепт **ПАТРИОТИЗМ**, проявляется в узуальных и окказиональных дериватах (приставочных лексемах и сложных словах) на базе исходных *патриотизм / патриот* — *антипатриот(изм)*, *ультрапатриот(изм)*, *квази-/псевдопатриот(изм)*, *ура-патриот(изм)* и пр.

В словарях *анти-патриотизм* трактуется как 'враждебное чувство к отечеству'. Примеры из НКРЯ регулярно дают контексты реализации этой лексемы в негативно-оценочном регистре, что, впрочем, вполне ожидаемо: «Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылупился самый вульгарный и пошлый **антипатриотизм**» (С. Г. Кара-Мурза, Антисоветский проект, 2002); «Поэтому он отвечал не за **антипатриотизм** или саботаж, а за недисциплинированность или, как говорили в аппарате Берии, за хулиганство» (А. Д. Сахаров, Воспоминания, 1983-1989); «Обратите внимание: пока речь не идет о навязывании патриотизма. Наоборот, нам навязывают **антипатриотизм**. Вообще, я глубоко убежден, что любовь к Родине настолько сильное и глубинное чувство, что оно и само восстановится, только не надо мешать людям быть патриотами» (А. Неверов, ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: НЕ НАВЯЗЫВАЙТЕ АНТИПАТРИОТИЗМ // Труд-7, 2005).

Эта негативная оценочность наследуется и другими субстантивными и адъективными дериватами: *антипатриот*, *антипатриотический (антипатриотичный)* и пр.

Производные лексем *ура-патриотизм* и *ультрапатриотизм* отражают такую грань негативно-оценочного восприятия концепта **ПАТРИОТИЗМ**, как неприятие чрезмерности, излишней аффектированности в выражении этого чувства. Так, *ура-патриотизм* толкуется как показной и шумный патриотизм, безрассудно-самонадеянный, неосновательный, хвастливый, ложный патриотизм. Ср. в этом плане характерный контекст из НКРЯ: «**Ура-патриотизм**, конечно, сплачивает нацию, но смерть молодых соотечественников вдали от родины нужно как-то оправдывать» (О. Шевцов, М. Чижиков, Е. Умеренков, А. Кабанников, Буш разворошил иракский «муравейник» // Комсомольская правда, 2004).

Ультрапатриотизм трактуется как идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим, подчиняющая общечеловеческие интересы и ценности национальным интересам; национализм. Это отражается и в примерах из НКРЯ: «Я никак не националист, русский **ультрапатриотизм** отвратителен, от эмиграции — первой, второй, третьей, какой угодно, — меня часто мутит» (А. Д. Шмеман, Дневники, 1973-1983).

Другие неузуальные, не отмеченные в словарях неодериваты *квази-патриотизм / псевдопатриотизм* выражают то же негативно-оценочное значение, что на синтагматическом уровне выражала коллокация *ложный патриотизм* – по признаку неистинности, неискренности данного чувства. Об этом свидетельствуют примеры из интернета: «*Но информационная война против России продолжается, и русофобы просто сменили тактику. На смену откровенной русофобии приходит псевдопатриотизм*» [Военное обозрение: Электронный ресурс]; «<https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dHEPg-juSDwJ:https://politexpert.net/115563-svel-k-nulyu-kvazipatriotizm-ekspert-prokommentiroval-otkaz-usika-ot-zvaniya-geroya-ukrainy+&cd=13&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=opera>Свел к нулю *квази-патриотизм: эксперт прокомментировал отказ Усика от звания «Героя Украины»* [Политэксперт: электронный ресурс].

В целом анализ показал богатые возможности лексем – репрезентантов концепта *ПАТРИОТИЗМ* выражать культурно значимое ценностное содержание, причем в режиме как позитивной, так и негативной оценочности. Носители русского языка в целом неоднозначно оценивают патриотизм, не воспринимая порою ложный и показной, а также чрезмерно аффектированный характер патриотического чувства. Но при этом практически всегда негативно оцениваются его противоположности по любым смысловым основаниям – типа *антипатриотизм, космополитизм, шовинизм* и пр.

Литература

1. Жуковская Л.И. Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «менталитет / ментальность» в современном русском языке (по данным научных, энциклопедических и лексикографических источников) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 261–265.
2. Наговицына Н.В. Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 3. – С 156–160.
3. Наговицына Н.В. Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 120–131.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: www.ruscorpora.ru
5. *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 134–221.
6. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – 1999. – Вып.13. – С. 137–153.

7. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. Изд. 4-е. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 328 с.

8. Радбиль Т.Б., Сайгин В.В. Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. [Электронный ресурс]. – URL: www.science-education.ru/119-15195.

9. Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6-2. – С. 130–135.

10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

11. SuperInf.ru: Информационная система для студентов. [Электронный ресурс]. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1976.

12. Военное обозрение. [Электронный ресурс]. – URL: <https://topwar.ru/84725-psevdotriozizm-opuhol-na-tele-patriotizma.html/>

13. Политэксперт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://politexpert.net/115563-svel-k-nulyu-kvazipatriotizm-ekspert-prokomentirov-al-otkaz-usika-ot-zvaniya-geroya-ukrainy/>

ПОНЯТИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

*А.Д. Нгома (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
savenann@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросу формирования межкультурно грамотной личности, формированию её компетенций посредством опыта кросс-культурной и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация, межкультурная коммуникация, кросс-культурная компетенция, теория культурной грамотности, межкультурно грамотная личность.

Во второй половине XX в. формируется понятие *кросс-культурной коммуникации* и входит в научный обиход благодаря книгам Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация: модель и анализ» (1954) и «Немой язык» (1959) [Hall, 1959], которые повествуют о взаимозависимости культуры и коммуникации; и выводят эту область знаний на уровень специальной образовательной дисциплины.

На современном этапе развития видится обоснованное разграничение понятий «межкультурная» и «кросс-культурная» коммуникация. В работах Барри Томалина и его школы [Tomalin, 1994, p. 165] постулируется наличие

трех обязательных аспектов, знание которых необходимо, чтобы понять культуру чужой страны: 1) основная информация о стране; 2) жизненные принципы и ценности; 3) поведение жителей. Последний пункт, несомненно, предполагает наличие личных контактов между представителями различных культур. Опосредованное общение, например, посредством письменной речи не может позволить оценить полный спектр поведенческих моделей (в частности, имплицитные формы выражения, экстралингвистические факторы). Б.Томалин и Б. Херн определяют объем и содержание кросс-культурной коммуникации как речевое общение на базе устного и письменного языка, языка тела и речевого этикета («Communication can involve spoken and written language, body language and the language of etiquette and protocol») [Hurn, Tomalin, 2013, p. 2].

Выделяют пять основных этапов построения успешного взаимодействия с людьми, представляющими другие культуры, которые были условно ими названы «Пять К»:

- 1) культурные знания (осведомленность о повседневной жизни страны);
- 2) культурное поведение (поведение, характерное для данной культуры);
- 3) культурные ценности и жизненные принципы;
- 4) культурные предпочтения;
- 5) культурная адаптация (адаптация к новой культуре).

Только усвоение всего комплекса из «пяти К» будет способствовать уверенной и адекватной коммуникации личности с представителями других культур [Tomalin, 2007].

Как самостоятельную научную дисциплину кросс-культурную коммуникацию изучают в университетах штата Калифорния и Южного Иллинойса, более 10 лет лекции по введению в кросс-культурную коммуникацию читались профессорами Дианой Фассетт и Джоном Уорреном, которые являются авторами трёх совместных трудов по данной тематике и коммуникативной педагогике. В работе «Коммуникация: критический и культурологический вводный курс» (2010) ими предлагаются примеры практического использования навыков кросс-культурной коммуникации, которые способствуют формированию межкультурно компетентной личности. Авторы выделяют три основополагающих этапа данного процесса:

1. Формирование фундамента основополагающих принципов теории кросс-культурной коммуникации.
2. Принцип преемственности.
3. Разбор моделей, стратегий и примеров решения конкретных коммуникативных ситуаций.

Д. Уоррен и Д. Фассетт рассматривают коммуникацию, в первую очередь, как диалог, способ влияния на собеседника. В связи с этим в своей работе они вводят понятие «коммуникативное обучение», как способ формирования правильного построения монологической и диалогической речи студента, решения определенных задач коммуникативного характера.

Методология и основные методы теории кросс-культурной коммуникации обобщены в диссертационном исследовании И.В. Наместниковой

«Межкультурная коммуникация как социальный феномен» (2003). Автор утверждает, что, «как научная дисциплина, теория кросс-культурной коммуникации находится в стадии формирования и отличается двумя характерными особенностями: прикладным характером (цель – облегчение коммуникации между представителями различных культур, снижение конфликтного потенциала) и междисциплинарностью. Сегодня особенности кросс-культурной коммуникации изучаются на стыке таких наук, как литературоведение, культурология, психология, лингвистика, этнология, антропология, социология. Исследования по кросс-культурной коммуникации в последнее время приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции» [Наместникова, 2003, с. 5-6].

Отечественные исследования кросс-культурной коммуникации ориентированы в основном на западные научные традиции. В современной отечественной теории кросс-культурной коммуникации отчетливо выявляются следующие аспекты: «социологический (социальные, этнические и прочие факторы в межкультурной коммуникации); лингвистический (вербальные и невербальные средства коммуникации, языковые стили, способы повышения эффективности межкультурного общения); психологический (когнитивные и эмоциональные составляющие межкультурной коммуникации, ценностные ориентации и мотивации); коммуникативный (коммуникативные навыки и умения, управление конфликтами, развитие межгрупповых связей)» [Там же, с. 13].

Значимой, с точки зрения исследований в области межкультурной коммуникации, является работа отечественных авторов Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова и А.П. Садохина «Основы межкультурной коммуникации» (2002) [Грушевицкая, 2002]. Работа посвящена проблеме восприятия России глазами Запада, т.е. исследованию так называемых «национальных гетеростереотипов» (стереотипов о России и русском народе, существующих в других государствах). В работе постулируется набор качеств, характерных для «типичного русского» и отличающих его от западного человека.

В целом сегодня кросс-культурная коммуникация – это диалектический процесс, который находит органичный баланс между различными полюсами: интеграция ↔ дифференциация; универсализация ↔ партикуляризация; сотрудничество ↔ конфронтация, которые не противопоставлены антагонистически, а находятся в отношениях взаимообусловленности. Новые векторы развития кросс-культурной коммуникации основаны на исторически оптимистических постулатах, что мир становится единым, народы мира осознают возрастающее общекультурное значение достижений национальных культур для всего человечества, в плане формирования общечеловеческого культурного фонда. Поэтому отмечается явное улучшение качества межкультурного взаимодействия, рост взаимопонимания между культурами на цивилизационном, национальном, межгрупповом, межличностном уровне, что, к сожалению, не вполне подтверждается современными политическими отношениями.

Одним из центральных понятий теории кросс-культурной коммуникации является научное понятие *кросс-культурная компетенция*. Способность к эффективному взаимодействию между людьми разных культур спонтанно развивается в процессе опыта общения с представителями других культур, а также может быть целенаправленно воспитана посредством научения. Составными частями кросс-культурной компетенции являются эмоциональная отзывчивость и межкультурная восприимчивость.

Личность считается *межкультурно компетентной*, если способна понимать и принимать специфические модели восприятия, отношения к миру, мышления и поведения представителей иных, чуждых по отношению к данному индивидууму культур.

Понятие кросс-культурной компетенции основано на *теории культурной грамотности*, разработанной в трудах Э. Хирша. Согласно теории Э. Хирша, необходимым условием эффективной межкультурной коммуникации является «достаточный уровень культурной грамотности, который предусматривает понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры» [Hirsh, Krett, Trefil, 2002].

Важным моментом в концепции Э. Хирша является понимание того, что кросс-культурная компетенция вне коммуникации не существует, потому что уровень кросс-культурной компетенции выявляется только в конкретных коммуникативных ситуациях.

Э. Хирш исходит из того, что для успешной коммуникации с представителями чужой культуры индивидуум должен освоить некий необходимый культурный минимум знаний, которыми располагают его партнеры по коммуникации, представляющие чужую культуру. Для эффективной кросс-культурной коммуникации необходимо «глубокое знание различных культурных символов соответствующей национальной культуры». Именно этот фонд знаний стоит за языковыми значениями, он формирует содержание текстов и особенности реализации дискурса в рамках того или иного культурного сообщества.

Культурная грамотность призвана создать «дух коммуникативной кооперации», именно она обеспечивает специфические экстралингвистические знания, которые позволяют представителю той или иной культуры прочитать, например, газету и обнаружить при этом адекватный уровень понимания как эксплицитной, так и имплицитной информации, соотнести прочитанное с культурным контекстом. Культурная грамотность, согласно Э. Хиршу, «делает нас хозяевами стандартного инструмента познания и коммуникации, таким образом позволяя нам передавать и получать сложную информацию устно и письменно, во времени и пространстве» [Hirsh, Krett, Trefil, 1989].

В понятие культурной грамотности входит не только специфическая культурно-обусловленная информация, но и особенности мировосприятия в целом, присущие носителям той или иной культуры. Однако культурная грамотность – это не только культурно-специфическая информация, но и информация о мире в целом. В целом культурная грамотность выступает в ка-

честве наиболее динамичной составляющей межкультурной компетенции, которая нуждается в постоянном пополнении и обновлении текущей культурно значимой информации.

В целом отметим, что кросс-культурная коммуникация складывается из разных видов компетенций: *языковой, культурной и коммуникативной*. Поэтому для успешного и эффективного кросс-культурного взаимопонимания и взаимодействия необходимо согласованное соотношение между этими тремя уровнями. При выпадении хотя бы одного звена велика вероятность неадекватного понимания речи и поведения представителя иной культуры. Недостаточно только знания языка, потому что от человека, который владеет языком, в инокультурном обществе ожидают и соответствующего уровня культурной грамотности, а это не всегда совпадает.

В зависимости от соотношения степени владения тем или иным видом компетенции: *языковой, культурной, коммуникативной*, реализованного в конкретной коммуникативной ситуации, Э. Хирш выделяет следующие уровни кросс-культурной компетенции:

- необходимый для выживания;
- достаточный для вхождения в чужую культуру;
- обеспечивающий полноценное существование в новой культуре - ее «присвоение»;
- позволяющий в полной мере реализовать идентичность языковой личности [Hirsh, Krett, Trefil, 1989].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости опыта «кросс-культурной коммуникации» для формирования полноценной межкультурно грамотной личности, в то время как опосредованные контакты формируют знания в области «межкультурной коммуникации».

Литература

1. *Hall E.T.* The Silent language. – New York: Doubleday, 1959. – 205 p.
2. *Hirsh E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J.* The New Dictionary of Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. – Boston – New York: Houghton Mifflin, 2002. – 647 p.
3. *Hurn B.J., Tomalin B.* Cross-Cultural Communication. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 308 p.
4. *Tomalin B.* Cultural Awareness. – Oxford University Press, 1994. – 165 p.
5. *Tomalin B., Nicks M.* The World's Business Cultures and How to Unlock Them, Thorogood Publishing. – London, 2007. – 268 p.
6. *Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации: Уч. для вузов / Под ред А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
7. *Наместникова И.В.* Межкультурная коммуникация как социальный феномен: Дисс... докт. филос. наук. – М., 2003. – 330 с.

НОВИЗНА НЕОЛОГИЗМА — ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ИЛИ КОННОТАЦИЯ? К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

О. А. Никитина (Тула)

Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого
kortschigo@mail.ru

Аннотация: В статье изучаются различные подходы к пониманию новизны неологизма. В рамках конкретно-исторической концепции речь идет об объективной новизне, маркирующей слово по времени его возникновения в конкретном языковом пространстве. В то же время, новизна может рассматриваться как коннотация слова, складывающаяся из совокупности ассоциаций, среди которых предлагается выделить агнонимические, миративные и когнитивно-метафорические.

Ключевые слова: неологизм, новизна, коннотация, ассоциация, концептуальная метафора.

Неологизм (от греч. *neos* – «новый» и *logos* – «слово») – понятие, в самом названии которого уже запрограммирована характеристика новизны. Однако вопрос о сущности новизны слова остается дискуссионным. В данной работе мы попытаемся путем анализа различных подходов приблизиться к пониманию феномена новизны неологизма. Обсуждаемые теоретические положения иллюстрируются с помощью примеров из корпусов «Das Deutsche Referenzkorpus» [DeReKo, 2019].

На протяжении второй половины XX века произошло становление двух взаимосвязанных отраслей научного лингвистического знания – неологии и неографии. Стремление определить объект изучения неологии по способу его интроспективного обнаружения привело к тому, что основным критерием, положенным в основу определения неологизма, изначально стало «ощущение новизны» при восприятии слова. Так, в определении А.В. Калинина сказано, что неологизмом «называют обычно не просто новое, а очень новое, новенькое, совсем недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими» [Калинин, 1978, с. 114]. Точка зрения на неологизм как на слово с «ощущаемой» новизной или свежестью получила в неологии распространение как «стилистическая теория» [Попова, 2005, с. 4–5; Котелова, 2015, с. 187]. Однако, невозможность объективной словарной кодификации новых слов по признаку «ощущение новизны» заставила ученых обратиться к поиску других, имманентных параметров объекта исследования. В установлении онтологических критериев неологизма главная заслуга принадлежит, безусловно, основоположнице отечественной неологии и неографии Н. З. Котеловой. В ее конкретно-исторической концепции неологизм определяется по трем критериям: времени появления, социально-языковому пространству и типу новизны слова [Котелова, 2015, 189–192]. Учет этих аспектов позволяет выявлять и описывать неологизмы достаточно корректно и

объективно, что подтверждается многолетней отечественной и зарубежной неографической практикой.

В конкретно-исторической концепции речь идет, таким образом, об экзистенциальной новизне, маркирующей слово по времени его фактического возникновения в конкретном языковом пространстве. При таком подходе новизна неологизмов объективна и утилитарна, то есть имеет сугубо практический характер: она может быть с определенной степенью достоверности установлена путем лингвистического (например, корпусного) анализа, что, в свою очередь, важно, например, для своевременной фиксации неологизмов в словарях. Вместе с тем, неологизмам присуща и другая новизна, которая в различных исследованиях получает такие обозначения, как «экспрессивность новизны», «стилистический заряд новизны», «окраска новизны», «ореол новизны», «печать новизны» и т. п. Данные обозначения, выбираемые лингвистами, по-видимому, не случайно, приводят нас к вопросу о возможности рассмотрения новизны слова как лингвопрагматического, коннотативного феномена. В контексте данной работы наиболее приемлемым является понимание коннотации как способности лексической единицы вызывать в высказывании ассоциации, носящие смысловой и эмоциональный характер и объединяющие говорящих в определенном содержательном направлении.

В современном обществе категория нового имеет, безусловно, высокий статус. Влечение к новизне («кайнерастия» [Сосланд, 2006]) становится своеобразным ориентиром в системе ценностей современного человека. «Новолюбивый» взгляд на мир во многом определяет и коннотативную сущность новизны слова: неологизмы неизбежно попадают в фокус особенно пристального внимания участников коммуникации, становятся дискурсивными аттракторами.

В качестве основных компонентов коннотации новизны можно рассматривать ассоциации агнонимического и миративного характера. Агнонимичность как антропоцентрически обусловленное качество лексической единицы определяется мерой ее незнания носителем языка [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 76]. Агнонимические ассоциации возникают в процессе вхождения нового слова в пространство субъективного знания языковой личности: оппозиция «знаю» (известное слово) – «не знаю» (новое слово) получает особое прагматическое наполнение. Миративные (лат. *miratio* – удивление) ассоциации возникают как когнитивно-эмоциональная реакция на регистрируемое сознанием языковой личности отклонение от языковой нормы при встрече с новым словом. В результате сопоставления информации, уже являющейся частью лексикона и тезауруса языковой личности, и информации новой, еще не включенной в актуальную языковую картину мира, возникает ситуация эпистемической неожиданности. Например: *«In den letzten Wochen ist ein Wort in Umlauf gekommen, das ich bisher nicht kannte <...>: der Russlandversther. Beim erstmaligen Hören hatte ich geglaubt, Russlandversther würde anerkennend gebraucht <...>. Was mich überraschte und verwunderte, war der herabsetzende Sinn, in dem dieses Wort gebraucht wurde»* (Süddeutsche Zeitung, 29.03.2014).

В качестве следующего компонента, участвующего в формировании коннотации новизны, можно рассматривать ассоциацию с «внутренним временем жизни» слова. Эта ассоциация вырастает на почве концептуальной метафоры СЛОВО – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ: «мир слов, сопряженный с человеческим сознанием и объективным миром, представляется языковым самосознанием как самостоятельный мир, в котором существует свое лингвистическое время, относительно которого отсчитывают свой срок лексические единицы» [Вепрева, 2005, с. 128]. Начало «жизни» нового слова маркировано при этом не столько фактической датой появления, сколько временем вхождения в приватный лексикон и прагматикон языковой личности. Онтологическая метафора «жизни» слова выступает как важный способ структурирования восприятия языковой личностью процессов неологизации: узнавая, идентифицируя и принимая (или не принимая) новую лексическую единицу и стоящее за ней концептуальное содержание в свой лексикон и тезаурус, языковая личность категоризирует ее по законам течения внутреннего словесного времени как единицу в фазе «детства» или «юности». Например: «*Als in Stuttgart über Monate hinweg Zehntausende Menschen auf die Straße gingen, war schnell der Begriff vom Wutbürger geboren.* (Süddeutsche Zeitung, 19.06.2012); *Man könnte sagen, es handelt sich um einen Shitstorm. Das ist ein relativ neues Wort, es bezeichnet ein Internet-Phänomen, bei dem massenhafte öffentliche Entrüstung sachliche Kritik mit zahlreichen unsachlichen Beiträgen vermischt.* (Die Welt, 04.04.2012); *John Travolta als Vincent Vega ist zu einem Meme geworden. Das ist ein junges Wort*» (Süddeutsche Zeitung, 15.12.2015).

Метафоричность концептуализации действительности обуславливает еще один аспект коннотации новизны – ассоциацию со «свежестью» нового слова. В ее основе лежит онтологическая метафора СЛОВО – УТИЛИТАРНЫЙ ПРОДУКТ: в соответствии с ней новое слово рассматривается как продукт, фабрикат, недавно выпущенный на «рынок» языкового употребления и еще не «затертый» долгим использованием. Например: «*Seit einiger Zeit ist für den Euro-Stabilitätsfonds das Wort Rettungsschirm in Gebrauch. Überschuldete Staaten soll er vor der Zahlungsunfähigkeit bewahren*» (Märkische Allgemeine, 14.04.2012); «*Achtsamkeit ist ein Wort, das recht frisch aus der Schmierseifen-Wortfabrik in unsere Alltagssprache gerutscht ist*» (Süddeutsche Zeitung, 10.05.2014).

Вероятно, интенсивность агномимических и миративных ассоциаций угасает относительно быстро по мере распространения неологизма (по принципу «уже знаю и не удивляюсь»), однако когнитивно-метафорически обусловленные ассоциации определяют особую маркированность новой лексики в сознании носителей языка на протяжении всего периода узуализации.

Резюмируем наши наблюдения. Коннотация новизны представляет собой характеризующий, но не определяющий признак неологизма. Новые слова отличаются от других существующих слов агномимическими, миративными и когнитивно-метафорически обусловленными ассоциациями, которые они вызывают в языковом сознании носителей языка. Эти ассоциации субъективны и варьируются в известных пределах в зависимости от возраста,

языкового и культурного опыта, образования, профессии конкретного человека, но, тем не менее, в определенный временной период во многом совпадают у представителей одного и того же языкового сообщества. Неологические ассоциации неустойчивы и преходящи, но на протяжении периода узурпации входят в прагматическую зону нового слова, формируя его аксиологический потенциал.

Литература

1. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.
2. *Калинин А. В.* Лексикология русского языка. — М.: Издательство Московского университета, 1978. — 232 с.
3. *Котелова Н. З.* Избранные работы. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 276 с.
4. *Морковкин В. В., Морковкина А. В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М.: Астра Семь, 1997. — 415 с.
6. *Попова Т. В.* Русская неология и неография. — Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. — 96 с.
7. *Сосланд А. И.* Влечение к новизне: теория и практика // Знание – сила. — 2006. — № 8. — С. 40-46.
8. *DeReKo. Das Deutsche Referenzkorpus.* – Institut für Deutsche Sprache Mannheim, 2019. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/>

ФОРМА – ЖАНР – ФОРМАТ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ МЕДИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

А.Г. Пастухов (Орёл)

Орловский государственный институт культуры
alexander.pastukhov@yandex.ru

Аннотация: Возможности репрезентации медийных предложений во многом определяется функционированием композиционных форм и жанров. С ростом их количества и уплотнением массмедийной коммуникации целесообразно внести некоторые понятийные и структурные различия в отношении текстов традиционных и электронных медиа, а также тех новаций, что возникают в сфере актуального жанрообразования. Термин *формат* не только отражает сложившуюся жанрово-типологическую парадигму, но и определяет сущностные свойства медиатекста, его социальную значимость и прагматико-эмоциональный заряд.

Ключевые слова: композиционная форма, жанр, формат, медиатекст, медиасхема, медиаформат, рессорт.

Введение. Особенности современной массмедиаальной коммуникации. Одной из ключевых тенденций в современной коммуникативистике является ревизия методологического аппарата и предметной области исследо-

ваний медиатекстов. Широко обсуждаются возможности учёта мультимодальных свойств медийного текста при анализе его семантического, синтаксического и прагматического потенциала, и, как следствие, проблем типологизации, жанровой спецификации и рецепции медиатекстов [Кожемякин, 2019, с. 5].

В анализе медийных текстов область медиа и область производства текста в значительной степени пересекаются. Обе эти сферы порождают динамику научных дисциплин, касающихся создания продуктов медиа. Социология, политология, экономика, психология и т.д. изучают фон производства текста, в то время как лингвистика занята изучением языка и специфики его применения.

Достаточно новая отрасль – медиалингвистика – выполняет в этом смысле роль раздела, концентрирующего своё внимание вокруг использования языка (медиа речи) и анализа распространённых коммуникативных форм журналистики, транслируемых посредством печатных и электронных медиа. Медиатизация речи касается самых различных сфер: публичной речи, новостей, пропаганды, рекламы и т.п., предметом анализа в которых становится именно медийный контент, способы его предъявления, а также социальные роли посредничества (сфера компетенции, радиус и механизмы воздействия и т.п.), возникающие между журналистом и аудиторией.

На перекрестке дисциплин, связанных с исследованием медиа, возникает целое поле пересечений медиалингвистики, медиасоциологии, медиаменеджмента, медиаправа, медиапсихологии и др., активно вносящих свой вклад в изучение коммуникативно-речевых форм, жанров, типов текстов, текстовых адаптаций, форматов, что естественно в процессе создания алгоритма успешного медиапродукта. Оговоримся, что финализирующим моментом в этой схеме является внутренняя роль медиа, которая заключается в регулировке способов производства и представления новостей, а также в принятии решений журналистами и редакторами, которые по своему усмотрению определяют формы представления, что, по сути, делает их важнейшими акторами действующих в обществе социальных практик.

Знание о медиа и лингвистическое знание. С лингвистической точки зрения субъекты медиа имеют дело с чрезвычайно сложными контекстами производства медиатекста. Современная массмедийная коммуникация активно влияет на расширение (распространение) коммуникативных форм и форматных адаптаций. Предлагаемые темы (*топики*) полностью сконцентрированы на свои целевые аудитории, и поскольку субъекты отдалены друг от друга, всё больше споров вызывает не только их лингвистическая составляющая, но и социальные, организационные, институциональные, экономические или технологические аспекты производства медиатекста [Ronneberger, 1997, S. 21].

Роль языковых факторов в этом процессе затрагивает все стороны производства сообщения, находящегося между языком, его знаковым характером и собственно продуктом (текстом); взаимодействие знаковых систем и подсистем в значительной мере определяет направление развития средств

массовой информации в целом [Perrin, 2011, S. 271]. Но ещё в большей степени это касается *медиа речи*, как фактора социализации, а с ней и лингвистической критики, стилистики, риторики и т.п., которые «захватывают» родственные функциональные подсистемы (сравн.: *медийный стиль*). Не случайно, что в этой исследовательской парадигме *язык* сначала раскрывается структурно, как таковой, затем как генерация, как продукт динамических процессов, а затем прагматически, как средство социально ориентированного действия.

В этом смысле кастомизация медиаконтента и совершенствование возможностей трансляции медийного продукта в информационном обществе трансформируют сущность аудитории потребителей: соучастие аудитории в создании медиаконтента позволяет констатировать особое сочетание в лице потребителей и социальных акторов [Зверева, 2013, с. 49].

Медиасхемы как правила действий для журналистов и реципиентов. Медийные схемы характерно регулируют способы производства сообщений и действия журналистов. Они определяют креативные возможности коммуникативных форм в медиа. В зависимости от технологических решений медиа варьируют формы её репрезентации, которые опосредованы социальными практиками. По этой причине наше медийное мировоззрение основано больше на теме, чем на способе презентации. Соответственно, для оформления публикаций журналисты используют различные формы или жанровые стандарты (*сообщение, репортаж, комментарий, глосса*), которые вполне укладываются в понятия *формы* или *жанра*. Последние, а также способы их рецепции, зависят от медианосителя. З. Шмидт и З. Вайшенберг не без основания говорят о продвижении «схем медиа», регулирующих их работу в отношении производства, посредничества, приёма и обработки информации [Schmidt, Weischenberg, 1994, S. 214–215] для достижения в итоге т.н. *мультимодусного дизайна* текста [Пастухов, 2016b, с. 50–51].

Возникновение новых медиа и эволюционирование их форм, развитие семантического Интернета довершили процесс демассификации и привели к точечной, персонализированной стратегии распространения информационных продуктов. Это создает почву для возникновения «крафтовых» медиа, ориентированных на локальные сообщества, которые выделяются по ментальному принципу, соответствующему особому восприятию современного мира [Болдырева, 2018, с. 77].

Переизбыток медиапредложений (если бы они не были привязаны к жанрам, то о них пришлось бы говорить как о случайных явлениях) по своему регулирует способ медиапроизводства. *Медиасхемы* достаточно типичны в этой ситуации и ориентированы на любые инициации, связанные с медиа, в то время как действия журналистов больше определяются технологическими условиями, варьируются, вплоть до конституирования в обществе особых практик адаптации и декодирования (*значимость, частота упоминания, однозначность, этаблирование, этноцентризм, персонализация, сенсационность, элитарность, негативизм* и др. [Пастухов, 2009, с. 255–260]).

Медиасхемы таким образом структурируют ожидания аудиторий с точки зрения их содержания и формы. Подобные ожидания вполне поддаются унификации, т.к. в них схематично и почти одинаково происходит ориентация читателя на текущие политические, экономические, культурные и другие события. Иными словами, медиасхемы регулируют эти ожидания и являются индикаторами обновлённых медиапредложений. При этом читатели учатся использовать их в отношении тех или иных жанровых форм, распознавать, облегчая себе актуальную ориентацию в организационной структуре медиа.

Жанры как формы практической журналистики. Жанр, как его принято определять – это изобразительная техника, которая не является продуктом длительного пользования (иначе бы они (жанры) не могли иметь регулятивной функции). Креативные формы жанра непрерывно изменяются; они отдают дань моде, что является стандартом коммерциализированной медиасистемы. Среди новых жанров возникают гибридные форматы, которые располагаются между информацией и развлечением, поэтому во многих случаях журналистика становится ремеслом, требующим глубокого предметно-ориентированного знания, необходимого как для анализа произведения или культурного события, так и для характеристики личности или культуры в целом [Пастухов, 2016а, с. 165].

Как уже упоминалось, интересующий читателя медиаконтент сегодня можно найти в совершенно разных формах представления. При этом важно обращение ко всему комплексу журналистских форм или жанров. Журналистская форма – это «формально закрепленный приём оформления материала, предназначенного для публикации в средствах массовой информации» [Reumann, 1997, S. 91]. За пределами классических медиа (газеты, журналы, радио, телевидение) формы журналистского представления условно разделяются на пять групп: информационные, интерпретирующие, формирующие мнение, креативные (развлекательные), художественные. В дополнение к ним можно найти и те, что не подлежат чёткой дифференциации [Pürer, 2003, S. 190]: *ток-шоу, сериалы, новости, прямые эфиры, гляцевые журналы* и т.д.

Вот почему возможность жанровой классификации является преимущественно эмпирической, и по этой причине не всегда точной. Границы между традиционными жанрами соблюдаются лишь отчасти: замечено, что ежедневные газеты имеют тенденцию к использованию смешанных форм, что объясняется превалированием в них информационных жанров, объединяющих значительное количество взаимоперекрещивающихся компонентов [Lüger, 1995, S. 152].

В эмпирических приложениях, которые, наряду с жанровыми подходами, стремятся решить задачу классификации, на передний план выходят т.н. "смешанные и переходные" формы. Они отмечены непреодолимым различием в фиксации собственно жанра и каждодневной журналистской практикой, обнаруживающей всё больше отклонений от стандарта и демонстрирующей в ряде случаев признаки их распада [Schröder, 2003, S. 259].

Создание новых жанров или гибридных форматов таким образом не плохо встраивается в конвенциональную систему, расположенную между «информацией / информационно-развлекательной и развлекательной и/или художественной литературой» [Gerhards, Klingler, 2011, S. 53]. Важным моментом в ней является то, что в современных медиа очень сложно сделать различие между информационными и мнениеформирующими текстами [Burger, 2003, S. 224]. Более того, в традиционных медиа при отсутствии общего согласия интуитивно ощущается необходимость в поддержании стабильности, хотя бы в таких жанрах, как: «сообщение», «репортаж», «критика», «комментарий» и т.д. Это относится и ко вновь институционализированным продуктам [Weiß, 2002, S. 262], которые, напротив, в качестве достижения *новой журналистики* симптоматично востребуют примитивные форматы, связанные с лёгким информированием и развлечением. Формы репрезентации в них становятся более размытыми; они перемежаются с «мягкими» новостями, сдобренными неглубокими рефлексиями человеческих историй.

Данная тенденция касается и политических тем. Они часто выглядят «приглаженными», отчего для действующих субъектов – политических акторов – всё более актуальным становится выбор медиа, в котором они транслируют «свои» темы, очерчивают условия их создания, регулируют (дозируют) контакт с журналистом и т.п. В этом случае контексты, методы производства и форматы оказываются тесно взаимосвязанными [Jarren/ Donges, 2011, S. 260].

Форматы в медиа. Динамика журналистики предоставляет очевидные возможности превращения текста из твердого тела в другие состояния, позволяя ему плавно перетекать в новые формы и форматы, обозначая перспективы читательской рецепции [Пастухов, 2015, с. 149]. Весь репертуар медийных сообщений представлен в большом разнообразии форм представления, так что даже с помощью системы журналистских жанров данное многообразие вряд ли подлежит действительному упорядочению.

Необходимо признать, что границы между группами форматов существуют весьма условные, а их функции детерминированы интенциями пользователя. Форматы представляют собой отражение позиций автора, правил и логики информации, подаваемой в узнаваемой форме. В основе концепта *медиаформат* в научный обиход вводится некий конструктивистский приём, который позволяет более адекватно структурировать информацию в обозначенных временных и пространственных рамках. В соответствии с этим форма подачи и трансформация традиционного жанра отражает новые информационные, интерпретативные и оценочные дезидераты.

Наряду с издержками медиаанализа, акторами медийного рынка постоянно создаются ресурсы этаблирования текста и «отливки» его в соответствующие формы. *Форматы* по-новому определяют правила и логику сообщения, преобразуют информацию в узнаваемые формы для конкретного (медиа) носителя. Отметим, что концепция *медиаформата* основана на конструктивистском предположении о том, что функции медиа выходят за рамки

передачи информации и зависят от её структурирования внутри временных и пространственных границ [Пастухов, 2018, с. 52]. Соответственно, появление медиажанра и, как результат, медиаформата ещё в большей степени ранжирует информацию и связанные с ней интерпретативно-оценочные ожидания [Pfetsch, 1998, S. 650].

Новые форматы не только меняют привычную схему работы журналиста, но и дают возможность «говорить» с максимально большим количеством таких же потребителей информации без какого-либо активного посредничества. Классификация и организация содержания медиатекста кристаллизуется также в *рессортах* (сравн.: *политика, экономика, культура, местные новости, спорт* и т.п.) [Пастухов, 2018, с. 50]. Хорошо известные нам сегодня, они дифференцировались в специализированные отделы соответствующей тематики. При этом общие свойства формата как упорядоченной программной структуры и как схемы передачи информации, подтверждают его роль как регулярно повторяющегося сочетания фрагментов аналитического, директивного и развлекательного характера.

Медиаконтент, который в структурно-организационном плане является упорядоченным и тщательно выверенным, значительно облегчает восприятие и пользование любым ресурсом. Так, внутренне структурирование газет на отделы (в немецкоязычной терминологии *Sparte* и *Ressort*) отражает действие шаблонов в деятельности редакций, т.к. читатель хочет быстрее найти соответствующий контент (попутно он может заинтересоваться и другим контентом, который, возможно, он не искал, но счёл его заслуживающим внимания). Такими рессортами являются *Politik, Wirtschaft, Lokales, Kultur, Sport* и др. Есть газеты, которые публикуют материалы в границах более частных отделов: *Medien, Wissenschaft/ Technik, Umwelt, Recht, Ratgeber* и др. Распределение контента принято в журналах для общих аудиторий (*политика, бизнес, деньги, общество, культура, люди* и т.д.). В каждом конкретном случае такое деление подчинено своей внутренней, содержательной логике.

Заключение. Таким образом, формат в медиа означает нечто большее, чем, например, простое упорядочение текстов. При этом вполне понятна и достаточно очевидна мысль о том, что медиатекст характерно испытывает на себе влияние медийных форматов. Действие медиаформатов и медиасхем свидетельствует также о происходящих процессах переустройства медиальных структур, выступающих не просто «шаблонами для упорядочения и разработки программы действий». Перед ними стоит задача установления типа медиа, т.е. той программной структуры, которая нуждается в фиксации своего пространства на основе повторяющейся формы, позволяющей идентифицировать конкретный медиатекст, отличать его от других и т.п. Повторяющаяся схема предъявления текста отвечает в целом привычкам читателей; при этом сложность и разнообразие предложений редуцируются адресными группами: возможность найти содержание в определённое время облегчает решение информационных, развлекательных или образовательных задач. Наряду с содержанием, формой и частотой их появления в массовых

аудиториях происходит т.н. «этикетирование» медиатекста и конкретного медиаканала, а с ними создания базы для её экономического успеха.

Систематический и повторяющийся порядок предъявления контента одинаково важен как для печатных, так и для электронных медиа. Он необходим и для идентификации текста, ведь участники медиарынка закрепляют за ним определённое трансляционное пространство, соподчиняют ресурсы создания контента и производственную деятельность журналистов. И это не просто попытка навязать тему или интерпретацию, это – стремление в практическом плане повлиять на обновление презентационных форм. Не случайно, что политики и редакторы, заинтересованные в тематизации события и преследующие при этом свои информационные интересы, используют системные знания о медиа как ключевую предпосылку своих действий. Они активно привлекают обобщения базовых структур, что в сочетании с медиаанализом и отлаженным медиаменеджментом, позволяет прийти к оптимальной с их точки зрения модели, способной в итоге обеспечить эффективную работу медиа на длительную перспективу.

Литература

1. *Болдырева Т.В.* Феномен "крафтовых" СМИ // Поволжский педагогический вестник. Самарский государственный социально-пед. ун-т. – 2018. – Т.6. – № 1(18). – С. 76–81.
2. *Зверева Е.А.* Новые медиаформаты трансляции контента журнальных изданий // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2013. – Т. 12. – №10. – С. 49–55.
3. *Кожмякин Е.А.* К вопросу о методологии анализа мультимодальных текстов // Тексты нового века: мат-лы Межрегион. круглого стола / А.Г. Пастухов и др. (отв. ред.). – Орёл: Орл. гос. ин-т культуры, 2019. – С. 5–7.
4. *Пастухов А.Г.* Ресурсы информационного доминирования: анализ 'формата' новостных сообщений // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – вып. 7 / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орёл: ОГИИК, ООО ПФ "Оперативная полиграфия", 2009. – С. 248–263.
5. *Пастухов А.Г.* Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий // Учёные записки Орловского гос. университета. – 2015. – № 5 (68). – С. 148–153.
6. *Пастухов А.Г.* Новая «культурная журналистика»: жанровые форматы vs. медийные предложения // Вестник Нижегородского государственного лингв. университета им. Н.А. Добролюбова. – 2016а. – Вып. 35. – С. 163–170.
7. *Пастухов А.Г.* Смешанные жанры журналистики vs. мультимодусный дизайн медиатекста? // Язык и дискурс СМИ в XXI веке / под общ. ред. М.Н. Володиной, И.М. Кобозевой. – М.: МАКС Пресс, 2016б. – С. 49–52.
8. *Пастухов А.Г.* *Sparte* и *Ressort* в немецком жанроведении // Медиа-Альманах. – 2018. – №5(88). – С. 46–57.

9. *Burger Harald*. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3. Aufl. – Berlin: Walter de Gruyter, 2005. – 486 S.
10. *Gerhards Maria, Klingler Walter*. Sparten- und Formattrends im deutschen Fernsehen. In: *Media Perspektiven*. – 2011. – (1). – S. 36–54.
11. *Jarren Otfried*. Politikberichterstattung als Ergebnis von Aushandlungsprozessen. In: *Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft. Eine Einführung*. (eds.) Jarren, Otfried, Donges, Patrick. 3., überarb. u. aktual. Aufl. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 283 S.
12. *Lüger Heinz-Helmut*. Pressesprache. 2., Auflage. – Tübingen, 1995. – 180 S.
13. *Perrin Daniel*. Wissen zu Medien oder Wissen zur Sprache / H. Pürer // Publizistik- und Kommunikationswissenschaft: Ein Handbuch. – Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2003. – 597 S.
14. *Pfetsch Barbara*. Formate / O. Jarren, U. Sarcinelli & U. Saxer (Eds.) // *Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft; Ein Handbuch mit Lexikonteil*. – Opladen, 1998. – S. 716–717.
15. *Pürer Heinz*. Publizistik und Kommunikationswissenschaft. Ein Handbuch. – Stuttgart: UTB, 2003. – 598 S.
16. *Reumann Kurt*. Journalistische Darstellungsformen / Noelle-Neumann, Elisabeth, Schulz, Winfried, Wilke, Jürgen (Hrsg.) // *Fischer Lexikon Publizistik- und Massenkommunikation*. – Frankfurt am Main. Fischer Taschenbuch Verlag. 1997. – S. 91–116.
17. *Ronneberger Franz*. Wegemeister einer interdisziplinären Kommunikationswissenschaft. Autobiographische Fragen an Franz Ronneberger von Manfred Rühl / A. Kutsch, H. Pöttker (Hrsg.) // *Kommunikationswissenschaft – autobiographisch. Zur Entwicklung einer Wissenschaft in Deutschland*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – S. 21–35.
18. *Schmidt Siegfried J., Weischenberg, Siegfried*. Mediengattungen, Berichterstattungsmuster, Darstellungsformen / K. Merten, S.J. Schmidt, S. Weischenberg (eds.) // *Die Wirklichkeit der Medien*. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1994. – S. 212–236.
19. *Schröder Thomas*. Die Handlungsstruktur von Texten. Ein integrativer Beitrag zur *Texttheorie*. – Tübingen: Narr Verlag, 2003. – 276 S.
20. *Weiß Ralph*. Publizistische Medienprodukte – im Blick der Kommunikationswissenschaft / O. Jarren, H. Weßler (eds.) // *Journalismus – Medien – Öffentlichkeit. Eine Einführung*. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. – S. 241–321.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВΟΣЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ СТЕПЕНИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

С.В. Постникова, В.Н. Егорова (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
svetpost11@mail.ru, viktorija-egorova@yandex.ru

Аннотация: Основной функцией интенсификации высказывания является прагматическая функция усиленного воздействия на реципиента. Выбор интенсифицирующих средств субъективен и базируется на коммуникативной задаче говорящего, порождающей дальнейшее субъективное развитие конкретной ситуации. В статье рассматриваются такие языковые средства выражения интенсификации проявления признака как сложные слова и отсубстантивные дериваты, взаимосвязь составляющих компонентов которых основана на реализации валентности.

Ключевые слова: интенсивность, интенсификатор, словосложение, деривация.

Познание внеязыковой действительности, выделение у наблюдаемых объектов признаков и особенностей их взаимосвязи – процесс мыслительной деятельности, который неотделим от субъективно-оценочного восприятия познанного. Классифицирующая деятельность сознания позволяет соотносить формируемые образы, представления с ментальными единицами определенного ранга обобщения (например, с концептами, фреймами и т.д.). Последние вербализуются в языковой картине мира, нередко с помощью целой системы разноуровневых средств выражения определенного концептуального содержания, соотносимого в том числе с модусной характеристикой предметов, действий, ситуаций и выявляемых у них признаков. При этом субъективная оценка нередко включает элемент интенсификации, под которой понимается степень усиления/ослабления проявления признака [Безрукова, 2004, с. 39] относительно принятой языковой нормы [Языкознание. БЭС, 1998, с. 337] или иначе, относительно ординарного показателя на шкале интенсивности [Безрукова, 2004, с. 45].

Ярко выраженный когнитивный, а также прагматически обусловленный характер интенсификации предопределил ее активное использование в дискурсе. При этом язык как функциональная система располагает целым рядом разноуровневых единиц, соотносимых с концептуальным содержанием данного явления.

Так, на лексическом уровне можно выделить достаточно частотное количество единиц различной частеречной принадлежности, парадигматическое значение которых изначально включает доминантную исторически зафиксированную в концептуальной картине мира сему интенсивности (*Riese, super, schreien, rasen, kriechen* и т.п.).

В то же время стремление творчески использовать этот важный иллюкативный момент в спонтанном устном языке, в художественных

произведениях и в публицистике, как представляется, в принципе возможно при реализации определенных закономерностей формирования интенсифицирующего значения.

Как показывает анализ иллюстративного материала, функциональная перекатегоризация в данном направлении возможна при метафорическом переосмыслении образа, включающим элемент гиперболизации. Это является, в частности, следствием использования лексической единицы в несвойственной ей лексико-семантической дистрибуции, когда вербальный контекст выполняет функцию катализатора анализируемого явления. Например, «*Ein Orkan von Geschrei fegte empor*» [Kellermann, 1969, S. 292], «*In New York aber erwartete ihn schon wieder ein Berg von Arbeit*» [Kellermann, 1969, S. 137], «*Dass ihre Uni schon neun Monate später mit einem lauten Knall aus dem Rennen fliegen wird, ahnt heute noch niemand*» [Zeit Online: электронный ресурс].

Как видно, системообразующим фактором в данном случае является сама природа метафоры как «эффекта несбывшегося ожидания» [Meier, 1963, S. 7]. Этот момент, лежащий в основе гиперболизации, четко просматривается на синтаксическом уровне, где репрезентация концептуального содержания интенсификации также тесным образом связана с метафоризацией сравнения сходства, когда при сопоставлении онтологически разнопорядковых предметов нарушается «запрограммированная» деннотативным значением сравниваемого и эталона сравнения сочетаемость языковых единиц в условиях их речевой реализации, или «контрдетерминация» по Г. Вейнриху [Weinrich, 1967, S. 6-10]: Ср.: «*Eduard schießt davon wie ein geölter Blitz*» [Remarque, 1957, S. 263], «*Die majestätischen Sieger dieses denkwürdigen Champions-League-Abends tanzten währenddessen so wild wie eine Bande junger Rapper vor dem blau-roten Fahnenmeer*» [Zeit Online: электронный ресурс], «*In diesem Teil von Hongkong fühlt man sich schnell wie ein winziges Teilchen in einem großen Strom, ständig in Gefahr, unterzugehen*» [Die Zeit: электронный ресурс].

Формирование интенсифицирующего значения в данном случае сопровождается не менее существенным фактором – выделении в содержании эталона сравнения, конвенционально закрепленного за данным предметным значением, прототипического признакового созначения.

Способность данных синтаксических структур перестраиваться на создание метафорически окрашенного образа, которое тесно связано с интенсификацией приписываемого ему качественного признака в принципе носит лексико-семантический характер. И с точки зрения категоризации представляет собой, в принципе, спорадическое явление, в отличие от способов выражения данного значения на морфологическом и словообразовательном уровнях. На морфологическом уровне речь идет о компаративе, суперлативе и элятиве, категориальное грамматическое значение которых сформировано и существует как результат взаимодействия данных форм и их значений в системе оппозиций морфологической категории степеней сравнения.

Что касается словосложения и деривации, проблемы семантико-функциональной природы которых сохраняют актуальность и в настоящее время [Павлов, 1985, с. 28], то здесь особую роль играет второй отмеченный

выше систематизирующий фактор – выделение и закрепление в содержании языковых единиц функционально значимого созначения интенсификации, не связанного с метафоризацией. У субстантивных и адъективных композитов это имеет место при частичной утрате синтаксичности моделей, т.е. утрате «живых» синтаксических связей, имплицитующих семантику ассоциации по сходству между компонентами. Например, «„*Verloren!*“ *Er griff sich mit beiden Händen in seinen gelben Haarwald*» [Remarque, 1963, S. 62], «*Und eine Hauptrolle mit acht Shows die Woche ist eine Affenarbeit*» [Berliner Zeitung, 07.09.2002], «„*Hohaho!*“ *hörte er den Schreiber sagen, und sein Herz wurde zu einem Eisklumpen*» [Frank, 1974, S. 377], «*Und auch, dass sein Kleid quatschnass ist, kümmert ihn wenig*» [Berliner Zeitung, 01.08.2000], «*Zur Stromerzeugung nutzen wir Wasserkraft, Sonnenenergie, Erdwärme, Wellen- und Windenergie, emissionsfreie Kohlekraftwerke sowie fast idiotensichere Atomkraft*» [Die Zeit: электронный ресурс].

Создание гиперболизированного образа в данном случае является результатом тенденции к сохранению первым компонентом обобщенного значения классной принадлежности обозначаемого предмета, явления и, как следствие, его постепенная семантическая девальвация. Она заключается в нейтрализации ряда грамматических и лексических сем плана содержания, т.к. их наличие не востребовано иллокуцией высказывания. Напротив, на передний план выдвигается доселе имплицитная прототипичная сема качественного признака с присущей ей в данном случае коннотацией усиления, которая в речетворческом процессе конвенционально закрепляется за существительным первым компонентом сложного слова. Причем в отличие от рассмотренных выше композит с наличием свёрнутых «живых» синтаксических отношений сравнения, в данном случае регулирующая роль принадлежит семантической конгруэнтности компонентов, т.е. реализации внутренней валентности (в терминологии М.Д. Степановой [Степанова, 1975, с. 53]) подобных словосложений с присущей им семантической компрессией. При этом сема интенсификации, выдвигаясь в доминантную позицию и, закрепляясь в процессе повышения частотности употребления данного компонента в сочетании с семантически конгруэнтными существительными, прилагательными, выполняющими функцию второй основы, выступает как интенсификатор проявления признака. Особенно ярко это прослеживается у полностью лексикализованных сложных прилагательных типа *schneeweiß, rabenschwarz, rehbraun, wasserhell, himmelhell* и т.п.

Несколько иная картина наблюдается у деривационных моделей существительных и прилагательных. Здесь существенная роль принадлежит закономерности семантической связи аффиксов (префиксов, суффиксов) с мотивирующей основой. Речь идёт опять-таки о семантической сочетаемости обоих компонентов, при этом, например, в системе субстантивных дериватов существует ряд префиксов и полупрефиксов, за которыми парадигматически закреплена семантическая функция выражения высокой степени проявления признака, латентная сема которого входит в план содержания мотивирующего существительного: *Superathlet, Überwucht, Erzdummheit* и т.п.

Иными словами, у сложных существительных значение высокой степени интенсивности проявления признака, отражённого в соответствующей латентной семе предметного значения второго компонента, выражается в основном посредством первого компонента. Интересно отметить, что такой компонент частично практически утрачивает собственное предметное значение (за исключением сем, которые отражают генетически высокую степень проявления признака) и выступает скорее как полупрефикс. Например: *Affenhitze*, *Bärenhunger*, *Heidenmühe*, *Himmelangst*, *Sauarbeit*. По всей вероятности можно согласиться с мнением, согласно которому такие единицы занимают скорее промежуточную позицию между словосложением и словообразованием.

Некоторые полупрефиксы и префиксы входят в систему словообразовательных средств выражения интенсивности проявления качественного признака не только субстантивных, но и адъективных моделей, например **Affen-**, **affen-** (*Affenschade*, *Affenkälte*, *affenscharf*, *affenjung*); **Blitz-**, **blitz-** (*Blitzeseile*, *blitzböse*, *blitzrasch*); **Heiden-**, **heiden-** (*Heidenangst*, *Heidenlärm*, *heidenmäßig*); **Höllen-**, **höllen-** (*Höllenhitze*, *Höllenspektakel*, *höllendurstig*, *höllentief*); **Knall-**, **knall-** (*Knalleffekt*, *Knallkopf*; *knallbunt*, *knallgesund*); **Mords-**, **mords-** (*Mordskerl*, *Mordswetter*, *mordsdumm*, *mordsreich*); **Erz-**, **erz-** (*Erzheuhler*, *Erzdummheit*, *erzböse*, *erzfaul*); **Super-**, **super-** (*Supermann*, *Superglatze*, *superfein*, *supernervös*), **Bomben-**, **bomben-** (*Bombenerfolg*, *Bombengehalt*, *bombensicher*, *bombenruhig*) и др. Это предопределено конвенциональностью использования данных полупрефиксов и префиксов в языковой картине мира, поскольку их прототипическое значение является по сути категориальным и потому имеет широкую область сочетаемости.

Вместе с тем словообразовательные модели прилагательных имеют и собственную систему полупрефиксов, для которых так же, как и в рассмотренном выше случае, характерна моносемизация и доминантность значения усиления признака, такие как **abgrund-**, **allzu-**, **bitter-**, **blut-**, **brand-**, **extra-**, **kern-**, **stein-**, **toten-**, **stink-**, **stock-** и др.

Например: «*Sie sah, dass Edith aus dem Munde blutete und totenbleich geworden war*» [Kellermann, 1969, S. 249], «*Man kann mit fallenden Kursen stinkreich werden*» [Zeit Online: электронный ресурс].

В отличие от системы средств выражения высокой степени проявления качественного признака в области словосложения и деривации, понижение или ослабление степени интенсификации фиксируется, как показывает анализ, с помощью деривационной модели прилагательных на **-lich** (*rötlich*, *gründlich*, *bläulich* и др.), что отмечается многими германистами [Luther, 1970, S. 102; Brinkmann, 1971, S.142], а также в полусуффиксальных и полупрефиксальных моделях прилагательных на **-arm** (*lichtarm*, *bettelarm*, *blutarm*), **halb-** (*halbdunkel*, *halbtot*).

Как видно, сформированная в результате когнитивной деятельности система разноуровневых средств языковой репрезентации концептуального содержания интенсивности включает единицы с категориальным значением степени усиления (ослабления) проявления признака, что наиболее четко

прослеживается на примере деривационных моделей существительных и прилагательных. Что касается композитов, то их способность выполнять данную семантическую функцию зависит от закономерностей лексико-семантического взаимодействия основ (метафоризации создаваемого образа и семантической неконгруэнтности при синтаксичности композита, либо, напротив, смысловом взаимодополнении основ при их полной конвенционально закреплённой лексикализации).

Литература

1. *Безрукова В.В.* Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук – Воронеж, 2004. – 222 с.
2. *Павлов М.Д.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Л.: Наука, 1985. – 299 с.
3. *Степанова М.Д.* Вопросы моделирования в словообразовании. – Вопросы языкознания, 1975. №4. – С. 53.
4. *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
5. *Berliner Zeitung:* 01.08.2000, 07.09.2002.
6. *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf, 1971. – 939 S.
7. *Frank L.* Die Räuberbande. – Berlin, 1974. – 403 S.
8. *Kellermann B.* Der Tunnel. – Berlin, 1969. – 327 S.
9. *Luther W.* Sprachphilosophie als Grundwissenschaft. – Heidelberg, 1970. – 454 S.
10. *Meier H.* Die Methapher. – Winterthur, 1963. – S. 7-10.
11. *Remarque E.-M.* Der schwarze Obelisk. – Berlin, 1957. 352 S.
12. *Remarque E.-M.* Drei Kameraden. – Berlin, 1963. 447 S.
13. *Weinrich H.* Semantik der Methapher // *Folia Linguisticae. Acta Societatis Linguisticae Europa.* – The Hague, 1967. – S. 6-7.
14. *Zeit Online.* [Электронный ресурс]. – URL: www.zeit.de.
15. *Die Zeit:* 03.12.2009. – № 50; 14.01.2010. – № 3.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С УЧЕТОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТИПА ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ СТУДЕНТАМИ ПЕРВЫХ КУРСОВ

О.С. Проницына (Тверь)

Тверской государственной медицинский университет

Минздрава России

olgapronitsina@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи является определение индивидуальной перцепции информации и ее интерпретации посредством психолингвистических методов, поиск и предложение новых педагогических методов и разработок с целью увеличения эффективности и качества преподавания.

Ключевые слова: психолингвистические методы, индивидуальное восприятие, различные методы восприятия и интерпретации информации, методы НЛП в педагогике, индивидуальная модальность, творческие задания и упражнения.

Продуктивное и качественное преподавание иностранного языка, особенно в сфере профессиональной компетенции и тенденции к всемирной глобализации, неуклонно ведущей к популярности английского языка, выводит проблему преподавания данного предмета в ВУЗе на уровень сверх актуальности.

Данная работа посвящена методам определения стратегий мышления учащихся, основанных на определении индивидуальных профилей латеральности, вовлеченных в мыслительную деятельность. Диагностика является необходимым компонентом современной индивидуально-ориентированной педагогики и нейропедагогики. Современным педагогам необходимо создавать условия для развития личности и учитывать индивидуальные особенности перцепций обучающихся. Необходимость учета когнитивных стратегий студентов, обусловленных парциальным доминированием различных зон мозга, ведет к целесообразности использования различных вариативных способов обучения. Поиск новых приемов в данном аспекте занимается новое направление педагогики «нейропедагогика», базирующаяся на нейропсихологическом подходе и индивидуальном различии организации психики индивида. Предложенная Э.А. Мусейновой и М.А. Ахметовым модель диагностики предполагает совершенствование модели обучения и достижение высоких результатов.

В данной работе мы проанализировали опыт и мнения методистов по поводу выбора ведущего метода обучения иностранному языку в медицинском ВУЗе, мы рассмотрели основные способы активизации учебно-познавательной деятельности в рамках психолингвистического подхода.

Образовательный процесс для студента представляет собой восприятие, анализ и усвоение предложенной информации. Почему одни быстро схватывают информацию, другие ее не могут усвоить даже после многочисленных повторений? При выборе программы обучения иностранному языку

рекомендуется ориентироваться, прежде всего, именно на тип восприятия. Как известно, с учетом особенностей восприятия разрабатываются методики обучения иностранному языку. Чаще всего методисты делают акцент на одном из каналов восприятия (например, аудиокурсы, визуальные словари, учебные фильмы, разговорные клубы и т.д.) Стоит отметить, что любые полученные данные диагностики требуют взвешенного подхода: так как обучающийся, как и любой индивид, может использовать различные стратегии мыслительного деятельности (правополушарный или левополушарный инструментарий) так в зависимости от поставленной задачи и психосоматического состояния в момент исследования [Гриндер, 1995, с. 5].

Согласно некоторым положениям нейролингвистического программирования за работу с информацией отвечают две системы: репрезентативная и ведущая. Первая отвечает за перцепцию информации, соответственно, вторая – за обработку и анализ. Первая система обеспечивает доступ к полученным информационным единицам, при необходимости их использования. Данные термины обозначения особенностей лингвистических перцепций и интерпретации были предложены основателями методов НЛП Р. Бэндлером и Д. Гриндером. Ими же были введены названия разных групп индивидов по типам: визуалов, аудиалов и кинестетов.

Большую роль в диагностике имеет анализ речи обучающегося, как письменной, так и устной. Согласно точке зрения М. Гриндера мы используем определенные языковые паттерны. При этом слова однозначно связаны с какой-то одной системой восприятия, другие полимодальны по своей сути. Анализируя паттерны высказываний и слова-предикаты, можно легко определить репрезентативную систему индивида. Здесь можно оттолкнуться от обратного: знаю репрезентативную систему собеседника, можно напрямую использовать и работать с ее особенностями, активируя ее работу при использовании в собственной речи ключевых слов [Мусенова, 2008].

Качество усвоения знаний во многом определяется индивидуальными особенностями человека, особенностями его психолингвистических перцепций. Согласно мнению отечественных авторов: эффективность ВУЗа как системы расширенного воспроизводства знаний зависит от эффективности системы «преподаватель-студент» [Проницына, 2018, с.2].

Так, в зависимости от типа восприятия, все люди делятся на несколько основных категорий. Это: визуалы; аудиалы; кинестетики; дискретны и дигиталы.

Визуалы — это люди, которые лучше воспринимают поступающую информацию посредством органов зрения. Визуал мыслит образами, поэтому и для изучения иностранных языков визуалам надо подбирать красочные, наглядные учебники и иллюстративный материал, которые в полной мере активизируют его способности. Аудиалы лучше усваивают информацию на слух. Аудиалы – те, кто воспринимают основную часть информации через слуховой сенсорный канал. Изучаемый материал аудиалу важно именно услышать, а не прочитать или увидеть. Аудиалы – из тех людей, кто слушает интонацию и тон внимательнее, нежели сами слова, из тех, кому важно не то,

что вы сказали, а то, как вы это сказали. Лучше всего обучение аудиала будет проходить в процессе живого общения. Аудиалы, как правило, легко перенимают произношение – для них нет особенной нужды каким-то особенно тщательным образом отрабатывать фонетику – обладая музыкальным слухом, они с легкостью начинают говорить так, как говорит их преподаватель. Для кинестетиков более важными являются другие органы чувств, такие как осязание, Кинестетики же большую часть информации получают через обоняние, вкус и осязание. Таким людям для эффективного обучения иностранным языкам лучше всего подойдут программы, предполагающие большое количество интерактивных упражнений и практики. Кинестетики – самый распространенный тип восприятия, кинестетиков в мире чуть меньше половины от всего населения земного шара.

Представители дигитальной системы являются самыми немногочисленными на планете. Данный вид восприятия не является ни положительным, ни отрицательным, это индивидуальная особенность личности. Среди детей их немного, это в основном, взрослые люди. Этой системе восприятие происходит через логическое осмысление, с помощью цифр, знаков, логических аргументов. Такой тип мышления часто называют «рациональным» [Гриндер, 1995 с. 3].

Рассмотрев вышеперечисленные примеры, мы наглядно увидели: аудиалы мир слышат, визуалы его видят, кинестетики мир чувствуют.

Почему важно знать, к какой категории относится ваш студент? Это позволяет сделать образовательный процесс эффективнее и интереснее. Педагог может объяснять материал, используя для этого все каналы восприятия: слух, зрение, осязание. В этом случае больше шансов, что студент надолго усвоит необходимую информацию. Существует несколько моментов, обратив внимание на которые, вы сможете понять, к какой категории относится ваш студент.

1. Речь. Визуалы используют в своей речи слова, связанные со зрением, например «смотреть», «видеть» и т. п. У аудиалов преобладают существительные и глаголы, связанные со слухом. Кинестетики же чаще всего описывают свои чувства или движения.

2. Внимание. Визуала очень трудно отвлечь от его занятия, аудиалы чаще всего отвлекаются на различного рода звуки, а кинестетика, в свою очередь, может отвлечь любая мелочь на занятии.

3. Направление взгляда. При общении визуал часто смотрит вверх, взгляд аудиала направлен прямо, по прямой линии, кинестетик же преимущественно смотрит вниз [Гриндер, 1995]. Визуал часто записывает информацию в блокнот, тетрадь. Поэтому излагать ее следует постепенно, чтобы дать ему возможность зафиксировать все необходимое. В этом случае очень будут полезны любых наглядные материалы (схемы, рисунки). Аудиалу ни в коем случае нельзя делать замечания, когда он повторяет за педагогом, ему так легче усвоить материал. Кинестетика не следует заставлять долго сидеть неподвижно, так как при этом, его внимание рассеивается. Общаться с человеком нужно на его языке. Например, при общении с визуалом используйте

описательные слова, которые характеризуют форму, цвет, размеры предмета. При общении с аудиалом рекомендуется менять вариации голоса, в этом случае материал будет более понятен. Кинестетики лучше всего воспринимают язык жестов и прикосновений, поэтому, рассказывая что-то, используйте подходящие жесты [Раздорская, 2012]. Взгляд влево вверх или расфокусированный взгляд прямо перед собой – это зрительное воспоминание. Взгляд вправо вверх – зрительное представление, зрительная конструкция, воображение того, чего нет в памяти. Налево по горизонтали – слуховое воспоминание. Направо по горизонтали – слуховая конструкция, того, чего нет в памяти. Вниз направо – кинестетическое воспоминание. Несмотря на свою принадлежность к той или иной категории восприятия, человек пользуется и другими органами чувств, которые так же необходимо развивать. Ведь от того, насколько хорошо открыты те или иные каналы восприятия, зависит успех всего обучения [Мусенова, 2008, с.4].

В связи с вышесказанным, можно дать следующие рекомендации преподавателям первого курса:

– визуалу следует посоветовать иметь под рукой листок, на котором он в процессе осмысления и запоминания материала может чертить, штриховать.

– аудиалу не делать замечания, когда он в процессе запоминания издает звуки, шевелит губами, повторяя за преподавателем – так ему легче усвоить информацию.

– кинестетика не заставлять сидеть долгое время неподвижно; обязательно давать ему возможность моторной разрядки (сходить за мелом, журналом, писать на доске); запоминание материала у него легче происходит во время движения.

Разумеется, любой человек в своей жизни, использует самые разные каналы восприятия. Он может быть по своей природе визуалом, и это совсем не значит, что другие органы чувств у него не работают. Их можно и нужно развивать. Чем больше каналов открыто для восприятия информации, тем эффективнее идет процесс обучения.

Наиболее приемлемыми способами выполнения этой задачи являются: чтение литературы (способствует зрительному запоминанию правильного написания слов и пониманию их лексического значения); учебные фильмы (наглядно иллюстрируют предметную среду); картинки и фотографии (создают зрительный образ предмета).

Аудиоканал. Без слухового восприятия также невозможно представить себе изучение иностранного языка. Данный канал восприятия задействуется в следующих видах учебной деятельности: аудирование (аудирование можно определить как аналитико-синтетический процесс по обработке акустического сигнала, результатом которого является осмысление воспринятой информации); просмотр фильмов на изучаемом языке (как учебных, так и художественных); общение с носителями языка (восприятие «живой» речи в разных языковых ситуациях).

Акцент на цифровой канал восприятия следует делать также для обучающихся, которые уже приобрели базовые навыки и умения владения языком.

Необходимо отметить, что в чистом виде восприятие по одному каналу встречается крайне редко. Все методики обучения иностранным языкам используют комплексное воздействие на каналы получения информации с большим акцентом на ведущий. [Мусенова, 2008, с. 5] Менее всего усваивают информацию кинестеты, так как учителю абсолютно нечего им предложить (современные методики не предлагают никаких кодов для трансляции информации в предпочитаемой ими форме).

Визуалы воспринимают информацию в виде образов и могут сразу думать о многих вещах одновременно. Они оперируют несколькими картинками, выстраивают их в последовательности, komponуют. Такие учащиеся успешны в социальном восприятии, математике, правописании, работе с абстрактными идеями.

Мышление аудиалов линейно и последовательно, одна мысль сменяет другую, они способны последовательно обдумывать только один фрагмент. Это медленный тип мышления. Данные учащиеся хорошо понимают прочитанное, выразительно пишут.

Кинестеты перерабатывают и хранят информацию на уровне ощущений. Их память является мышечной. Их сосредоточенность сменяется рассеянностью. В сочинениях они выражают свои чувства и ощущения. Они успешно выполняют задания, где предполагается выбор одного правильного ответа из всех возможных. Во многом их выручает интуиция. Их память является мышечной памятью.

Ведущая система можно определить с помощью ключей доступа к информации. Так же ее помогают определить поведенческие и нейрологические индикаторы, выделенные Свассингом и Барб. Данная система развернута и сложна. Упрощая и интерпретируя ее, можно сделать краткий вывод: визуалам и кинестетам поле подачи информации нуждаются в ее письменной фиксации, аудиалы же требуют ее «озвучивания». Мы полностью согласны с мнением А. Эллиса и Дж. Фохта: «Типовые задания ставят учащихся в неравное положение, давая одним преимущество над другими» [Мусенова, 2008, с. 7]. На практике, к сожалению, учителя крайне редко учитывают особенности восприятия информации учениками, предпочитая шаблонные методы обучения, поэтому один стереотипный прием приводит к разным результатам у разных студентов.

На основании выше рассмотренного материала мы пришли к следующим выводам: необходимо задействовать и комбинировать, применять преимущественно в комплексе разные каналы восприятия, а не по отдельности и поочередно воздействуя на каждый из них. Это представляется наиболее эффективным и результативным. Использование лишь одной методики обучения представляется нам малоэффективным: перегружается один из каналов восприятия, предлагаются однообразные задания, что негативно сказывается на мотивации и интересе к предмету. Учитывая различные психолингвисти-

ческие и возрастные особенности обучающихся, уровень их языковой подготовки, можно применять и комбинировать различные методы с целью улучшения усвоения материала и эффективного его применения. Конкретные методические рекомендации для каждого педагога заключаются в следующем: фокусирование на каждом конкретном учащемся, ориентация на новый методический процесс обучения, изначальное обучения каждого индивида в его модальности, т.е. успешная комплементарность модальности восприятия и способа подачи информации с ориентировкой на каждого студента.

Литература

1. *Гриндер М.* Исправление школьного конвейера или НЛП в педагогике. – М.: 1995, С. 1–243.
2. *Гуро-Фролова Ю.Р.* Особенности обучения иностранному языку студентов нелингвистических ВУЗов: проблема продуктивности // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2014. – № 2. – С. 11–15.
3. *Мусенова Э.А.* Диагностика индивидуальных стилей мышления учащихся: методическое пособие / Ульяновск: УИПКПРО, 2008. – С. 1–28.
4. *Проницына О.С.* Учет особенностей клипового мышления и психолингвистических перцепций в методике преподавания иностранного языка студентам-первокурсникам медицинских ВУЗов // International journal of advanced studies in languages and communication. – № 1. – 2018. – С. 33–42.
5. *Раздорская И.М., Раздорская О.В.* Изучение ассоциативного мышления студента как предпосылка внедрения рефлексивно-креативного подхода к обучению иностранному языку // Концепт. – 2012. – № 9. – С. 1–7.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Л. И. Ручина (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
ruchinanngu@yandex.ru

Аннотация: Работа посвящена проблеме использования некоторых положений современной теории языковой концептуализации мира в практике вузовского преподавания русского языка как иностранного. В соответствии с разработанной методикой описания концептов рассматривается лексическая объективация и смысловое наполнение концепта *ЛИБЕРАЛ*, который является одним из важных идеологических концептов, неоднозначно воспринимаемых в общественном сознании современной России.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, концепт, методика описания концепта, формирование межкультурной компетенции.

В теории методики преподавания русского языка как иностранного все отчетливее формируется понимание, «что в настоящее время одной из акту-

альных задач современной методики обучения русскому языку как иностранному является разработка тех способов и методов формирования коммуникативно-речевой компетенции, которая предполагает способность создавать и понимать коммуникативно-речевые высказывания в единстве их языкового и экстралингвистического содержания» [Московкин, 2006, с. 204]. Компонентом коммуникативно-речевой компетенции является межкультурная компетенция. В понимании ряда отечественных исследователей единицей межкультурной коммуникации является концепт [Куликова, 2009, с. 68]. В практике преподавания русского языка как иностранного для ликвидации разрыва между собственно лингвистическим значением, энциклопедической информацией, которую несет слово, свойствами самого «концептуализатора», т.е. человека, его точки зрения и ракурса изображения, а также особенностями конкретных лингвокультур целесообразно использовать когнитивные модели смыслового наполнения концептов [Радбиль, 2012, с. 328]. Важно заметить, что знание национально-культурных особенностей языковой концептуализации того или иного фрагмента действительности в изучаемом языке существенно углубляет уровень его освоения, так как предполагает не только изучение самих языковых единиц, но и форматов знания, концептуальных схем, ценностных норм, речеповеденческих стратегий и культурных моделей, стоящих за ними.

Исследователи предлагают различные приемы описания мыслительного образа (концепта), который закреплен за словом, как с помощью психолингвистических экспериментов, так и с помощью анализа репрезентирующих исследуемый концепт языковых средств в тексте. На кафедре преподавания русского языка в других языковых средах Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в 2002 году была разработана и успешно реализована в дипломных работах, магистерских и кандидатских диссертациях методика описания концептов. Методика предполагает выявление разнообразных парадигматических, синтагматических, деривационных связей слов, номинирующих концепт в непосредственно текстовом употреблении, а также анализ толкования слова в словарях. Вся информация отражается в словарной статье концепта. Тезаурусный подход при описании семантики позволяет получить объективные языковые свидетельства национально-культурных моделей концептуализации того или иного фрагмента действительности. Это позволяет эксплицировать форматы знаний, специфику ценностей и моделей поведения, стоящие за собственно словарной семантикой слов-репрезентатов концепта, иными словами, обнаружить коммуникативно и культурно значимую информацию.

Рассмотрим применение указанных приемов на примере анализа концепта *ЛИБЕРАЛ*, который является одним из важных идеологических концептов, отражающих и формирующих общественное сознание. В современном политическом дискурсе, в СМИ концепт *ЛИБЕРАЛ* очень активен, но имеет разное, иногда диаметрально отличающееся смысловое наполнение. В качестве материала для исследований были использованы тексты СМИ из ресурса «Национальный корпус русского языка» [НКРЯ: электронный ресурс].

Проанализировано более шестисот словоупотреблений лексической единицы *либерал*, номинирующей изучаемый концепт, с целью выявления смыслового наполнения концепта *ЛИБЕРАЛ* в национальном сознании. В русле семантико-когнитивного подхода к языку структура концепта образована набором когнитивных признаков, которые и составляют содержание концепта. Так как «значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленное языковым знаком в целях коммуникации» [Попова, Стернин, 2007, с. 14], то на начальном этапе исследования выявляются когнитивные признаки на основе анализа толкования слова в словарях. «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складчиковой определяет *либерала* так: «сторонник политики либерализации общественных отношений, свободомыслящий человек» [ТСРЯ, 1998, с. 355].

Анализ лексического значения слова, номинирующего концепт *ЛИБЕРАЛ*, позволяет выделить два когнитивных признака: «сторонник либерализации» и «свободомыслящий человек». В «Философском словаре» французского философа А. Конт-Спонвиля дается следующее толкование понятия «либерал»: «либерал – уважающий свободу, прежде всего – чужую. Следовательно, либеральным называется такое государство, в котором уважаются индивидуальные свободы граждан, даже если это требует ограничения свободы государства. Не следует путать либерализм с демократией (существуют авторитарные демократии и либеральные монархии), тем более – с попустительством: индивидуальные свободы могут существовать только под сенью закона, предполагающего принуждение» [Конт-Спонвиль, 2012, с. 202]. Приведенное определение позволяет выявить еще один когнитивный признак: «человек, уважающий чужую свободу».

В результате анализа публицистических текстов были выявлены следующие парадигматические связи слова *либерал*: речевые синонимы, речевые оппозиции, ассоциаты.

Речевыми синонимами к *либералу* являются: *оппозиционный аутсайдер, главный оппозиционер Кремля, пятая колонна, шестая колонна, агенты влияния* (указывают на принадлежность к оппозиции); *сторонник глобализации, западник, пособник Запада, прозападник, либерал американского разлива, либерал европейского склада, либерал чикагского толка* (указывают на связь с Западом); *человек думающий, боец, сторонник свободы слова* (содержат положительную оценку); *сволочи, прихвостень, бранная кличка, матерное ругательство, дурачье, предатели Родины, русофобы, болтуны, хвастуны, маргиналы* (содержат отрицательную оценку).

В проанализированных текстах *либерал* часто противопоставляется *патриоту, коммунисту, националисту, национал-патриоту, социалисту, консерватору*. Значительно реже *патриот* выступает в качестве речевого синонима к *либералу*.

Среди ассоциаций к слову *либерал* оказались понятия, связанные с экономикой: рынок, дефицит, инфляция, сверхдоходы, рыночная экономика; с государственным устройством и политикой: парламент, демократия, гражданское право, партия, выборы, реформа, политика. Либерал ассоциируется

со свободой, с правами человека, с толерантностью и в то же время с предательством, мягкотелостью, ложью. Много ассоциаций свидетельствует об отношении к патриотизму, о связях с оппозицией, с Западом.

Анализ синтагматических связей показал, что слово *либерал* достаточно часто имеет определение, выраженное прилагательным. Чаще всего прилагательные передают признаки, указывающие на степень приверженности к идее либерализма: *абсолютный, крайний, безусловный, фанатичный, стопроцентный, радикальный, пламенный, завзятый, отчаянный, профессиональный, убежденный, матёрый, несгибаемый, умеренный, официальный, настоящий*. Ряд признаков содержат явно выраженную отрицательную оценку: *сладкоречивый, гнилой, опостылевший, опасный, говорливый, маскирующийся, упертый, глупый, наивный, воинственный, отмороженный, недорезанный*. В то же время были выявлены и признаки, положительно оценивающие либерала: *разумный, бодрый, полноценный, честный, бескорыстный, серьезный, вменяемый, сознательный*. Ряд признаков указывает на финансовое благополучие либерала: *богатый, сытый, прикормленный, разбогатевший*.

Большое количество определений, в том числе оценочных, свидетельствует о коммуникативной значимости и освоенности в национальном сознании концепта *ЛИБЕРАЛ*. Негативно относятся к *ЛИБЕРАЛ* чаще, чем позитивно. Возможно, это связано с отрицательным отношением либералов к патриотизму. В бинарной оппозиции *свой – чужой*, которая наглядно представлена в современных СМИ, концепт *ЛИБЕРАЛ* относится к *чужому*.

В когнитивных исследованиях важным представляется анализ глагольной синтагматики, так как именно глаголы, номинируя действие, создают динамичный образ. В исследованных контекстах *ЛИБЕРАЛ* чаще всего выступает в качестве субъекта действия, что свидетельствует о его активной позиции: *уважает свободный выбор, выступает за право выбора, сочувствует, все пустил под откос, обокрал, задолбал, опять завёл свою волюнку, выкрикивал оскорбления, продаёт Россию, запугивает мир, стремится удержать власть, рвётся к власти*. Можно заметить, что большинство действий имеет негативную окраску.

Анализ парадигматических и синтагматических связей лексемы *либерал*, номинирующей рассматриваемый концепт, позволяет в соответствии с принятой методикой сформировать словарную статью концепта *ЛИБЕРАЛ*, представить модель смыслового наполнения концепта *ЛИБЕРАЛ* в сознании наших современников через набор когнитивных признаков:

1. сторонник либерализации, политик
2. свободомыслящий человек
3. человек, уважающий чужую свободу
4. оппозиционер
5. сторонник Запада
6. сторонник демократии
7. человек, стремящийся к власти
8. ругательное слово
9. человек, негативно относящийся к патриотизму

10. сторонник рыночной экономики

11. сторонник реформ.

Представляет интерес сравнение результатов дискурсивного анализа концепта *ЛИБЕРАЛ* с данными проведенного ассоциативного эксперимента [Ручина, 2017, с. 244-248]. В исследовании применялся свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалось ответить первым, который пришел в голову словом-реакцией, без любых формальных или семантических ограничений. Всего было получено 228 реакций на слово-стимул *либерал*. На основе анализа частотности ассоциатов определены ядро (его составили реакции, полученные более чем от 20% испытуемых), базовый слой (от 10% до 20%), ближняя периферия (менее 10%) и дальняя периферия (единичные слова-реакции, индивидуальные ассоциаты).

Количественная и качественная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента позволила выявить следующие когнитивные признаки концепта *ЛИБЕРАЛ*:

1. политик
2. сторонник свобод
3. имеет отношение к власти
4. Жириновский
5. обладает терпением
6. оппозиционер
7. вольнодумец
8. выступает за права человека
9. сторонник демократии.

Эти когнитивные признаки выявлены на основе анализа ядерной зоны, базового слоя и ближней периферии. Можно заметить, что преобладают признаки с позитивной оценкой. Однако, среди многочисленных единичных реакций наблюдалось большое количество ассоциаций с негативной оценкой (*непонятный человек, плохой человек, провокатор, предатель, продажная шкура, трепло* и пр.).

Результаты ассоциативного эксперимента не противоречат выводам дискурсивного анализа (наборы когнитивных признаков в большой степени совпадают).

Представленные в словарной статье парадигматические, синтагматические, дериватологические связи лексемы, номинирующей концепт, набор когнитивных признаков (модель смыслового наполнения концепта), дают широчайшие возможности преподавателям русского языка для изучения семантического пространства русского языка иностранцами и для формирования межкультурной компетенции.

Литература

1. *Конт-Спонвиль Андре* Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

2. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 286 с.
3. Московкин Л.В., Юрков Е.Е. Коммуникативная компетенция: определение, состав, приемы обучения // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов / ред. сост. А.Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2006. – С. 199–205.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
6. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. Изд. 2-е. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
7. Ручина Л.И. Концепт *либерал*: смысловое наполнение в национальном сознании // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сб. статей / под ред. Л.В. Рацибурской. – Нижний Новгород: Деком, 2017. – С. 244–248.
8. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складерской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПИСЬМАХ (КОНЦЕПТ *KRIEG* И СРЕДСТВА ЕГО ВЕРБАЛИЗАЦИИ)

В.В. Савина, Г.А. Сенина (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
savinavv63@mail.ru, galina.lunn@yandex.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается концепт *KRIEG* и средства его вербализации в письмах немецких солдат с фронтов Первой мировой войны. Исследование имеет междисциплинарный характер, в нем используются достижения таких наук, как лингвистика, история, психология. Важное место отводится анализу малоизученных в отечественной германистике фронтовых эпистолярных текстов.

Ключевые слова: Первая мировая война, эпистолярный жанр, письмо с фронта (Feldpostbrief), концепт *KRIEG*.

Объектом исследования в данной статье являются фронтовые письма немецких солдат-участников Первой мировой войны. Цель исследования – анализ концепта *KRIEG* (*ВОЙНА*) в письмах и средств его вербализации. Фрагменты писем (в переводе В.В. Савиной) цитируются по книге Д. Бехманна и Х. Меструпа «Когда закончится убийство?» («Wann wird das Morden ein Ende nehmen?») [Бехманн, Меструп, 2014].

Эпистолярный текст – интереснейший объект исследования. Несмотря на то, что эпистолярный как лингвистический и литературный феномен давно привлекает внимание ученых, многие его аспекты еще не раскрыты [Фесен-

ко, 2008]. Тем более это относится к письмам немецких солдат с фронта (*Feldpostbrief*). Но не столько эпистолярный текст как таковой является предметом исследования в данной работе, сколько образ войны в нем. Первая мировая война стала одним из переломных моментов в мировой истории. Для России она была национальной катастрофой. Спустя сто лет после окончания Великой войны остается актуальным вопрос разработки этого сложного исторического явления. Многие исследования, посвященные истории Первой мировой войны, были опубликованы лишь в 2014 году к столетию со дня ее начала.

В настоящее время многие исследования продолжаются. Примечательны работы нижегородских ученых в этой области. Так, историки А.В. Молоков и Р.В. Кауркин внесли существенный вклад в изучение Первой мировой войны и ее последствий, издав «Книгу памяти нижегородцев» со списками погибших и пропавших без вести. Ученые отмечают, что Первая мировая война была практически вычеркнута из нашей государственной памяти [Книга памяти нижегородцев, 2017, с. 7]. Задача ученых устранить пробелы в знании об этом важном историческом периоде.

В Германии история Первой мировой войны всегда оставалась важным объектом исследования. В 2015 году в заседании Нижегородского представительства Общества немецкого языка (Висбаден) принял участие профессор Магдебургского университета Торстен Унгер. Его доклад был посвящен малоизученной теме «Карманная библиотека солдат Первой мировой войны». Речь шла об издательстве Reclam, публикующем книги «карманного» формата, сыгравшем важную роль в просвещении солдат [Савина, 2015, с. 173–175].

Война, которую в России сначала называли Второй отечественной войной, заняла скромное место в культурной памяти российских граждан. В течение десятилетий она оставалась на периферии общественного сознания, так как находилась в тени более поздних, роковых для страны событий (Октябрьской революции и гражданской войны). Особую ценность в этом контексте представляют живые голоса современников, участников войны. Они хранятся во фронтовых дневниках, заметках, мемуарах, письмах.

В последнее время опубликовано значительное количество фронтовых писем русских солдат. Они озвучены на различных научных конференциях. По ним можно судить о той войне, которую переживали простые солдаты. Примечателен следующий отрывок из письма неизвестного автора, процитированный в докладе главного хранителя фондов «Музея истории города Йошкар-Олы» Л.Н. Комелиной: «<...>...прощайте мои родители. Адрес писать не могу, потому что не назначено нам полку. <...> Ах, нас провожали... музыкой. Очень много народа собралось... Тогда все плакали: народ и сами мы тоже плакали.<...>» [Комелина, 2014, с. 127]

В данной работе исследуются письма немецких солдат. Именно они практически не изучены в отечественной германистике. Сравнивая письма, можно сделать вывод, что отношение к войне немцев и русских, испытывав-

ших на себе все ее ужасы, мало чем отличается: это – убийство. Эйфория начальной стадии войны быстро сменяется разочарованием и отторжением.

Актуальность данной работы состоит в том, что она носит междисциплинарный характер; в ней используются достижения таких дисциплин, как лингвистика, история, психология.

Историю человечества часто называют историей войн, но только в XX веке возникает социально-психологический феномен война, комбатанта (термин из международного права), который сегодня интенсивно исследуется. Важными темами исследований являются поведение человека в экстремальной ситуации войны, его мысли, чувства, действия [Сенявская, 1999]. Интерес ученых вызывают различные аспекты: психология борьбы и фатализма, героическое действие и паника, особенности фронтовой жизни, отношения между солдатами и офицерами, роль идеологии и пропаганды. Дневники, воспоминания, письма имеют для подобных исследований неоценимое значение.

Письма с фронта относятся, как правило, к частной переписке. Она была единственным доступным средством массовой информации. Она позволяла поддерживать связь с домом, семьей или знакомыми. По официальным данным в период с 1914 по 1918 год немецкими солдатами было отправлено несколько миллиардов писем и открыток [Бехманн, Меструп, 2014, с. 13]. Чем дальше от нас историческое событие, тем ценнее тексты современников. В данной работе в первую очередь рассматриваются письма не известных немецкоязычных писателей и поэтов - участников войны, а письма обычных солдат и офицеров. В них не менее точно отражены настроение и атмосфера той эпохи.

Спустя много десятилетий после окончания войны можно предположить, что большая часть дневников и писем утрачены. Однако они встречаются в музеях, архивах, в антикварных магазинах. Немецкие издатели военной переписки подозревают, что сотни тысяч писем с фронта все еще лежат на чердаках домов в Германии. Через много лет после окончания Первой мировой войны современный читатель военных писем неоднократно сталкивается с центральными темами, которые волновали солдат. Это ужасы высокоиндустриальной и механизированной войны с ее «материальными битвами» и невероятные трудности, с которыми столкнулись солдаты, считавшие до 1914 года, что современная война менее опасна. Кроме того, это тема страданий, выпавших на долю солдат.

Одна из задач исследования – рассмотреть концепт *KRIEG* в письмах участников Первой мировой войны. Для этого необходим анализ структуры данного концепта: внутренней формы, ядра и актуального слоя. Понять внутреннюю форму концепта позволяют этимологические словари. Слово *Krieg* (в древневерхненемецком языке – *krēg*, *krieg*, в средневерхненемецком языке – *kriec*, в средненижненемецком языке – *kriech*, в средненидерландском языке – *crijch*) зафиксировано в X веке. Значение его было достаточно широким. Это «Anstrengung», «Bemühen», «Hartnäckigkeit», «Streben», «Streit», «Widerstand», «Zwietracht», «Kampf» и «bewaffnete Auseinandersetzung». Происхож-

дение слова не до конца изучено. Возможно, оно восходит к индогерманскому корню *g^wrei-, как и в греческих словах *brimē* («сила», «порывистость») и *hýbris* («высокомерие», «заносчивость») [Kluge, 1999, с. 487; Wahrig, 1991, с. 793].

Толковые словари объясняют *Krieg* как вооруженный конфликт между государствами, племенами, народами, партиями, социальными группами (*bewaffneter Konflikt*, *bewaffnete Auseinandersetzung*) [Wahrig, 1991, с. 793]. Словарь *Duden* дает следующее определение: *mit Waffengewalt ausgetragener Konflikt zwischen Staaten, Völkern; größere militärische Auseinandersetzung, die sich über einen längeren Zeitraum erstreckt*. Самые распространенные словосочетания с данным словом – *ein konventioneller, atomarer Krieg, ein verlorener Krieg, der totale Krieg, ein heiliger (religiös motivierter) Krieg, der Siebenjährige Krieg, der Dreißigjährige Krieg, der Hundertjährige Krieg, kalter Krieg* [Duden: электронный ресурс].

В электронных ресурсах можно найти следующее определение: *Krieg ist ein organisierter und unter Einsatz erheblicher Mittel mit Waffen und Gewalt ausgetragener Konflikt, an dem planmäßig vorgehende Kollektive beteiligt sind; bewaffnete Auseinandersetzung zwischen Kollektiven, die sich dazu legitimiert sehen* [Wikipedia: электронный ресурс].

Сущность понятия описывают следующие словосочетания: *die körperliche Unversehrtheit gegnerischer Individuen angreifen, zu Tod und Verletzung führen, Kollateralschäden zufügen, der Infrastruktur und den Lebensgrundlagen der Kollektive schaden* и другие [Wikipedia: электронный ресурс].

Актуальный слой концепта делает его динамичным, дополняет индивидуальным, подсознательным и эмоциональным аспектами. Это существенное отличие концепта от понятия.

В этой связи интересно мнение, услышанное во время опроса носителей немецкого языка. Как показал опрос, в ассоциативное поле концепта *KRIEG* входят следующие смысловые элементы:

1. *Tod, Gewalt, Leid, Zerstörung, Waffen, Panzer, Flugzeuge, Flucht, Häftlinge, Elend, Kanonenfutter, Lazarett, Fronturlaub, der Russ / der Franzos (als Kollektivbezeichnung für russische / französische Soldaten), Hunger, zwangsweise Einquartierung von Soldaten in Privathäuser, Kriegsgefangene, Invaliden* (ассоциации женщин).

2.1. *Unbekanntes, Exotisches, Abenteuerliches, Unheimliches, Vergangenheit, etwas Abgeschlossenes, schrecklich, fürchterlich, schreckliche Lehrbuchfotos mit Panzern und getöteten Soldaten, etwas Schreckliches, womit man keinen Kontakt haben möchte* (ассоциации мужчин в детстве).

2.2. *Diplomatie, Politik, Unsinn, total sinnlos, Abschlachtung, Opferung für Idioten und Gier, Kameradschaft, Gemeinschaft, Helfen, Schützen, Heilen, Angst-Angst-Angst, Überleben, sich durchschlagen, Durchbrechen von Instinkten, Vergewaltigung, Verrohung* (ассоциации взрослых мужчин).

Заметно некоторое отличие представлений о войне женщин и мужчин, зачастую романтизирующих войну. В текстах писем также высказываются мысли о войне, свидетельствующие о ее романтизации авторами писем.

Для писем характерны несколько тем, волнующих их авторов. Одна из них – техническая оснащенность войны и, как следствие этого, ее цинизм. Лейтенант Вальтер Крюгер вынужден признать, что *«речь больше не идет о рыцарском сражении «воина против воина»»* [Бехманн, Меструп, 2014, с. 24]. Участник войны Гарри Вагнер в октябре 1916 года пишет о том, что *«ощущение на фронте было бы сродни ощущению в тире, если бы не знать, что здесь стреляют в людей»* [Там же, с. 24]. Солдат Генрих Симон в ноябре 1914 года замечает, что *«люди становятся пушечным мясом»*, хотя он мечтал совсем об иных битвах, в которых воин выступает против воина. Сражение ведется преимущественно артиллерией, *«уничтожающей огромное количество людей»* [Там же, с. 24]. Ассоциативное поле концепта *KRIEG* дополняется следующими элементами: *Stellungskrieg, Träume von Schlachten und Stürmen, Kampf zwischen Artillerie, Kanonenfutter, ungeheurer Blutzoll, moderne Kriegstechnik als Kultur der Menschheit*. Автор письма Гарри Вагнер в октябре 1916 года пишет о невозможности отступления, так как можно быть уничтоженным собственной артиллерией. Война, по его мнению, *«становится убийством, к которому солдаты постепенно привыкают»* [Там же, с. 24].

Важная тема – невозможность вынести все то, что происходит на фронте. Так, солдат Вилли Пфистер в октябре 1916 года о жесточайшей битве на Сомме пишет, что *«...на самом деле никто не верит, что человек может выносить такие вещи»* [Там же, с. 23]. Автор фронтового письма Отто Шотт формулирует ту же мысль в феврале 1915 года: *«Я бы никогда не поверил, что человек может вынести такое на войне»* [Там же, с. 23].

Картины ужаса с трудом поддаются описанию. Солдаты сообщают об изуродованных телах товарищей, о горах трупов, которые месяцами не могут быть захоронены, или которые после артиллерийских обстрелов снова оказываются на поверхности земли. Их видение войны – это искалеченные люди, горы трупов, смрад, разлагающиеся тела (*verstümmelte Menschen, Leichenberge, übler Leichengeruch, verwesende Körper*).

Жизнь в окопах сопровождалась постоянным присутствием человеческих останков. Солдаты сталкивались с ними при окапывании, важной стратегии выживания во время позиционной войны, и в воронках, где люди искали укрытия. Страх разделить судьбу погибших присутствовал постоянно, не только во время обстрела и рукопашной борьбы, но и от пули снайпера.

Ощущение неизвестности усиливали крики раненых, которых из-за страха погибнуть не выносили из зоны обстрела. Их бросали на произвол судьбы. Письмо Вилли Пфистера дополняет ассоциативное поле концепта *KRIEG* такими смысловыми элементами, как *Sturmangriff, zahllose Granatrichter, Artilleriebeschuss, Scharfschützen, aufreibende Ungewissheit, Schreien verwundeter Soldaten* [Там же, с. 25–26].

С другой стороны, люди привыкали к постоянному присутствию смерти. Об этом пишут и немецкие, и русские солдаты. Исследователь психологии войны XX века Е.С. Сенявская в своем исследовании приводит строки из письма русского солдата - участника Первой мировой войны, который признает, что *«в мирной жизни вид гроба в витрине магазина ритуальных услуг*

производил большее впечатление, чем целая череда изуродованных трупов на фронте. ...Повсюду смерть, но она не вызывает ни уважения, ни отвращения, ни ужаса» [Сенявская, 1999, с. 63].

Бессмысленность смерти на войне приводит к такому явлению, как братание. Именно для писем Первой мировой войны характерна тема братания солдат. Солдат Ханс Мюллер сообщает в мае 1917 года о своих впечатлениях на русском фронте. Солдаты из враждебных армий шли на контакт друг с другом. Солдаты не только братались, но и предупреждали друг друга об обстреле. Однако, они возвращались к оружию, чтобы послушно убивать дальше. Мечта народов о мире, казалось, исполнялась, но тут же разрушалась. Стремление руководящих чинов к войне побеждало тоску простых солдат по миру [Бехманн, Меструп, 2014, с. 27]. Сержант Клёпчих замечает в 1915 году, что руководство жестоко наказывало слишком миролюбивых солдат [Там же, с. 28].

Не менее заметная тема писем – холод и сырость во время маршей. Участник войны Карл Зейфарт пишет из Румынии в 1917 году о сильных снегопадах и жестоким морозе, во время которых «...все лежали на льду под открытым небом и почти замёрзли насмерть... С трудом можно было строить блиндажи в промерзшей земле... Ноги теряли чувствительность» [Там же, с. 28]. Солдатам приходилось долго идти по бездорожью в сырых сапогах, которые становились тяжелыми от налипшей на них глины и грязи. Потоки воды проникали в блиндажи. Для приготовления пищи использовали воду из воронок, в которой находились разлагающиеся трупы. Каждую минуту можно было заболеть. Мучение усугублялось отсутствием возможности соблюдать гигиену. Солдаты становились жертвами «патрулей». Так называли кровососущих насекомых [Там же, с.30]. *Nässe, grimmige Kälte, Lehm, Matsch, Morast, Schlamm, Dreckwüste, Flöhe, Läuse* – следующие смысловые элементы, входящие в ассоциативное поле концепта *KRIEG*.

Чем дольше длилась война, тем сильнее был голод. Даже небольшие запасы еды могли быть уничтожены снарядами. Офицеры снабжались лучше, чем простые солдаты. Реальность войны была различной для различных групп людей и чинов. Если во время битв под Верденом и на Сомме царил кровешный ад, то в каких-то частях солдаты скучали и впадали в депрессию от удручающего бездействия. Избавлением от всех мучений был плен, но и судьба пленного зачастую была непереносимой.

Письма позволяют судить о том, чем была война для ее непосредственных участников. Это - ужас, который нельзя описать словами, изуродованные тела, разлагающиеся трупы, смерть, ад, грязь, холод, болезни (*Schrecken, verkrüppelte Körper, verwesende Leichen, Tod, Hölle, Schmutz, Kälte, Krankheiten*). Восторженные строки о служении государству отсутствуют в письмах обычных немцев. Данный факт подтверждает вывод Е.С. Сенявской о том, что лишь 3–5% солдат представляют собой «воинов по призванию». Основная масса участвует в войне вынужденно и совершенно не приспособлена к ее нечеловеческим условиям [Сенявская, 1999, с. 51–52]. Письмо домой становится той сферой, в которой есть место человечности.

Исследователи эпистолярного жанра дают обзор различных определений письма. Одна из дефиниций определяет письмо как «дистанцированное во времени и пространстве общение (иногда даже потенциальное, поскольку автор надеется на получение ответа, а не имеет его «здесь и сейчас»)» [Фесенко, 2008, с. 141]. В случае письма с фронта, фактор надежды на получение ответа, на наш взгляд, достаточно сомнителен. Адресант знал, что может погибнуть в любой момент. Тем не менее солдаты пишут письма, по-видимому, для того чтобы выговориться и в мыслях получить слова утешения и поддержки от адресата. Вряд ли это было информативное общение, так как письма подвергались цензуре. Оно не было фатическим, то есть бессодержательным, смысл которого в поддержании общения ради самого процесса коммуникации. Цель солдат - оградить себя от психического оупения, мысленно прикоснуться к мирной жизни, сохранить свой внутренний мир.

Литература

1. *Комелина Л.Н.* Первая мировая война и город Царёвококшайск (по материалам музея истории города Йошкар-Олы) // *Запад-Восток*. – 2014. – № 7. – С. 126–136.

2. Книга памяти нижегородцев – низших чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны в 2-х т. // Сост. Молоков А.В., Кауркин Р.В. – Н.Новгород: ДЕКОМ, 2017. – Том 1. – 442 с.

3. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.

4. *Фесенко О.П.* Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // *Вестник Челябинского государственного университета*. – Челябинск, 2008. – С. 132–143.

5. *Bechmann D., Mestrup H. (Hrsg.)* Wann wird das Morden ein Ende nehmen? // *Feldpostbriefe und Tagebücher zum Ersten Weltkrieg*. – Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2014. – 316 S.

6. *Duden*. [Электронный ресурс]. – URL: www.duden.de/rechtschreibung/Krieg#bedeutung

7. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23. erweiterte Auflage von Elmar Seebold. – Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1999. – 921 S.

8. *Savina V.* Der Vortrag eines Magdeburger Literaturwissenschaftlers // *Der Sprachdienst. Gesellschaft für deutsche Sprache*. – Wiesbaden: Dinges & Frick GmbH Medientechnik, Drucktechnik & Verlag, 2015. – № 4-5, Jahrgang 59. – 178 S.

9. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“. – Gütersloh - München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1991. – 1493 S.

10. *Wikipedia*. [Электронный ресурс]. – URL: de.wikipedia.org/wiki/Krieg

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СВЯЗКИ *ПРАВДА — ИСТИНА* ПО ДАННЫМ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Е. Смирнова (Нижегород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
eesmirnova@bk.ru

Аннотация: Работа посвящена лингвокультурологическому описанию особенностей языкового воплощения значимой для русского национального языкового сознания концептуальной связки *ПРАВДА — ИСТИНА* по данным русской фразеологии и паремиологии. Анализ показал реальность данной концептуальной связки для носителей русского языка. Также выявлено, что наиболее значимые схождения и расхождения лексем — репрезентантов концептов *ПРАВДА* и *ИСТИНА* актуализуются в устойчивых сочетаниях по линии «мир человека» — «мир вне человека» и по линии «народно-поэтическое — книжно-отвлеченное».

Ключевые слова: концептуальная связка, *ПРАВДА* и *ИСТИНА*, русская фразеология и паремиология, лингвокультурология, анализ концептов.

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу особенностей языкового воплощения значимой для русского национального языкового сознания концептуальной связки *ПРАВДА — ИСТИНА*.

В современной лингвокультурологии сложилось прочное убеждение, что одной из важнейших специфических черт русской национальной концептосферы является выражение базовых понятий совокупного духовного мира этноса посредством устойчивых и воспроизводимых антиномичных связок концептов, которые поляризуют некие целостные области концептуального пространства культуры: *ДУХ* и *ДУША*, *УМ* и *РАЗУМ*, *СВОБОДА* и *ВОЛЯ* и пр. [Радбиль, 2016]. Понятия «концептуальная связка» [Радбиль, 2016], или «концептосочетание» [Крючкова, 2005], или «концептуальное сращение» [Евсюкова, Бутенко, 2014, с. 113] в существующей практике анализа концептов обычно применяются для моделирования существенных ассоциативно-смысловых и структурных связей и отношений концептов, образующих некое ощущаемое единство.

К таким значимым связкам, несомненно, относится и концептуальная связка *ПРАВДА — ИСТИНА*. Реальность сближений и расхождений между концептами *ПРАВДА* и *ИСТИНА* в составе некоего межконцептуального единства подтверждается, например, существованием устойчивого аппозитивного сочетания *правда-истина*, псевдотавтологии *истинная правда*, других разнообразных контекстов совместной встречаемости для слов — репрезентантов соответствующих концептов.

Как пишет В.Н. Телия, «фразеологический состав любого языка — наиболее культурно-национален, поскольку система образов, закрепленных в нем, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-

национальном опыте и традициях» [Телия, 1996, с. 217]. Представляется, что все это справедливо и по отношению к паремиологическому фонду языка — пословицам, поговоркам, загадкам и пр.

Смысловое наполнение концепта объективируется в языке прежде всего в моделях устойчивой сочетаемости слов — репрезентантов концепта, которые отражены в фразеологическом и паремиологическом фонде национального языка. Кроме того, по данным фразеологии и паремиологии мы можем выявить культурно значимые смыслы, которые не входят в ядро концепта и, соответственно, не отражены в словарных значениях, но, тем не менее, являются значимыми для выражения представлений, стоящих за анализируемым словом в национальной концептосфере.

Таким образом, в настоящей работе представлено лингвокультурологическое описание концептуальной связки ПРАВДА – ИСТИНА по данным русской фразеологии и паремиологии.

В соответствии с принятой концепцией работы, сначала анализируем особенности фразеологической объективации концепта ПРАВДА. «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова (далее – ФСРЯ) приводит следующие фразеологические единицы с компонентом правда: «Правдами и неправдами. Любыми средствами, не стесняясь в выборе средств, ничем не брезгуя; Смотреть в глаза правде. Трезво оценивать действительное положение вещей; Служить верой и правдой. Честно, преданно (служить); В ногах правды нет. Не стоит стоять, лучше сесть. Обычно при обращении с приглашением сесть» [ФСРЯ, 1968].

«Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник», помимо приведенных выше, дает еще ряд фразеологизмов, в состав которых входит компонент правда: «Голая правда. Абсолютная, чистая правда, без прикрас; Подлинная правда. Настоящая, истинная правда; Подноготная правда. Истинная сущность чего-либо; Сермяжная правда. Глубокая народная мудрость; Сидорова правда [Да Шемякин суд]. Устар. 1. Взятки. 2. Неправый суд, произвол; Резать правду [матку]. Прост. Говорить всю правду открыто, прямо, без обиняков; смело отстаивать правоту какого-либо дела» [Бирих, 1999].

Также нами использовался «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова, который трактует фразеологизмы довольно широко: в данный словарь, помимо собственно фразеологических единиц, включены застывшие наречные словоформы и служебные слова, а также поговорки и фрагменты пословиц, афоризмов и пр. На основании данных этого словаря мы можем добавить еще такие фразеологизмы: «И то правда. Разг. Выражение согласия со словами собеседника; Что правда, то правда. Разг. Экспрес. Действительно; в самом деле; По правде. 1. Прост. Честно, правдиво (говорить, отвечать и т.д.). 2. Обл. Честно, без подвоха, обмана (делать что-либо); По вере и по правде. Устар. Честно, преданно (служить кому-либо); верой и правдой» [Федоров, 1995].

Отметим, что данные фразеологизмы достаточно часто употребляются и в текстах русских народных сказок, например: «— «Эх, куманек, — гово-

рит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». — «И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка; уж идти; садись на меня, я тебя довезу»; «...пойдем-ка, ери, разделаемся, что на суде по правде скажут;— Послушай, стрелец, — говорит он, — скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковер?»».

Нетрудно видеть, что данный материал в целом подтверждает релевантность выявленных нами ранее, по данным словарей [Смирнова, 2010], когнитивных признаков, например: «то, что соответствует действительности, истина»; «справедливость, порядок, основанный на справедливости, честности»; «правдивость, правильность суждений или поступков; разг. правота»; «идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов».

Кроме этого, материал фразеологизмов позволяет говорить о новых когнитивных признаках, недостаточно проявленных в словарных значениях (хотя на уровне скрытых, имплицитных смыслов эти оттенки имеются): 1) «народная мудрость»; 2) «искренность, открытость в выражении мыслей, чувств»; 3) «честность, порядочность»; 4) «верность, преданность».

Нетрудно заметить, что в основном эти признаки акцентируют в концептуальном содержании ПРАВДА представления о справедливости, об идеалах народной нравственности.

Многие из выявленных признаков можно верифицировать и по русским пословицам, содержащим слово *правда* (приводятся по «Сборнику русских пословиц» В.И. Даля [Даль, 1989]), например:

КП «то, что соответствует действительности, истина»: «Над правдой не мудруй»; «Бог правду видит, да не скоро скажет»; «Правда есть, так правда и будет»; «Всё минется, одна правда останется»; «Правда – что шило в мешке: не утаишь».

КП «справедливость, порядок, основанный на справедливости, честности»: «Дело знай, а правду помни»; «Дело помни, а правду не забывай»; «Велика святорусская земля, а правде нигде нет места»; «Правда сама себя очистит»; «Про правду слышали, а кривду видели»; «Правда из воды, из огня спасает»; «Правда выше солнца».

КП «правдивость, правильность суждений или поступков; разг. правота»: «Что ни говори, а правда надобна»; «Счастье хорошо, а правда лучше».

КП «идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов»: «Не ищи правды в других, коли её в тебе нет».

КП «закон, свод законов, законность, порядок»: «Нет правды на свете (суда по правде)»; «Правда суда не боится»; «За правду не судись: скинь шапку да поклонись».

КП «искренность, открытость в выражении мыслей, чувств»: «Правда глаза колет»; «Доброе дело – правду говорить смело»; «Хлеб-соль ешь, а правду режь».

КП «честность, порядочность»: «*На правде недалеко уедешь: либо затянется, либо надорвётся*»: «*По правде тужим, а кривдой живём*»; «*Правдою жить – палат каменных не нажить*».

Пословицы позволили выявить еще один оттенок смысла, важный для народного понимания правды – это связь правды с совестью: «*В нём правды нет (= совести)*»; «*Где честь, там и правда*».

Далее, в соответствии с принятой концепцией исследования, анализируем языковое воплощение концепта *ИСТИНА*. Анализ фразеологии русского языка позволяет выявить дополнительные когнитивные признаки концепта *ИСТИНА*, которые были не зафиксированы в современных русских толковых словарях.

ФСРЯ отдельной статьи для *истина* не содержит [ФСРЯ, 1968]. «Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник» дает следующие фразеологизмы: «*Азбучная истина. Чаще неодобр.* О том, что всем хорошо известно, ясно без всяких доказательств; *Голая (нагая) истина. Книжн.* Чистая, безусловная правда, абсолютная истина; *Истина в вине. Посл.* 1. Пьяный, как принято считать, говорит правду. 2. *Ирон.* Говорится как оправдание пьянству; *Прописная истина. Часто неодобр.* Нечто всем известное, тривиально верное и не вызывающее никаких сомнений» [Бирих, 1999]. — Можно заметить, что некоторые фразеологизмы со словом *истина*, представленные в данном издании, имеют отрицательную коннотацию (*неодобр.*), что не было нами обнаружено при рассмотрении фразеологических единиц, имеющих в своем составе слово *правда*. Анализ значений указанных фразеологизмов показывает, что в большинстве случаев, исключая лишь «*истина в вине*», они сводятся к следующему: «нечто всем известное, абсолютная правда».

«Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова, помимо вышеперечисленных, дает следующие фразеологические единицы: «*Горькая истина. Экспрес.* Справедливое, но неприятное замечание, оценка и т. п.; *Истина глаголет устами младенца (младенцев). Экспрес.* То, что непосредственно, без утайки, бесхитростно, высказывают дети; *Святая истина. Экспресс.* О том, что незыблемо, нерушимо, извечно» [Федоров, 1995]. — Значения данных фразеологических единиц сводятся преимущественно к следующему: то что всем известно, незыблемо, справедливо.

Анализ фразеологизмов также способствовал выявлению оттенков смысла, важных для восприятия концепта *истина* в русской культуре. Это представление о божественности, святости истины и, напротив, негативно-оценочное представление о банальности: 1) «представление о божественном, небесном законе»; 2) «банальность».

Многие из выявленных признаков можно верифицировать и по русским пословицам, содержащим слово *истина*. Их немного — по «Сборнику русских пословиц» В.И. Даля выявлено только три [Даль, 1989]. Они иллюстрируют представление об истине как о самой главной ценности в жизни человеческого духа: «*Свет плоти — солнце, свет духа — истина*». Также важно, что в пословицах В.И. Даля мы, в отличие от данных словарей, нахо-

дим **противопоставление** *правды* и *истины*, причем *правда* попадает в поле положительней оценочности, именно она связана с небом, т.е. с божественным высшим идеалом: «*Истина от земли, а правда с небес*»; «*Истина хороша, да и правда не худа*».

В целом проведенный анализ показал, что расхождений в фразеологических и паремиологических реализациях концептов значительно больше, чем сходств. Прежде всего самих фразеологизмов и пословиц со словом *правда* намного больше, чем со словом *истина*, что еще раз подтверждает тяготение концепта ПРАВДА к народному пласту культуры. Об этом свидетельствует и выявленный посредством анализа когнитивный признак «народная мудрость» (*сермяжная правда*). Сама семантика фразеологизмов со словом *правда* значительно разнообразнее, и в ней отражен смысловой акцент на представление о нравственном идеале народной жизни. В то же время смысл немногочисленных фразеологизмов со словом *истина* в основном сводится к следующему — «нечто всем известное, объективная и абсолютная правда».

Литература

1. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Спб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1989.
3. *Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю.* Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 478 с.
4. *Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: СГУ, 2005. – 166 с.
5. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. Изд. 4-е. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 328 с.
6. *Смирнова Е.Е.* Концепт «правда» в русском языковом сознании (на материале фольклорных текстов, толковых и фразеологических словарей современного русского языка) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 5–1. – С. 355–361.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
8. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1995.
9. *ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка* / Сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская Энциклопедия, 1968. – 828 с.

DEVELOPMENT OF CONTACT LANGUAGE GRAMMAR

A. Yu. Sokolova (Tver)
Tver State Medical University
alinasokolova.tver@yandex.ru

Abstract: Most theories of contact language development explain the structural similarity of contact languages by the universality of their simplification processes. The aim of this study is to show that the essence of contact language development is not a simplification or regress. It is a process consisting of several stages. One of them is a stage of pragmatic code and the next one is the developing of the language according to the model of an isolating type.

Keywords: contact language, contact language development, pragmatic code theory, "pragmatic code" stage, isolating languages, isolation.

Most theories of contact languages explain the structural similarity of contact languages by the universality of their development processes. T. Givon not only indicates the presence of general laws, but also considers the development of contact languages as a diachronic process, calling the universal stage of development an initial one [Givôn, 1979b, p. 15].

According to Givon's Theory (pragmatic code theory), contact language is not considered as a result of simplification of a given language, but a product of a complete restructuring of the language: the language being transformed under certain social conditions goes through the initial stage of the "pragmatic code", after which it begins to develop along a completely new model. Quite often, this model of language development is not related to the structure of the original language or the language with which the contact was made. In the interpretation of T. Givon, the pragmatic code includes a set of strategies or, in the other words, patterns of development, such as: a fixed word order; the prevalence of coordination; lack of inflectional morphology etc. Such features can be formed in a situation of "communicative stress", when it is necessary to make communication in the absence of communicative means [Givôn, 1979a, p. 225–226].

During the development period, the language is reduced to a "pragmatic code" or a state close to it when the language practically "does not have grammar". This is the initial linguistic stage of the development process of all contact languages. A pragmatic code turns out to be universal, that is, a property of language in general. The language practically loses the existing grammatical system. And then a completely "new" grammar is built. T. Givon calls this process syntacticization — the development of a pragmatic code according to the grammar rules of a specific language.

If we take into account the theory of pragmatic code, then there is no need to talk about the simplification of languages, about defining the development process of contact languages from the point of view of progress or regress. As noted above, after the advent of the pragmatic code stage, the language begins to evolve according to new laws. Taking into account the grammatical similarity of contact languages, it can be concluded that in the process of development, contact languages also develop along similar trends. It seems necessary to identify these trends.

Let's consider the main trends in the grammatical structure of contact languages, which are presented in the work of John Holm [Holm, 2000]:

1. Lack of inflectional morphology.
2. A phenomenon of agglutination (erasing of morphemic boundaries).
3. Syntactic polyfunctionality – the absence of bound morphemes allows words to freely change their syntactic function. Thus, in many contact languages the nominal parts of speech are indistinguishable from verbs.
4. Lexicalization of the grammatical meaning (the expression of the grammatical meaning by a separate word).
5. The fixed word order in a sentence (usually SVO or in some languages SOV).
6. In a number of languages, the presence of interrogative markers at the beginning or end of interrogative sentences.
7. Serialization – the presence of linear verb structures (serial verbs), forming a formal and semantically coherent whole. The second element often serves as a preposition or adverb (in the European sense).

As it is easy to notice, these characteristics are almost similar to the signs of languages of the isolating type. Traditionally, one of the most characteristic features of isolating languages is monosyllabism. However, isolation as a typological feature, as noted by V.M. Solntsev, does not correspond only to the morphological structure of words [Solntsev, 1963, p. 132–138]. V. M. Solntsev, studying the issues of the typology of isolating languages, considers isolation as a syntactic technique. The isolating structure of a language is determined by the syntactic properties of words and their forms. Although morphological indicators have a certain syntactic significance, words perform their syntactic functions in isolating languages, combining with other words. Morphological indicators in isolating languages are not enough to determine the syntactic function of a word. In the structure of the word itself and in its forms the relations between the words are absolutely not expressed. The word being the part of the sentence carries the potential of establishing a number of syntactic links. Connecting with each other the words “extract” their necessary grammatical links. The positioning of the words, their combination with each other is a means of mutual "extraction" and the establishment of the necessary syntactic connections. This phenomenon is called the grammatical significance of the word order, which usually manifests itself in the fixed position of the words in the sentence.

Isolation, as the main feature of isolating languages, naturally affects the functioning of grammatical categories.

First it is necessary to note an extensive discussion on the issue of the classification of words in parts of speech in isolating languages. Gao Ming-Kai speaks about the absence of parts of speech in Chinese, based on the statement that parts of speech are necessarily morphologized classes of words [Gao Ming-Kai, 1955, p. 50]. Indeed, the complete disappearance of the incoherent paradigmatics, as indicated by M. Dyachkov [Dyachkov, 1988, p. 122-132], leads to the expansion of the syntactic valence of classes of words and the blurring of clear boundaries between these classes. In isolating languages, many forms are

syntactically equivalent. Many parts of speech are able to perform the same functions.

Secondly a limited number of grammatical categories should be taken into consideration in languages of the isolating type. The common point that unites indicators of grammatical categories is that they only give an additional grammatical meaning (without changing the lexical), do not show syntactic function of the word, and are similar to agglutinative affixes.

An important property of grammatical categories is that each category is a characteristic feature only of a certain part of speech and does not affect the syntactic relations of words. For example, the category of numbers in Chinese is inherent only to the noun, which leads to the absence of morphological agreement.

There are two more important properties of indicators of grammatical categories. First, it is their actualizing role, secondly, the property of optionality. Actualization is a transition from the general meaning of a word to its specific to designate any real objects, actions, qualities. The optionality of morphological indicators is manifested in the fact that under certain conditions a word without an indicator can be used instead of a word with a corresponding indicator without a visible change in meaning.

From the above characteristics of isolating languages, it seems necessary to distinguish the following syntactic signs of isolation:

1). Non-expression of syntactic functions: the forms of words do not express their syntactic relationships to other words.

2). Expansion of the syntactic valencies of word classes and blurring of clear boundaries between these classes.

3). Independence of forms from each other - the absence of expanded paradigms.

4). Affiliation of forms to only one or similar parts of speech

5). Syntactic equivalence of forms, allowing the predominant use of certain forms.

6). The tendency to eliminate redundancy.

As we can see, the characteristic features of contact languages and characteristics of isolating languages practically coincide.

Thus, it would be more appropriate to speak not about the general features of individual contact language development, but about the tendency to change the structure of languages to isolation, since the differences cited indicate the development of isolating tendencies in the language.

Consequently, contact languages, having passed the stage of a pragmatic code, develop according to a model of an isolating type, to a greater or lesser degree, manifesting isolating tendencies.

References

1. *Gao Ming-Kai*. Problemy chastej rechi v Kitajskom yazyke [The part of speech problem in the Chinese language] // *Voprosy yazykoznanija*. – № 3.– M.: Nauka, 1955. – P. 42–53.

2. *Dyachkov M.V.* Specifika processov pidzhinizacii i kreolizacii yazykov [The aspects of pidginisation and creolization of languages] // *Voprosy yazykoznaniiya*. – № 5. – М.: Nauka, 1988. – P. 122–132.

3. *Solncev V.M.* O sootnoshenii slova i predlozheniya v kitajskom yazyke [On the connection between a word and a sentence in Chinese] // *Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov*. – Vol. V. – М.: IVL, 1963. – P. 132–138.

4. *Givón T.* On understanding grammar. – NY-London: Academic press, 1979a. – 365 p.

5. *Givón T.* Prolegomena to any sane creology // Hancock I.F., Polome E., Goodman M., Heine B. *Readings in creole studies* – Ghent: E. Story-Scientia, 1979b. – P. 3–36.

6. *Holm J.* An Introduction to pidgins and creoles. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 282 p.

РЕЧЕВАЯ ПРОВОКАЦИЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ДЕБАТОВ В БУНДЕСТАГЕ)

Е.В. Соловьева (Нижний Новгород)
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
soloveyka13@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ феномена провокации как речевой стратегии, используемой коммуникантами в современном немецком политическом дискурсе в борьбе за власть. На материале текстов дебатов в немецком Бундестаге рассматриваются особенности применения провокационной стратегии немецкими политиками в публичной речи, а также выявляются основные речевые тактики и языковые средства, вербализующие указанную стратегию.

Ключевые слова: речевая стратегия провокации, политический дискурс, жанр парламентских дебатов, обращенность, институциональность, речевая тактика.

Парламентские дебаты как отдельный жанр политического дискурса выделяется в современной лингвистической литературе в работах Ю.В. Вознесенской, Е.В. Горбачевой, О.В. Спиридовского, Е.И. Шейгал и др. Считается, что парламентские дебаты наряду с речами политических деятелей и политической рекламой формирует ядро политического дискурса, поскольку максимально реализует основную функцию политической коммуникации – воздействие на массовое и индивидуальное сознание людей, принимающих политические решения, с целью оказания влияния на распределение и использование власти [Никонова, Соловьева, 2019]. Являясь повседневной практикой совещательных органов государственной власти, парламентские дебаты наглядно демонстрируют специфические дискурсивные особенности

политической коммуникации: агональность, театральность, эмотивность, обращенность, стратегичность, а также лингвокультурную специфику национальных политических дискурсов [там же].

Фактор обращенности, под которой понимается когнитивный процесс планирования адресантом своего дискурсивного поведения, направленного на корректировку фрагмента модели мира адресата [Митрофанова, 2009], признается исследователями прагматическим вектором всей политической коммуникации. В жанре парламентских дебатов специфика адресата, к которому обращено сообщение, заключается в его сложном, многоплановом характере, включающем не только непосредственных коммуникантов в парламентской аудитории (эксплицитный адресат), но также и слушающих, имеющих возможность следить за дебатами в национальных парламентах в СМИ (имплицитный адресат). Эта двухвекторная обращенность парламентской коммуникации определяет и регулирует стратегии речевого воздействия в данной сфере, в частности, управляет действием стратегии речевой провокации, являющейся эффективным орудием политиков-ораторов в борьбе со своими оппонентами.

В узкой интерпретации под речевой провокацией в современной лингвистической литературе понимается манипулятивная коммуникативная стратегия, побуждающая партнера к речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия, например, получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния. К основным характеристикам данной стратегии относят преднамеренность оказываемого на собеседника воздействия, побудительная направленность, конфликтогенный характер. Успешность стратегии провокации может быть оценена по перлокутивному эффекту, оказываемому на адресата и вербализуемому им в форме речевых актов оправдания, ответного обвинения, упрека и др. [Иссерс, 2009].

Результаты анализа, проведенного на материале стенографических протоколов заседаний Бундестага за 2018–2019 гг., размещенных на официальном сайте немецкого парламента, свидетельствуют о том, что стратегия речевой провокации находит частотное применение в речи немецких политиков, состоящих в оппозиции к правящим силам. При помощи данной стратегии ораторы в Бундестаге осуществляют особый тип речевой агрессии, имеющей своей целью дестабилизацию эмоционального состояния собеседника, вынуждение его на резкий ответ, а в конечном итоге, дискредитацию, разоблачение, разрушение имиджа оппонента. Анализ публичных речей оппозиционных парламентариев показал, что использование стратегии речевой провокации осуществляется говорящим через использование речевых тактик, основными из которых являются *обвинение, упрек, возмущение и насмешка*. Свообразными маркерами указанных тактик в речи провокатора выступают определенные языковые средства, сознательно избираемые говорящим при реализации своего коммуникативного намерения. Для наглядности приведем несколько конкретных примеров применения частных тактик стратегии про-

вокации из парламентских выступлений немецких политиков-оппозиционеров:

Пример 1: «*Im Jemen sterben Kinder. Frau Bundeskanzlerin, wollen Sie wirklich den Saudis weiterhin die Mordwerkzeuge dafür liefern, und das noch unter dem Vorwand europäischer Kompromissbereitschaft? Ich finde, eine schlimmere Pervertierung des europäischen Gedankens kann man sich kaum vorstellen*» [Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle: электронный ресурс].

Пример 1 иллюстрирует применение провокатором тактики *обвинения*, вербализованной в форме риторического вопроса, целью которого является не запрос информации у собеседника, но субъективная негативная интерпретация фрагмента его поведения (в настоящем случае, политического решения представителя власти). Следует отметить, однако, что выражение говорящим отрицательной оценки оппонента носит не прямой, но эвфемистичный характер (*eine schlimmere Pervertierung des europäischen Gedankens kann man sich kaum vorstellen*).

Пример 2: «*Frau Nahles, Sie haben eine sehr interessante Rede abgeliefert, wo Sie auch die Demokratie beschwören. Wie kann es also sein, dass eine waschechte Demokratin, wie Sie vorgeben, es zu sein, eine Mitarbeiterin aus ihrem engeren Umfeld hat, Angela – da muss ich noch mal nachgucken –, Angela, nicht Merkel, sondern Marquardt, die in einer Postille der SPD doch tatsächlich anregt, dass die SPD im Kampf gegen die AfD und gegen rechts mit der Antifa zusammengehen soll? Das ist wirklich eine Schande für die Demokratie. Diesen Vorwurf müssen Sie sich gefallen lassen!*» [Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle: электронный ресурс].

Пример 2 демонстрирует применение провокатором тактики *упрека*, оригинальность реализации которой заключается в том, что вначале говорящий дает будто бы положительную оценку поведения политического противника (*eine sehr interessante Rede, eine waschechte Demokratin*), что, однако, не мешает ему далее перевернуть смысл высказывания вплоть до выражения в нем острой критики собеседника (*eine Schande, Vorwurf*).

Пример 3: «*Ich finde Ihre Frage sehr schön, weil Sie damit eigentlich den Bundesbürgern dargelegt haben, dass Sie die Antifa nicht als linksterroristische Organisation verstehen, und das ist in der Tat sehr interessant. Denn doch die gleiche Organisation hat auf Indymedia ganz groß geschrieben, mit denen Sie ja zusammenarbeiten. Im Übrigen, was auch ganz interessant wäre: eine Untersuchung der Verstrickungen, die Sie alle mit der Antifa haben. Das wissen Sie, und darum schreien Sie auch so. Sie – vor allen Dingen Sie von der Linken – können immer nur „Buh“ rufen, wenn es um sachliche Politik geht. Indymedia, die Antifa schreibt dort: Gaspistolen an die Schläfen von Menschen zu setzen, um sie zu töten. Und mit diesen Leuten wollen Sie zusammenarbeiten? Schämen Sie sich! Da gibt es überhaupt nichts klarzustellen. Das müssen Sie sich gefallen lassen. Das ist furchtbar*» [Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle: электронный ресурс].

Пример 3 представляет собой реализацию говорящим тактики *возмущения* для провокации оппонента. Отметим, что, так же, как и в предыдущем примере, провокатор начинает речь с выражения позитивной оценки адресата

(*sehr schön, sehr interessant*), далее, при помощи отрицательнооценочных лексических единиц (*schreien, „Buh“ rufen, Menschen töten*) эксплицирует повод своего возмущения, «вскрывая» негативные факты поведения собеседника, и завершает высказывание выражением прямой, резкой оценки действий оппонента и призывом к осознанию им своей неправоты и раскаянию (*Schämen Sie sich! Das ist furchtbar*).

Пример 4: «*Das ist ein schwerer Fehler, der unser Land noch teuer zu stehen kommen wird. Hier liegt auch das Hauptproblem Ihrer unsoliden Haushalts- und Finanzpolitik. Sie leben nur im Augenblick. Das mag Ihnen vielleicht Ihr Therapeut für ein fröhliches Dasein empfohlen haben*» [Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle: электронный ресурс].

Пример 4 являет собой реализацию говорящим провокационной тактики *насмешки*, выражающей одновременно намек на психическое нездоровье собеседника и на его несамостоятельность в принятии политических решений и позиций.

Как видно из приведенных в примерах 1–4 фрагментов провокационных парламентских речей немецких политиков, высокая институциональность данного типа публичной коммуникации делает неприемлемыми и редко применяемыми открытые формы речевой провокации, такие как прямое оскорбление и эксплицитное требование. В связи с этим речевая провокация чаще представлена в немецких парламентских дебатах скрытыми формами речевого поведения, завуалированными говорящим при помощи языковых средств подчеркнутой вежливости, а также путем усложнения иллокутивной структуры высказывания (в частности, последовательного выражения положительной и отрицательной оценки поведения или позиции собеседника в рамках одного речевого акта).

Суммируя изложенное, можно заключить, что стратегия речевой провокации находит широкое применение в жанре немецких парламентских дебатов среди ораторов, принадлежащих к оппозиционному крылу Бундестага. Однако следует отметить, что данная стратегия требует сознательного отношения говорящего к ее использованию, которое выражается, в первую очередь, в адекватном выборе речевых тактик и языковых средств для соблюдения установленных рамок заданной коммуникативной ситуации. К последним относятся принципы подчеркнутой вежливости и взаимоуважения собеседников- участников современного немецкого политического дискурса как высокоинституционального вида общения.

Литература

1. *Иссерс О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. – М., 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.
2. *Митрофанова Т.А.* Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Митрофанова. – Москва, 2010. – 186 с.

3. Никонова Ж.В., Соловьева Е.В. Лингвокультурная специфика современного немецкого политического дискурса (на примере текстов дебатов в бундестаге) // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 75–82.

4. *Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle*. 19. Wahlperiode, 48. Sitzung, 12.09.2018. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19048.pdf>.

5. *Deutscher Bundestag: Plenarprotokolle*. 19. Wahlperiode, 89. Sitzung, 21.03.2019. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/19/19089.pdf>.

РЕАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОЙ СУБСТРАТЕГИИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АДРЕСАТА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

К.А. Сухарева (Нижегород)

Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
suhareva_3@mail.ru

Аннотация: В статье дается описание манипулятивной субстратегии этнической самоидентификации адресата в целевом и инструментальном аспектах в соответствии с поэтапным планированием и реализацией манипулятивного воздействия в рекламном дискурсе.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный дискурс, коммуникативная стратегия, манипулятивная стратегия, этноним, автоэтноним.

Рекламный дискурс как сфера функционирования языковых средств представляет особый интерес, поскольку именно в рекламной коммуникации наибольшую значимость приобретают вопросы дискурсивной прагматики. Эффективность рекламы зависит от множества релевантных факторов, к которым прежде всего относится планирование стратегмо-тактического аспекта коммуникации. Выбор коммуникативных стратегий, а также средств их реализации осуществляется в соответствии с психологическими и социальными характеристиками адресата, так как мотивационная сфера, культурные и социальные стереотипы, фоновые знания реципиента будут выступать необходимыми условиями для интерпретация сообщения.

Рекламная коммуникация относится к дискурсам активного воздействия. Агенты соответствующего дискурса обращаются к манипулятивным технологиям для нейтрализации его различных антиномий: несоответствие истинных и провозглашенных целей и ценностей, установка на воздействие и регламентированность и т.д. [Колокольцева, 2011, с.6].

В основе речевого воздействия лежит контроль над смысловыми выводами реципиента, что предполагает соответствующее поэтапное планирование.

В соответствии с моделью, предложенной Г.А. Копниной [Копнина, 2008], в процессе реализации манипулятивного намерения могут быть выделены подготовительный, аттракционный и перлокутивный этапы.

Подготовительный этап заключается в произведении действий по анализу адресата и организации коммуникативной ситуации. Под организацией ситуации понимается создание условий, в которых будет осуществляться коммуникация. В качестве компонентов контекстуального фона могут быть выделены физические условия (место, время и то, что может быть воспринято органами чувств), культурный фон (фоновые знания носителя культуры: язык, традиции, нормы и т.д.) и социальный контекст (такие параметры общения как принадлежность к социальной группе, социальные нормы, социальные роли и др.) [Доценко, 1997, с. 117–120]. Также на данном этапе происходит подбор средств психологического влияния: тех психических структур, на которые будет оказано воздействие и которые будут использованы и/или трансформированы в соответствии с манипулятивным намерением. Выбираемые в качестве мишеней воздействия психические структуры варьируются в зависимости от адресата: чем шире целевая аудитория, тем универсальнее должны быть мишени психологического воздействия. На основании выбранных психологических мишеней осуществляется подбор тех коммуникативных стратегий и языковых средств, с помощью которых манипулятивное воздействие может быть наиболее эффективно реализовано на следующем этапе.

Аттракционный этап предполагает использование различных видов аттракторов и осуществление воздействия на определенные психические структуры посредством реализации выбранных коммуникативных стратегий с помощью соответствующих языковых средств.

Заключительный перлокутивный этап подразумевает анализ результатов коммуникативных действий, оценку успешности реализации манипулятивного намерения.

Схематически осуществление манипулятивного воздействия можно представить следующим образом: анализ личностных и психических особенностей адресата, обнаружение мишеней воздействия, аттракция, склонение адресата к действию, выигрыш манипулятора.

При создании рекламного текста на подготовительном этапе, адресант учитывает социально-демографические и психографические характеристики потенциального потребителя. В массовой коммуникации для охвата наибольшей целевой аудитории необходимо учитывать пересечение когнитивных пространств коммуникантов, фундаментом которых является когнитивная база лингвокультурного сообщества [Гудков, 1999].

В качестве общих для большинства реципиентов рекламного сообщения фоновых знаний среди прочих можно выделить сведения о своей стране, ее населении и культуре, а также осознание собственной этнической принадлежности. Психологической мишенью в данном случае будет являться этническая идентичность реципиента, воспринимаемая индивидом как глубоко

значимое переживание, так как она является одним из важнейших компонентов в системе конструирования личностью собственного образа.

На аттракционном этапе в целях оказания речевого воздействия на выбранную психологическую мишень используется манипулятивная субстратегия этнической самоидентификации реципиента, которая может быть реализована с помощью различных семиотических средств, однако, прежде всего, посредством использования автоэтнонимической лексики. К пресуппозициональному компоненту интерпретации рекламного сообщения в данном случае будут относиться когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты этнической идентичности. Когнитивный компонент включает в себя самоназвание народа, этнические стереотипы, осознание своей этнической принадлежности, этнодифференцирующие признаки. Аффективный компонент содержит эмоционально-ценностное отношение потребителя к своей этнической идентичности: чувство патриотизма, национальной гордости, привязанности к культуре своего народа, причастности к общей исторической судьбе и т.д. Поведенческий компонент проявляется в аттитюдах, т.е. склонности к определенным моделям восприятия, осознания, оценивания и действия в качестве члена этнической группы.

В рекламных сообщениях, которые предполагают реализацию соответствующей манипулятивной субстратегии, объекту рекламы приписывается та же этническая принадлежность, которой обладает и потенциальный потребитель. Адресант планирует использование в процессе интерпретации таких социальных и культурных установок потребителя как склонность оценивать положительно свои групповые отличия, стремление защищать групповые ценности, желание соответствовать ожиданиям своей этнической группы и т.д. Соответствующие установки позволяют не только положительно оценивать объект рекламы, но и интерпретировать потребление продукта как социально одобряемую конвенциональную модель поведения.

Манипулятивное воздействие в данном случае осуществляется за счет актуализации этнической идентичности реципиента, т.е. инициации эмоционально-когнитивного процесса осознания принадлежности индивида к какой-либо этнической общности. Актуализация этнической идентичности реципиента позволяет ему самостоятельно отнести объект рекламы к категории «свой круг» и экстраполировать ценностное эмоциональное переживание своей этнической идентичности на интерпретируемый рекламный образ.

Цель используемой манипулятивной субстратегии этнической самоидентификации реципиента, как было описано выше, заключается в актуализации когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов этнической идентичности потребителя в качестве пресуппозитивного основания для интерпретации рекламного текста и рекламного образа. Результатом применения данной стратегии является смысловой вывод потребителя о ценностной значимости объекта рекламы для этнической общности потребителя и него лично как представителя референтной группы.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 2003. [Электронный ресурс] — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm> (дата обращения: 24.03.2019).

2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 1997. — 344 с.

3. Колокольцева Т.Н. От редактора: Вступительная статья // Рекламный дискурс и рекламный текст (2-е изд.): колл. монография / Карасик В.И., Олянич А.В., Красавский Н.А., Жирков А.В. и др. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — С. 6–11.

4. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: Учеб. Пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 169 с.

ТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГАЗЕТЫ «FRAN CITÉ» КАК СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ СТРАТЕГИЯМ ПОИСКОВОГО ЧТЕНИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

О.В. Фролов (Самара)

Самарский государственный
социально-педагогический университет
ovfrolov@mail.ru

Аннотация: В статье предлагается проследить строгую зависимость понимания прагматического текста от стратегии поискового чтения; рассматривается роль ожиданий и готовности читателя как составляющего элемента «внетекстовой структуры» текста. На примере российского учебного периодического издания для изучающих французский язык вводится понятие «текстуальное пространство газеты как гипертекст», призванный сформировать навыки поискового чтения прагматического текста.

Ключевые слова: текстуальное пространство, гипертекст, поисковое чтение, внетекстовая структура.

Проблемы обучения чтению текста (здесь и далее под «текстом» автором понимается лишь письменный текст, поскольку рассматриваемые вопросы касаются лишь чтения, то есть понимания письменного текста) на иностранном языке не перестают быть актуальными, несмотря на обилие публикаций на представленную тему. Следует отметить, что о данной проблематике пишут не только российские специалисты разных иностранных языков, но и зарубежные коллеги, что свидетельствует о глобальном характере затрагиваемых вопросов.

Само понятие «текст» – явление сложное. Огромно количество толкований данного феномена [Бахтин, 1998; Лотман, 1998], и рамки рассматриваемого явления не ограничиваются, как замечено Лотманом, только «вербальным» [Lotman, 1983]. Рассматривая текст как «речевое произведение», обла-

дающее в качестве главной своей характеристики смысловой цельностью, мы обращаемся к формулировке нидерландского литературоведа Мике Баль, которая смогла дать, на наш взгляд, самое лаконичное и вместе с тем ёмкое определение текста: «законченный и структурированный набор лингвистических символов» [Bal, 1983].

Единство текста определяется прежде всего его автором; его границы могут при этом быть заданы как изменением коммуникативной ситуации, так и различными внутритекстовыми элементами. Внедрение в текст промежуточных граничных маркеров позволяет добиваться различных коммуникативно-экспрессивных эффектов, в зависимости от соотношения выделяемых этими маркерами сегментов текста с частями его внутренней смысловой структуры. Даже на этапе создания текст вступает в сложные отношения со своими возможными читателями, и это включение во «внетекстовые структуры» (термин Ю.М. Лотмана) влияет на объективный смысл, приобретаемый текстом в конкретных условиях его восприятия [Гиндин, 1987].

Таким образом, внутри одного текста может находиться множество «структурированных наборов лингвистических символов», которые так же могут трактоваться как текст, как только будут обладать характеристикой «законченности». Вполне логично возникает вопрос: чем определяется законченность текста? И также: какой минимальный «набор лингвистических символов» сможет обладать характеристикой текста, т.е. быть самостоятельным носителем смысловой цельности, а не составляющим элементом текста. Может ли текст состоять из одного предложения, и если да, то насколько коротким оно может быть? И, наконец, доведя рассуждения до, казалось бы, парадоксально-абсурдного уровня, зададимся вопросом: всего один лингвистический символ (например, буква) – это текст или нет?

Возьмёмся утверждать, что цельность текста определяется его задачей, а вовсе не структурой и тем более, не длиной. Сама же задача характеризуется, с одной стороны, ожиданием читателя, а с другой, – как раз теми самыми «внетекстовыми структурами», о которых писал Лотман. Поскольку никакой текст не является читателю из ниоткуда, всегда присутствует некая ситуация, определяющая существование текста. Не просто статья, а статья в конкретном издании; не просто надпись, а надпись на конкретной упаковке, и т.д. Действительно, сама по себе буква «Р» не является текстом, поскольку, будучи вырванной из конкретной ситуации не несёт никакой смысловой нагрузки, не отвечает ни на какой вопрос. Однако, если эта буква написана белым цветом на синем квадрате, который установлен на обочине дороги, эта буква сразу же превращается в текст, поскольку отвечает на вопрос своего читателя «Где я могу припарковать машину?» – «Здесь!»

Оставляя вне поля рассмотрения художественные тексты, имеющие, как правило, задачи отличные от так называемых «прагматических», попробуем предположить, что как только автор текста смог донести до читателя свой ответ на читательский вопрос (который необходимо заранее предугадать), так сразу получаем состоявшийся текст. С другой стороны, задачей читателя является предварительно сформулировать свой вопрос, прежде чем приступать к поиску ответа на него, то есть непосредственно к чтению. Отсюда вывод: любое прагматическое чтение есть поиск ответов на вопросы, которые читатель формулирует, опираясь на различные «внетекстовые структуры».

М.В. Строганов пишет, что «в новейшей культуре получают широкое распространение явления, которым свойственно возрождение контактных форм общения и в которых поэтому осуществляются иным образом организованные эстетические функции: массовое искусство, телевидение, Интернет и многое другое. Очевидно, эти формы, влияние которых очевидным образом нарастает, дадут и новые задачи исследователям этого вопроса» [Строганов, 2007, с. 87]. Безусловно, к перечисленным формам («массовое искусство, телевидение, Интернет и многое другое») следует отнести и газетные СМИ, в том числе и издание «FRAN CITÉ», которое самым непосредственным образом влияет на формирование эстетической компетенции читателей, изучающих французский язык. Возникает ситуация диалога («газета – читатель»), в котором, с учётом редакторской политики издания, есть определённая заданность текста и контекста, так же как определено и регламентировано речевое поведение собственно «FRAN CITÉ». При этом значительную роль играет эстетика жанра. Жанровая палитра указанного издания чрезвычайно широка: от текста объявления, рекламы и т.п. до отрывков (подчас обширных) из художественных произведений на французском языке; как прозаические, так и стихотворные тексты.

Ю.М. Коняева, говоря о массовой периодике в свете императивов текстотворчества, всесторонне рассматривает понятие «текст массового издания»: «Единое текстуальное пространство газетного номера, являясь целостным текстом, образующимся при интеграции отдельных системообразующих компонентов в общее пространство журналистского произведения, требует от продуцента активизации всех имеющихся в распоряжении средств. Следовательно, идентификация процесса создания текста массовой газеты представляет собой непростую задачу, для решения которой необходимым видится привлечение инструментария прагматики» [Коняева, 2010, с. 16].

Категория текста учебного издания идентифицируется принципами и методами текстообразования. Безусловно, текст – не только письменный до-

кумент, не только совокупность концептов и идей, относящихся к некоторой сфере, но и единое содержание, определённый комплекс идей, понятий, образов и т.п., а текст журналистский (газетный, в частности) – особое произведение; по Ю.М. Лотману и З.Г. Минцу, – «сама газета как целостный текст» [Лотман, Минц, 1981, с. 42].

Сплошной просмотр всех вышедших на сегодняшний день номеров газеты «FRAN CITÉ» позволяет рассматривать как отдельный номер, так и в совокупности все номера газеты как текст. Мы считаем возможным применить к структуре издания «FRAN CITÉ» понятие гипертекст. Этот термин, связанный с компьютерными технологиями [Мильчин, 2006], всё активнее начинает применяться в литературоведении. «В литературоведении гипертекст – это форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними» [Гипертекст: электронный ресурс]. Ни «Литературный энциклопедический словарь» (1987), ни «Лингвистический энциклопедический словарь» (2002), ни «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (2003) ещё не дают определения понятия «гипертекст». Однако в теории текста отечественной и зарубежной филологии учение о гипертексте уже сложилось [Руднев, 1999, с. 69–72].

. Из обилия определений мы выбрали то, что наиболее всего подходит к нашему изданию: «Гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [Руднев, 1999, с. 69].

«FRAN CITÉ» представляет собою особо устроенный набор текстов, действительно, такое единство и множество текстов, которое и можно, и нужно считать гипертекстом. В идейно-художественной системе текста всё взаимосвязано, всё друг от друга зависит, и применительно к нашей теме мы рассматриваем «FRAN CITÉ» как некий очень сложно организованный текст, внутри которого имеются «малые» тексты, но всё вместе подчинено идейно-художественным задачам редакторской политики и служит решению образовательно-воспитательных задач.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблемы текста / Бахтин М.М. / Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 423 с.
2. *Гиндин СИ.* Текст // Литературный энциклопедический словарь. – М, 1987. – С. 436.
3. *Жинкин Н.И.* Язык – речь – творчество. – М., 1998. – 368 с.

4. *Коняева Ю.М.* Текстуальное пространство массовой газеты: процессы интеграции системообразующих компонентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2010. – 24 с.
5. *Лотман Ю. М., Минц З. Г.* Литература и мифология // Семиотика культуры: Труды по знаковым системам. – XIII. – Вып. 546. – Тарту, 1981. – С. 35–55.
6. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. – С. 14–285.
7. *Мильчин А.Э.* Издательский словарь-справочник: [электронное издание] / 3-е изд., испр. и доп. – М., 2006. [Электронный ресурс] – URL: slovari.yandex.ru.
8. Русская провинция: миф – текст – реальность. – М. – СПб., 2000. – 490 с.
9. *Строганов М.В.* Историческая поэтика. – Тверь, 2007. – 171 с.
10. *Bal M.*, Narratologie. – Utrecht, Nes, 1983.
11. *Lotman I.*, La structure du texte artistique. – Paris, Gallimard, 1970.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РЕПРЕЗЕНТАНТОВ СКАЗУЕМОГО РЕЛЯЦИОННО-ПРЕДМЕТНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

А.А. Чвинова (Воронеж)
Воронежский государственный университет
voronejcrif@yahoo.fr

Аннотация: В статье в рамках класса реляционно-предметных предложений французского языка, выражающих отношения между соположенными предметами действительности, описывается семантическая отнесенность репрезентанта сказуемого. В частности, анализируются разновидности лексико-семантических значений, которые выражает реляционно-предметное сказуемое.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход; реляционно-предметные предложения; реляционно-предметное сказуемое, лексическая классификация.

В настоящей статье исследование проводится в рамках семантико-функционального подхода к проблеме синтаксической типологии простого предложения. В его рамках предложена типология простого двусоставного предложения русского языка, включающая следующие типы предложений: активно-процессные, пассивно-процессные, отождествительно-предметные, реляционно-предметные, признаковые [Ломов, 2004]. Исследователями французского языка данная классификация была применена и развита к типологической характеристике французских предложений, где были выявлены и описаны аналогичные типы простого предложения [Алексеева, 2017], [Алексеева, 2011], [Ковалевская, 2010], [Щербакова, 2010], [Махинова, 2012].

Целью настоящей статьи является описание лексико-семантических свойств репрезентанта сказуемого в реляционно-предметном предложении во французском языке. Реляционно-предметные предложения, по наблюдениям Е.А. Алексеевой, регистрируют отношения, возникающие между соположенными реальностями, представленными в виде грамматических предметов: *Elle est en robe rouge* (Она в красном платье); *Elle était en colère* (Она была в гневе); *Il se retrouve seul à la maison* (Он оказался дома один). Ученый отмечает, что «в данном типе предложений происходит характеристика предмета, заключенного в подлежащем, с точки зрения его отношений с другим предметом, который является носителем предметно-реляционного признака. Предмет, находящийся в позиции сказуемого, может, например, определять временное и локальное положения предмета-подлежащего, указывать на его причину и цель, регистрировать его качества и состояния» [Алексеева, 2015, с. 331].

Исследование осуществляется на основе примеров, извлечённых методом сплошной выборки из произведений французской художественной литературы и прессы.

Для достижения цели исследования необходимо отметить, что основными репрезентантами сказуемого исследуемого нами типа предложений являются существительные пропозициональной и непропозициональной семантики.

При изучении их лексико-семантических свойств принимается во внимание анализ собственной семантики репрезентантов сказуемого, который зависит от особенностей их лексического наполнения. Определение лексико-семантических свойств существительных, репрезентирующих сказуемое реляционно-предметных предложений французского языка, проводится на основе концепции Е.А. Алексеевой [Алексеева, 2016], существующих классификаций лексического наполнения существительного, а также на основании ряда других значимых параметров, связанных с тем, какие лица, предметы, явления окружающего мира обеспечивают реляционно-предметную характеристику предмета, заключенного в позиции подлежащего исследуемого типа предложений.

В связи с тем, что человек существует в окружающем его предметном мире, ему свойственно отбирать совершенно определённые предметы для обеспечения за счёт них той или иной характеристики предметов-репрезентантов подлежащего. Таким образом, основой лексической классификации репрезентантов сказуемого являются обозначения и описания человека, по отношению к которому выделяются лексические группы, связанные с его физической, духовной деятельностью, с окружающей его действительностью. Как свидетельствует проведенное исследование, лексико-семантическое значение репрезентантов сказуемого реляционно-предметных предложений французского языка распределяются на следующие группы, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы:

человек, его обозначения и описания:

– **совокупность людей, социальная группа:** «Je sais bien, madame Leymarie, que vous n'êtes pas de ces femmes qu'il faut avertir du retour de leur mari, pour leur épargner une surprise dangereuse...» (Maurois, 1976); «Pour moi, je fus longtemps à la suite de l'armée, n'osant jamais me montrer devant l'Amiral; enfin, au siège de Longnac, il me dé-couvrit dans la tranchée» (Mérimée, 1979); «Ils furent d'autant mieux reçus qu'ils étaient parmi les premiers visiteurs» (Maurois, 1976);

– **части тела:** «Lève-toi, cafard, dit le capitaine, en se tournant du côté de l'hôte qui était encore à genoux; lève-toi, et va nous chercher du vin. Ne vois-tu pas que les bouteilles sont vides?» (Mérimée, 1979);

среда обитания:

– **поверхности суши:** «Gageons, monsieur, me dit mon guide, comme nous étions déjà dans la plaine, gageons un cigare que je devine ce que vous allez faire chez M. de Peyrehorade?» (Mérimée 1976);

– **определённые части территории:** «Le but de la Russie était de répéter à Odessa ce qui se passe dans l'est du pays», a-t-il ajouté, soulignant que «notre union sera la meilleure réponse à ces terroristes» (La Tribune)

– **названия стран:** «Je me souviens qu'à cette période-là nous nous étions retrouvés au Japon pour un de mes défilés» (Le Figaro);

– **названия исторических областей:** «Point du tout, répond l'autre; je m'appelle Villequier, et je suis de Normandie» (Mérimée 1979);

– **названия городов:** «Ah ! comme je m'en suis donné quand j'étais à Paris, il y a deux ans!» (Mérimée, 1976)

– **обозначения жилища:** «Quand il se retrouve seul à la maison, Patrick sort le cadre de sa housse, le pose sur un chevalet et passe des heures à contempler les variations de la lumière sur les tonalités terreuses de la toile» (Le Monde);

– **часть пространства внутри здания:** «Nous sommes un soir du mois de mars dans une simple salle de sport de Moulins, un quartier populaire de Lille» (La Tribune)

– **учреждения:** «Des enseignements analogues existent d'ailleurs dans toutes les bonnes universités anglophones» (Le Monde)

– **транспорт:** «J'étais dans le train pour Angoulême» (Le Nouvel Observateur)

временные периоды существования, бытия:

«C'est à ce moment que j'ai lu 'Et le Singe devint con', l'un de ses meilleurs livres. (Le Nouvel Observateur)»; «Mais ce n'est qu'en 1967, avec la parution de «Cent ans de solitude», qu'il connaît la gloire» (Le Nouvel Observateur).

Действия, явления, события, с помощью которых говорящий даёт реляционно-предметную характеристику предмету-подлежащему:

– **процессы:** «La France, cinquième destination des jeunes qui étudient à l'étranger, est attractive dans sa sphère traditionnelle d'influence (Maghreb et Afrique), mais elle est en perte de vitesse» (Le Monde); «Cette tendance est à la hausse, on s'en félicite, elle est le signe d'une prise de conscience des entreprises

de la nécessité de mettre en conformité les paroles et les actes», commente Jean-Marc Mickeler, associé directeur des Ressources Humaines chez Deloitte» (La Tribune);

– **события жизни:** «Patrick se présente au rendez-vous, la toile sous le bras» (Le Monde); «Aujourd'hui, il est au centre du grand jeu russe» (Le Nouvel Observateur); «En mars, le journal «Le Monde» a révélé que l'ex-président de la République Nicolas Sarkozy, était sur écoutes téléphoniques» (La Tribune).

– **ментальные понятия:** «Toutes les scènes de la journée se représentaient à mon esprit» (Mérimée 1976);

черты характера, физические и эмоциональные состояния человека:

– **качества, черты характера:** «Elle sent la moindre chose, elle est d'un dévouement et d'une pureté ahurissante, elle ne comprend rien, mais elle comprend beaucoup mieux que ceux ou celles qui comprennent mal» (Le Nouvel Observateur);

– **физические состояния:** «En effet, à sa mort, le roi de France est dans un triste état physique, miné depuis une vingtaine d'années par d'innombrables maladies vénériennes...» (Le Point)

– **эмоциональные состояния:** «Les gens de cette copropriété sont tous en état de choc» (Le Nouvel Observateur).

Как показало проведенное исследование, реализация лексико-семантического потенциала репрезентантов сказуемого имеет свою специфику в рамках реляционно-предметных предложений французского языка, состоящую в том, что семантика репрезентанта имеет четкую антропоцентрическую ориентацию, отражающую глубину и многоаспектность изучаемого типа предложения, требующего его дальнейшего исследования с точки зрения уточнения его синтаксических и семантических особенностей.

Литература

1. Алексеева Е.А. О предикативном потенциале прилагательного // Грамматика разноструктурных языков: Сб. статей к юбилею проф. В. Ю. Копрова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 42–50.

2. Алексеева Е.А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка)//Романистика в современном мире: традиции и новации. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 329–335.

3. Алексеева Е.А. К выделению реляционно-предметного сказуемого во французском языке // Романское культурное и языковое наследие: история и современность. – Москва, ИИУ МГОУ, 2016. – С. 277–281.

4. Алексеева Е.А. Природа сказуемого: грамматика vs семантика: монография. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. – 221 с.

5. Ковалевская Я.А. Временная модификация бытийного компонента в рамках французских отождествительно-предметных предложений // Вестник

ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 50–55.

6. *Ломов А.М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке. Понятийный словарь-справочник по синтаксису. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.

7. *Махинова О.А.* Реализация признаков значений во французском двусоставном предложении предложений // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 140–143.

8. *Щербакова А.В.* Структурно-семантические и функциональные особенности пассивно-процессных предложений во французском языке // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета. – 2010. – С. 100–108.

ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

О.А. Чиженкова, Н.А. Ронжина (Нижегород)
Приволжский исследовательский
медицинский университет
oliks@yandex.ru, nglunatasha@mail.ru

Аннотация: Проблемы синонимии терминов, перевода эпонимов и сокращений возникающие при переводе медицинского текста, носят универсальный характер. Целью нашего исследования является анализ синонимии медицинских терминов в английском и французском языках и выявление точности их перевода и правильности формулировки.

Ключевые слова: перевод медицинских текстов; синонимия медицинских терминов; медицинский перевод с английского языка на русский; медицинский перевод с французского языка на русский.

Проблема синонимии медицинских терминов существует уже на протяжении многих лет и является переводческой трудностью характерной для любых языковых пар. Данной проблемой занимались многие ученые: Е.А. Плыгун, Е.В. Смирнова, А.С. Новик, Л.М. Алексеева и другие.

На сегодняшний момент медицинский язык включает в себя многочисленное количество синонимов, которые, к сожалению, очень часто трактуются неверно, что впоследствии приводит к возникновению проблем в области перевода.

Само понятие синонимия (от греческого *synonymia* – однозначность) представляет собой слова или словосочетания, которые обозначают одно специальное понятие. Существование огромного количества синонимов в медицинском английском и французском языках связано с влиянием двух других языков – греческого и латинского, например: (греч. *rhin* «относящийся-

ся к носу»; лат. *-itis* «воспаление») – *nasal catharrh, distention* (лат. *distentus* «растягивать»), *uterus – womb, scapula – shoulder blade* и другие.

Целым рядом синонимов выражается понятие «анализ мочи», который можно перевести как: *urine test, analysis, urine sample* (англ), *analyse d'urines, test d'urines, examen des urines* (фр). Однако это не говорит о полисемии слова. Каждое из этих понятий имеет свой оттенок значения.

Синонимия встречается в сфере научных терминов, например, заболеваний.

Английский язык		Французский язык	
Informal	Formal	Familier	Médical
<i>chickenpox</i>	<i>varicella</i>	<i>tonsillite</i>	<i>amygdalite</i>
<i>cold</i>	<i>coryza</i>	<i>rhume</i>	<i>rhinite</i>
<i>flu</i>	<i>influenza</i>	<i>grippe</i>	<i>influenza</i>
<i>german measles</i>	<i>rubella</i>	<i>dernières règles</i>	<i>dernière menstruation</i>
<i>hay fever</i>	<i>pollinosis</i>	<i>fièvre des foins</i>	<i>pollinose</i>
<i>measles</i>	<i>rubeola</i>	<i>essoufflement</i>	<i>dyspnée</i>
<i>mumps</i>	<i>infectious parotitis</i>	<i>oreillons</i>	<i>parotidite</i>
<i>whooping cough</i>	<i>pertussis</i>	<i>scanner (anglicisme)</i>	<i>tomodensitométrie</i>

Классификацией синонимов занимались многие исследователи, одним из которых является академик Г.Н. Бабич, выделивший четыре типа синонимов:

– идеографические – слова или словосочетания, имеющие одно значение, но отличающиеся в своих оттенках: (*doctor/ docteur – врач; physician/ phisicien – терапевт; medical practitioner – практикующий врач*);

– стилистические – слова или словосочетания, имеющие различные стилистические значения (косой глаз – *lazy eye, amblyopia / amblyopie – амблиопия*);

– абсолютные – слова или словосочетания, которые полностью совпадают в оттенках значения и стилистических характеристиках (*диспноэ – одышка / dyspnée – essoufflement, дерма – кожа; peloid – mud, medulla-marrow / moelle épinière – corde spinale*);

– терминологические синонимы, такие как: *mental retardation – mental deficiency / retard mental – défficiency mentale* (фр), *bile duct – gall duct / canal cholédoque – conduit biliaire*(фр), *cleft lip – hare lip / fente labiale – bec-de-lièvre* (фр).

Что касается аббревиаций и сокращений, они ориентированы на оптимизацию и обеспечение познавательной деятельности человека, только регулируя количественный состав лексических единиц в языке, а также – на передачу максимального объема информации минимальными средствами.

LMP	last menstrual period; left mento-posterior position of fetus
MI	<i>mitral incompetence\ insufficiency; myocardial infarction / mononucléose infectieuse, mortalité infantile, membre inférieur</i> (фр)
MS	<i>mitral stenosis; multiple sclerosis; musculoskeletal membre supérieur, mort subite</i> (фр)
NP	<i>not palpable; nasal passage nutrition parentérale</i> (фр)
OA	<i>on admission; osteo –arthritis</i>
P	<i>pulse; protein; parity progestérone, pression partielle d'un gaz, concentration plasmatique</i> (фр)
PID	<i>prolapsed intervertebral disc; pelvic inflammatory disease</i>
PND	<i>postnatal depression; paroxysmal nocturnal dyspnea</i>

Таким образом, многочисленные примеры показывают, что одно и то же сокращение может быть переведено по-разному, и в определенную аббревиатуру может быть вложен совершенно иной смысл. Тем не менее, широко применяются абсолютные синонимы, представленные как в сокращениях, так и в полной форме, причем эти сокращения универсальны и употребляются как в английском, так и во французском языках: *electrocardiogram – ECG – электрокардиограмма, RNA – ribonucleic acid- рибонуклеиновая кислота, deoxyribonucleic acid – DNA – ДНК.*

Теперь проанализируем употребление синонимичных слов в разных контекстах, чтобы выявить, насколько важен их правильный и точный перевод.

Пример	Медицинский английский / французский	Общий английский / французский
COLD	an illness, with inflammation of the nasal passages, in which someone sneezes and coughs and has a blocked and running nose. (простуда)	not warm or hot (холодный)
FROID	attraper, prendre froid, s'enrhumer	qui est à basse température
PATIENT	a person who is in the hospital or who is being treated by a doctor. (пациент)	being able to wait a long time without getting annoyed. (терпеливый)
PATIENT,-E	personne qui subit un traitement, une opération chirurgicale etc.	qui a de la patience ; qui la manifeste
FIT	a sudden attack of disorder, especially convulsions and epilepsy (приступ)	to attach an appliance correctly (соответствие)

FOCUS	the centre of an infection (сосредоточение)	the point where light rays converge through a lens (центр)
TURN	to move the head or body to face in another direction (поворачивать)	to change into something different (изменяться)

Также следует обратить внимание на сложные термины, образованные от собственных имен, которые также имеют отношение к синонимии. Такие понятия, как эпонимы, очень распространены в языке медицины. Таким образом, медицинские термины распределяются по тематическим группам (болезни: *Milkman's disease* – болезнь Милкмена, *Gilmore's groin* – грыжа / *maladie de Bechterev* (фр); синдромы: *Albert's syndrome* – синдром Альберта, *Achenbach syndrome* – синдром Ахенбаха / *incidence de Waters* / *incidence de Blondeau* – проекция по Уотерсу (фр).

Итак, можно сделать следующий вывод:

1) проблема синонимов широко представлена в медицинском английском и французском языках и это, несомненно, является фактором, усложняющим понимание и восприятие медицинского текста;

2) необходимо владеть точным и четким переводом, так как незначительная деталь может привести к некорректной интерпретации информации.

В качестве способа решения выше описанной проблемы может послужить международный глоссарий, который избавит от неточностей и вариативности формулировок.

Литература

1. *Бабич Г.Н.* Lexicology: A Current Guide. Лексикология английского языка: учеб. пособие. 4-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 200 с.
2. *Плыгун Е.А.* Синонимия медицинских терминов // Вестник БГУ. – 2014. – №2. – С. 124-129.
3. *Федина Е.А.* Синонимические отношения в медицинской терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск, 2011. – №3. – С. 188–189.
4. *Смирнова Е.В.* Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2011. – №2. – С. 190
5. *The Oxford Dictionary of New Words* / ed. by E.Knowles. – Oxford. – New York: Oxford University Press, 2016. – 357 p.
6. *Mourlhon-Dallies F.* Santé-médecine.com / F. Mourlhon-Dallies, J. Tolas. – CLE international, 2004. – 96 с.
7. *Maylis de Kerangal.* Réparer les vivants. – Éditions Gallimard. – 2014. – 298 с.
8. *Dictionnaire Encyclopédique* / ed. par Jocelyne Rebena et d'autres. – Larousse. – Paris, 2001. – 1690 с

9. *Beaulieu B.* Les 1001 vies des urgences. – Librairie Arthème Fayard – Paris, 2013. – 307 с.

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК АТРИБУТЫ АВСТРИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.А. Чукиш (Орехово-Зуево)

Государственный гуманитарно-технологический университет
vadchs@mail.ru

Аннотация: В статье представлен опыт исследования австрийских диалектных фразеологизмов; дается характеристика австрийского диалектного фразеологического фонда; делаются выводы о роли диалектной фразеологии в австрийской национальной культуре.

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеологический фонд, австрийские диалектные фразеологизмы.

Проблема влияния диалекта на фразеологию немецкого языка, вопросы развития диалектной фразеологии и определения статуса диалектных фразеологизмов продолжают привлекать внимание отечественных и зарубежных лингвистов.

Особый интерес в свете выше сказанного приобретает исследование диалектной фразеологии в контексте австрийского национального варианта немецкого языка.

Австрийский фразеологический фонд характеризуется наличием диалектных образований, обладающих отличительными качествами и свойствами.

На материале современных диалектологических источников [Малыгин, 1994; Moser, 2013; Ebner, 1998; Hornung, 1998] рассмотрим основные виды австрийских диалектных фразеологизмов, рассматриваемые нами как яркие маркеры австрийской национальной культуры.

1. Диалектные фразеологизмы со словами-этнореалиями, т.е. названиями неповторимых понятий, не имеющих соответствий в литературном немецком языке: *in die Alservorstadt Numero I gehören* «быть сумасшедшим» (*Alservorstadt Numero I* – известный венский сумасшедший дом); *fest wie der Stephansdom sein* «быть очень стойким, непоколебимым» (*Stephansdom* – собор Святого Стефана, который находится в Вене); *erzählen Sie das der Frau Blaschke!* «расскажите это своей бабушке!»; (фрау Блашке – вымышленное имя доверчивой жительницы Вены); *sich einen Batzen einbilden* «много мнить о себе, быть высокомерным» (*Batzen* «австрийская серебряная монета»); *sich bei jmdm. ein Bildel einlegen* «искать чью-либо любовь» (возникновение фразеологизма связано со старинным австрийским обычаем – дарить друзьям молитвенники, так называемые *Bidel* «Heiligenbildchen»); *schlach wie Krampus* «безобразный, очень страшный» (*Krampus* – спутник и одновремен-

но антипод Николая Чудотворца в австрийском народном фольклоре, который наказывает непослушных детей в ночь с 5 на 6 декабря).

2. Диалектные фразеологизмы с обозначениями продуктов питания: *wie ein gespiebenes Äpfelkoch ausschauen* 'быть бледным, плохо выглядеть' (*Äpfelkoch* 'яблочное пюре'); *Liebe und Griefßschmarren sein* 'быть любящей женой и заботливой хозяйкой' (*Griefßschmarren* 'манная крупа'); *zum Brösel reiben* «ни на что не годиться, быть бесполезным» (*Brösel* «блюдо из пшеницы и овсяной муки»).

3. Диалектные фразеологизмы с архаизмами и историзмами. Диалектная фразеология в значительной мере является хранителем реликтовых образований, в том числе лексем, отмеченных в немецком языке признаком архаичности. Приведем примеры: *aufpassen wie Haftelmacher* «следить внимательно, не спуская глаз» (*Haftelmacher* «старинная профессия: изготовитель застежек для платьев»); *damischer Rittmeister sein* «быть сумасшедшим или рассеянным человеком» (*Rittmeister* «ротмистр» (устаревшее воинское звание)).

4. Диалектные фразеологизмы с собственно-лексическими диалектными единицами: *jmdm. den Buckel waschen* «одёргивать кого-л.» (*Buckel* «спина»); *einen Fotzen austeilen* «дать пощечину» (*Fotzen* «пощечина»); *einen Huscha / Huscher haben* «быть сумасшедшим» (*Huscha/Huscher* «помешательство, сумасшествие»); *ein rechter Tschapperl sein* «быть неуклюжим, неумелым» (*Tschapperl* «неловкий, неуклюжий человек»).

5. Диалектные фразеологизмы с фонетическими и грамматическими отклонениями от нормы немецкого литературного языка: *Huat drauf hauen* «быть разочарованным» (диал. *Huat* > нем. литер. яз. *Hut*); *auf den Dienst nehmen* «брать на службу» (нем. литер. яз. *in den Dienst nehmen*); *ins Bett gehen* «ложиться спать» (нем. литер. яз. *zu Bett gehen*); *jmdn. am Bandel haben* «держат кого-л. в руках, командовать кем-л.» (диал. *Bandel* > нем. литер. яз. *Band*); *ein Bankerl machen* «умереть» (диал. *Bankerl* > нем. литер. яз. *Bank*); *a Zuckerl sein* «быть привлекательным» (диал. *Zuckerl* > нем. литер. яз. *Zucker*); *a Schäuferl nachlegen* «подливать масла в огонь» (диал. *Schäuferl* > нем. литер. яз. *Schaufel*).

Таким образом, проанализированные в статье различные виды австрийских диалектных фразеологизмов позволяют сделать вывод о том, что диалектная фразеология является неотъемлемым компонентом австрийской национальной культуры.

Диалектные фразеологизмы нередко выступают как своеобразные этнокультурные маркеры, показывая уклад жизни, народную мудрость, обычаи и традиции австрийского народа.

Литература

1. Малыгин В.Т. Австрийский фразеологический словарь. – Санкт-Петербург-Владимир: РГПУ им. А.И. Герцена, 1994. – 231 с.

2. *Ebner J.* Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch des österreichischen. Deutsch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. – 381 s.
3. *Hornung M.* Wörterbuch der Wiener Mundart. – Wien: Pädagogischer Verlag, 1998. – 744 s.
4. *Moser H.* Das Radio Tirol Wörterbuch der Tiroler Mundarten. – Innsbruck-Wien: Haymon Taschenbuch, 2013. – 335 s.

АВТОРЫ

Акимова Инга Игоревна, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат филологических наук; e-mail: kazyulkinamama@mail.ru

Бабанина Ольга Николаевна, ассистент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Баженова Яна Георгиевна, преподаватель кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: bazhenova.unn@mail.ru

Берзина Галина Петровна, профессор кафедры перевода и переводоведения Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, кандидат филологических наук; e-mail: bgp55@mail.ru

Бушуева Людмила Александровна, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: sebeleva@yandex.ru

Воскресенская Наталья Александровна, заведующий кафедрой зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: voskresenskaya@flf.unn.ru

Гулик Оксана Олеговна, ассистент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: narushka65@mail.ru

Дубровская Ольга Николаевна, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения СГУ им. Н.Г. Чернышевского, кандидат филологических наук; e-mail: odubrovskaya@yandex.ru

Егорова Виктория Николаевна, преподаватель кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: viktorija-egorova@yandex.ru

Ермакова Юлия Игоревна, ассистент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: monday_morning@mail.ru

Ефремова Людмила Сергеевна, ассистент кафедры романо-германской филологии и переводоведения СГУ им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: lyudmila.yefremova93@mail.ru

Жданова Елена Александровна, ассистент кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: zhdanova@inbox.ru

Жиркова Снежана Александровна, магистрант факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета; e-mail: sne.zi@mail.ru

Зинцова Юлия Николаевна, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: zintsova@mail.ru

Казаква Екатерина Владимировна, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: kazakova.e.v@gmail.com

- Казакова Полина Дмитриевна**, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: kazakova.unn@mail.ru
- Карайель Елена Николаевна**, преподаватель регионального центра франко-русского сотрудничества Воронежского государственного университета; e-mail: voronejcrif@yahoo.fr
- Кликушина Татьяна Георгиевна**, доцент кафедры английского языка Таганрогского института им. А.П. Чехова, кандидат филологических наук; e-mail: tklikushina@yandex.ru
- Конева Евгения Александровна**, доцент кафедры романо-германской филологии Курского государственного университета, кандидат филологических наук; e-mail: e.a.koneva@bk.ru
- Кострова Ольга Андреевна**, профессор кафедры немецкого языка Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук; e-mail: olga_kostrova@mail.ru
- Красных Виктория Владимировна**, профессор кафедры общей теории словесности МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филологических наук; e-mail: victoryvk@gmail.com
- Кристиано Инсигнарес Никола**, ассистент кафедры русского языка ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: cristianoinsignares@gmail.com
- Крючкова Надежда Владимировна**, профессор кафедры языковой подготовки судоводительского факультета Морского государственного университета им. Г.И. Невельского, доктор филологических наук; e-mail: kryuchkovanbv@yandex.ru
- Майорова Дарья Сергеевна**, магистрант факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета; e-mail: voronejcrif@yahoo.fr
- Мацкевич Елена Эдуардовна**, заведующий кафедрой иностранных языков Приволжского исследовательского медицинского университета, кандидат филологических наук; e-mail: matskevich@pimunn.ru
- Наговицына Наталья Валерьевна**, преподаватель кафедры преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: nagov@list.ru
- Нгома Анна Дмитриевна**, старший преподаватель кафедры преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: savenann@mail.ru
- Никитина Ольга Алексеевна**, доцент кафедры немецкого языка Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук; e-mail: kortschigo@mail.ru
- Пастухов Александр Гаврилович**, заведующий кафедрой иностранных языков Орловского государственного института культуры, кандидат филологических наук; e-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru
- Постникова Светлана Васильевна**, профессор кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук; e-mail: svetpost11@mail.ru

- Проницына Ольга Сергеевна**, ассистент кафедры иностранных и латинского языков Тверского государственного медицинского университета Минздрава России; e-mail: olgapronitsina@yandex.ru
- Ронжина Наталия Александровна**, преподаватель Приволжского исследовательского медицинского университета; e-mail: nglunatasha@mail.ru
- Ручина Людмила Ивановна**, заведующий кафедрой преподавания русского языка в других языковых средах, директор Медиа Центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: ruchinanngu@yandex.ru
- Савина Валентина Владимировна**, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: savinavv63@mail.ru
- Селютина Вероника Валентиновна**, преподаватель кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии, кандидат филологических наук; e-mail: nika_selutina@mail.ru
- Сенина Галина Александровна**, ассистент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: galina.lunn@yandex.ru
- Смирнова Екатерина Евгеньевна**, старший преподаватель кафедры преподавания русского языка в других языковых средах ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: ees@int.unn.ru
- Соколова Алина Юрьевна**, доцент кафедры иностранных и латинского языков Тверского государственного медицинского университета, кандидат филологических наук; e-mail: alinasokolova.tver@yandex.ru
- Соловьева Екатерина Вячеславовна**, доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук; e-mail: soloveyka13@gmail.com
- Сухарева Ксения Андреевна**, ассистент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: suhareva_3@mail.ru
- Флакман Анна Александровна**, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат филологических наук; e-mail: flak76@mail.ru
- Фролов Олег Вячеславович**, доцент кафедры романской филологии Самарского государственного социально-педагогического университета, кандидат филологических наук; e-mail: ovfrolov@mail.ru
- Чвирова Александра Александровна**, преподаватель регионального центра франко-российского сотрудничества Воронежского государственного университета; e-mail: a.tchvirova@yandex.ru
- Чиженкова Ольга Алексеевна**, старший преподаватель Приволжского исследовательского медицинского университета; e-mail: oliks@yandex.ru
- Чукшис Вадим Андреевич**, доцент кафедры романо-германской филологии Государственного гуманитарно-технологического университета, кандидат филологических наук; e-mail: vadchs@mail.ru
- Шевцова Юлия Викторовна**, доцент Приволжского исследовательского медицинского университета; e-mail: julia_52@rambler.ru

Юдина Кристина Алексеевна, учитель немецкого языка МБОУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 32 им. прп. Серафима Саровского» г. Курска; e-mail: yudina94@bk.ru

Ярыгина Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета; e-mail: yarygina@bsu.edu.ru

Научное издание

**Языки и культуры:
функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты**

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти С.Г. Стерлигова*

Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 года

Организационный комитет конференции

Жуковская Лариса Игоревна (председатель) – директор Института филологии и журналистики (ИФИЖ) ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Воскресенская Наталья Александровна (заместитель председателя) – зав. кафедрой зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Жанн-Мари Пьетропаоли – директор «Альянс Франсез» в Нижнем Новгороде

Бушуева Людмила Александровна – доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Постникова Светлана Васильевна – профессор кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Казакова Екатерина Владимировна – доцент кафедры зарубежной лингвистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Печатается в авторской редакции

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Формат 60×84 1/16. Усл. п.л. 10,8. Заказ № 259